

ПОСЛЕДНИЙ СВЯЩЕННИК
СПАССКОЙ ЦЕРКВИ В СЕЛЕ УСОВО
К. Г. МАХАЕВ И ЕГО ПОТОМКИ

Т. В. РАДИОНОВА

Последний священник

Спасской церкви в селе Усово

К. Г. Махаев и его потомки

В ПОИСКАХ РОДОСЛОВНОЙ

МОСКВА

ОГИ

2011

УДК 330.837
ББК 63.3(2)632-2+65.03
Р14

Радионова Т. В.

Р14 Последний священник Спасской церкви в селе Усово
К. Г. Махаев и его потомки. В поисках родословной /
Т. В. Радионова. — М.: ОГИ, 2011. — 216 с., илл.

ISBN 978-5-87857-187-6

В этой книге рассказано об увлекательных поисках своей
родословной, истории дворцового села Усово и Спасской церк-
ви, в которой более 50 лет прослужил Константин Георгиевич
Махаев, прадед автора.

Большое внимание уделено жизни детей священника, осо-
бенно старшего сына Сергея, протоирея, расстрелянного в 1938
г. органами НКВД. Интересна судьба Николая Махаева, его по-
томков, среди которых есть учителя, геологи, врачи.

В новом храме Нерукотворного образа Христа Спасителя
села Усово в 2010 г. устроены и освящены приделы в честь пре-
подобной мученицы Елизаветы (Романовой) и новомученика
Сергия (Махаева).

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интере-
сующихся историей и генеалогией.

УДК 330.837
ББК 63.3(2)632-2+65.03

Содержание

К читателю	9	5
1. История села Усово	25	
2. Священник Спасской церкви Константин Георгиевич Махаев	59	
3. Судьба детей священника	88	
4. Сергей Константинович Махаев	99	
5. Николай Константинович Махаев	136	
6. Валерий Николаевич Махаев, геолог и его потомки . . .	177	
7. Происхождение фамилии. Преемственность рода . . .	196	
Послесловие	204	
Список священников Спасской церкви	210	
Литература	212	

ISBN 978-5-87857-187-6

© Т. В. Радионова, 2011
© ОГИ, 2011

Посвящается сыну

Я возвращусь к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!

Е. Баратынский

К читателю

В 2010 г. произошло необыкновенное событие, ставшее для нашей семьи буквально чудом. На Рублевском шоссе вблизи поворота на село Усово вознесся высокий новый храм Нерукотворного Образа Христа Спасителя. Это белое здание, величественное и прекрасное, выдержано в старых русских традициях. Долго я стояла перед иконой священикомученика Сергия Махаева. На меня смотрели глаза человека, которого я никогда не видела. Но это были такие родные глаза. Ведь отец Сергей — это старший брат моего дедушки Николая, который вырастил и воспитал меня. Долго я стояла, молилась и невольно вспоминала, как начиналась история поисков своих предков.

Любой уголок земли готов рассказать о былом, часто на одном клочке земли сходятся времена и события и каждая эпоха оставляет здесь свой след. В Подмосковье в Одинцовском районе располагается село Усово среди соснового и хвойного леса. Именно в Спасской церкви этого села более 50 лет прослужил священником мой прадед Константин Георгиевич Махаев, здесь выросли его дети и среди них — мой дедушка Николай Константинович Махаев.

И вот в последние годы уходящего XX века судьба привела меня из родного Крыма в Москву. Осенью 1998 г. вместе с сыном и внуком впервые приехали в село Усово, чтобы взглянуть на родину своих предков. Я хотела посмотреть на церковь, которая в настоящее время находится на территории государственной резиденции. На мои наивные эмоциональные просьбы только взглянуть на храм два офицера службы безопасности на проходной вежливо отказали. На мой отчаянный вопрос: «Что же делать?» — они посоветовали обращаться в Администрацию Президента. Взглянув последний раз на белеющие колонны храма, решила поговорить с местными жителями. Из бесед с ними я поняла, что мне надо встретиться с настоятелем церкви в селе Ромашково, к приходу которого относится село Усово. Протоирей Алексей Бабурин рассказал, что прихожане неоднократно обращались к нему с просьбами о восстановлении Спасской церкви. Но для обоснования требовали материалы об исторической ценности храма, его священниках.

И тогда я поняла, что мне надо делать, я почувствовала, как прадед позвал меня на помощь в восстановлении духовной святыни села. Компьютера тогда у меня не было, поэтому сразу же отправилась в библиотеку села Петрово-Дальнее, которое расположено рядом с поселком Истра, где я тогда проживала. Здесь нашла историко-краеведческий альманах «Красногорье», в котором содержатся интересные публикации о селе Ильинское, что своей историей тесно связано с селом Усово. В библиотеке г. Красногорска обнаружила удивительную книгу «Венок сонетов», написанную в 1937 г. в концлагере на Соловках известным историком-краеведом А. Греч. Он сохранил для потомков описание многих усадеб Подмосковья, в том числе и села Усово.

Так началась удивительная и почти мистическая история поисков сведений о моей родной семье Махаевых. Она полна символических совпадений: это и знакомства с людьми, столь необходимыми в данный момент, и нахождение книг, архивных материалов, в которых вдруг находились столь нужные сведения, и выявление событий, отстоящих на десятки и сотни лет, но связанные друг с другом незримыми нитями. Все это необычное везение происходило, видимо, не случайно...

Идея составления семейной родословной, корни которой тесно связаны с Подмосковьем и Крымом, зародилась у меня давно. Старалась сохранять старые фото, письма, дневники, семейные предания, записывала воспоминания родственников. Так собрался небольшой семейный архив. В жизни каждого человека наступает момент, когда он задумывается о происхождении и судьбах своих предков. Наступил такой момент и в моей жизни. Но главным катализатором в осуществлении моих замыслов стала книга священника Павла Флоренского «Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования», из которой особенно врезались в память слова, что «сила религии в культе предков». Я знала, что мои прадеды по отцовской и материнской линии были священнослужителями или, по образному выражению моей бабушки, «колокольными дворянами».

И вот в преддверии встречи нового XXI века вместе с внуком составили родословное древо с фотографиями семьи Махаевых, а также других семей, которые породнились на протяжении нескольких поколений. При этом мы постарались представить, как отмечали сто лет тому назад Рождество и наступление XX века наши предки, раскрыв для этого карту нашей страны, на которой отметили места их поселений.

В Московской губернии в селе Усово Звенигородского уезда в просторном уютном доме священника Константина Махаева собралась вся семья, включая семерых детей, среди них и Николай (мой дедушка). На северо-востоке в Сергиевом Посаде за большим столом разместились десять детей священника Сергея Пикунова и среди них самая старшая — Елизавета, моя бабушка. В это время в Рязанской области в бедном селе вблизи города Скопин Рождество встречала семья священника Павла Львова, среди двенадцати детей которой был и Василий (мой дед по материнской линии). Южнее, в привольных донских степях, за праздничным столом находилась и семья казака Семена Григорьева с младшей дочкой Татьяной (моя бабушка по материнской линии). В Малороссии, на крайнем юге, вблизи Одессы и Геническа собрались многодетные семьи крестьян Радионовых и Кутовых, дети которых Иван и Дарья явились предками по отцовской линии для моего сына. Десятилетний внук наглядно увидел шесть колен, чьи гены и характеры передались потомкам.

Так судьба одной семьи оказалась вплетена в ткань истории всего народа, которому так много бед принес XX век: Русско-японская война, революция 1905 года, Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война, голодные годы, массовые репрессии, Отечественная война.

На моей книжной полке стоят фотографии родных, образцы горных пород, которые также напоминают о близких людях, о событиях, с ними связанных. Об этом отрывок из сборника поэта С. П. Красикова:

Посмотришь на узорчатые грани
Каменьев, что свет радости струят.

Далекие лучи воспоминаний
Пережитое вновь нам возвратят.

Родословное древо, которое выглядело весьма схематично, мы составили с фотографиями. С детства любила рассматривать старые фотографии, которые, как иконы, сохраняла моя бабушка. Поражают их благородные и одухотворенные лица. Мы всматриваемся в них, пытаюсь понять загадку этих людей, живших в другом мире, получить сигнал из бесконечности. И фотографии раскрывались передо мною, понемногу втягивая, впуская в свое пространство. Ведь фотография — как послание безвозвратно ушедших дорогих людей, они дают возможность ностальгического путешествия, они рождают положительные эмоции, выступают в качестве лекарства, они связывают прошедшее с настоящим и будущим. Сильные эмоции возникают не при беглом перелистывании фотоальбома, а при рассматривании фото в рамках, образующих часть настенного и настольного интерьера. При чтении фотографий важно все: имя владельца фотографии, фон, декорации, интерьер, одежда, время и год съемки. Прошлое не желает оставлять меня, оно крепко сидит во мне, вновь и вновь растревоживая воспоминания.

Вот уже более 100 лет исследователи изучают и совершенствуют язык фотографии. Ведь еще в 1869 г. был изобретен дагеротип, в 1871 г. — сухие фотопластины, в 1888 г. — фотокатушь, в 1900 г. — цветное фото 35мм, в 1930 г. — цветной негатив, в 1980 г. — цифровая техника.

К сожалению, у нас мало старых фотографий. Ведь в наш XX век — век войн, революций и потрясений, особенно при частых переездах редко удавалось сохранить семейные реликвии, тем более касающихся родственников священников. Вот и моему дедушке, который рано

покинул родной дом, пришлось сменить много мест, пока он окончательно не связал свою судьбу с Крымом. Фотографий его родителей не сохранилось. У меня была надежда найти их в семьях московских родственников. Если тебе позарез необходимо взглянуть в лицо человека, которого уже давно нет на белом свете и ты как заклинание повторяешь есенинские строчки: «Я хочу видеть этого человека», то рано или поздно ты его увидишь, хотя бы на фотографии — вот эти слова из журнала «Родина» запомнились мне. И действительно, эти фотографии после долгих поисков нашлись у московских родственников. Причем особенно много фотографий оказалось в семье Антонины Константиновны Махаевой-Недумовой. Ее дочь Серафима Ивановна была любимой племянницей дедушки. Ее внучка Татьяна Михайловна Чеботарева бережно сохранила фотографии Константина Махаева и его жены Анны Ивановны, их семерых детей с женами и мужьями. Мы долго сидим, перебирая фотографии, и моя родственница рассказывает о каждой все, что сберегла ее память. Удивительно одухотворенное лицо у прадеда, невозможно отвести глаза. Впервые увидела столь интересные для меня открытки и письма Николая Махаева из Константинополя, Витебска, Симферополя.

Плодотворной была и работа в Исторической библиотеке, где просмотрела много книг по истории Москвы и Подмосковья. Особенно ценной является сводка известных ученых-архивистов Холмогоровых, в которых содержатся подробные сведения об истории церквей, в том числе и Спасской церкви села Усово [31]. Из литературы по проблемам генеалогии стало понятно, что основные материалы, представленные в читальном зале, связаны с составлением родословных дворян. В это же время удалось найти уникальную книгу известного русского ученого

Л. М. Савелова «Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте в начале 90-х годов XX века» и переизданные Археографическим центром в 1994 г. Эта книга стала путеводителем в моих дальнейших поисках. Кстати, Л. М. Савелов с грустью отмечал, что многие оставались равнодушными к составлению семейных архивов. Впрочем, это горькое замечание можно отнести и к нашим современникам.

Среди обширной литературы по генеалогии духовенства следует отметить книгу С. А. Голубцова «Сплоченные любовью, верой, надеждой и родом...» и работу А. Матисона «Генеалогия православного приходского духовенства XVIII — начала XX века. История рода Мощанских».

В 1998—1999 гг. я пробиралась сквозь научные дебри, отыскивая нужные мне методики поисков и составления семейных родословных. Но тогда я и не подозревала, какой долгий и трудный путь мне предстоит...

Однажды передача об отечественных архивах радиостанции «Эхо Москвы» натолкнула меня на мысль попробовать поискать материалы в Центральном историческом архиве Москвы. В небольшом зале слышен шелест перевертываемых страниц. Это и есть архивная тишина, в которой хранятся дела давно исчезнувших людей. Под ветхими порыжевшими обложками сотни и сотни листов, часто покрытых витиеватым почерком прошлого века. Кому нынче дело до старых бумаг! Но под слоем пепла тлеют угли, из-под тысяч мертвых листов пробивается неостывший жар истории, поступки, лица, голоса людей. Кстати, желающих взглянуть на старинные бумаги много, надо приходить пораньше, чтобы хватило места. Да еще иметь сопроводительные документы, которых у меня не было. Поэтому заказанные документы я получала через неделю, а не через 2—3 дня. В дальнейшем

я оформила документы от храма Иверской иконы Божией Матери на Большой Полянке, что значительно ускорило поиски. В архиве впервые у одного историка увидела небольшой ноутбук, который так облегчал работу!

Здесь я изучила фонд № 608 по Звенигородскому духовному правлению, к которому принадлежала Спаская церковь села Усово [33]. С большим интересом и волнением просматривала эти ветхие страницы истории, на которых открывалась повседневная жизнь священнослужителей того времени. Это клировые ведомости о священниках, описи церковного имущества, разные прошения, метрические и исповедные ведомости, указы Московской консистории, различные дела о награждениях, наказаниях, о сборе добровольных пожертвований для разных храмов, о подписке священников на журналы религиозного содержания, о сборе средств для славян, поселившихся в Таврической губернии в 1868 г., об определении детей церковнослужителей в духовные училища, о сохранении правил встречи царя и его семьи, о содействовании археографической экспедиции Строева в 1828 г., о распространении указов царя о вступлении в Париж, о войне с Турцией, заключению мира с Персией, о мерах по разведению картофеля, об установлении опеки над детьми умерших священнослужителей. Но среди всех просмотренных дел до 1870 г. не встретила фамилию Махаев. Выписала несколько дел, касающихся Спаской церкви в Усово, которые пригодились в дальнейшем. Это означало, что надо продолжать поиски родины моего прадеда, который приехал в 1873 г. в Усово. Но откуда он прибыл, кто его родители, где искать эти сведения?

Поскольку мои поиски зашли в тупик, решила обратиться к специалистам. Позвонила в. Ф. Козлову, известному московскому ученому историку, который, как и я, ро-

дом из Симферополя. (Его телефон при отъезде из Крыма мне сообщил наш известный ученый краевед Ю. А. Полканов). в. Ф. Козлов внимательно выслушав меня, тут же вспомнил, что ему встречалась моя фамилия. Он нашел свою статью и прочитал отрывок, посвященный истории храма Петра и Павла на Большой Якиманке, где священником служил Сергей Махаев (это старший сын прадеда). Для меня все это было ошеломляющей новостью. Я поняла, что надо подробнее узнать о жизни всех детей Константина Махаева.

Чтобы почитать статью в. Козлова, которая была напечатана в шестом томе «Православной энциклопедии», пришла на заседание краеведов «Встречи на Никольской», которые организует кафедра исторического краеведения Историко-архивного института. Здесь продавали краеведческую литературу, и я смогла выписать данные о служении в церкви Петра и Павла из толстого тома Православной энциклопедии Москвы [14]. Я и сейчас стараюсь ходить на собрание краеведов, где можно узнать много интересного. Здесь мне удалось купить несколько интересных книг по истории Подмосковья, приобрести весьма интересный московский журнал об истории государства Российского, в котором позже опубликовала свою первую работу.

За более подробными сведениями о жизни духовенства в. Козлов посоветовал обратиться к историку церкви священнику Сергею Алексеевичу Голубцову, что в дальнейшем привело к новым интересным открытиям.

Осенью 2000 г. отправилась на Большую Якиманку, чтобы взглянуть на дом, где жил Сергей Махаев. Рядом находится храм Иверской Иконы Божией Матери на Большой Полянке. Эту закрытую церковь я часто видела, проходя по Большой Полянке в Старомонетный пе-

реулок, где находится Институт геологии рудных месторождений, куда часто приезжала в командировки. Храм недавно вернули верующим. С трепетом вошла внутрь. Тишина, полумрак, потрескивают свечи, освещая стены, покрытые старой росписью. Мне казалось, что я перенеслась вдруг в мир прошлого. Храм представлялся наполненным молящимися, и в нем молодой священник, так похожий на дедушку...

Неожиданно появился служитель церкви, вернув меня к действительности. Я объяснила причину неурочного посещения храма. И тут я узнала ошеломляющую новость — оказывается, иерей храма Геннадий Егоров давно ведет кропотливую работу по сбору материалов о жизни настоятеля храма Сергия Махаева, но не может найти его родственников, чтобы получить более подробные сведения. Я была так потрясена, что не расспрашивая больше ни о чем. Мне любезно дали в храме газету «Православная Москва».

Это был номер 17 за сентябрь 2000 г., на первой странице — статья о возрождении святыни — 19 августа, в день Преображения Господня, был освящен кафедральный соборный храм Христа Спасителя. Здесь же опубликованы материалы о Юбилейном Архиерейском соборе.

Каково же было мое изумление, когда я нашла фамилию протоиерея Сергия Махаева в числе новомучеников и исповедников среди сонма иных священнослужителей, пострадавших в годы гонений. Как же вовремя я пошла в храм...

На другой день снова была в церкви. При моей встрече с отцом Геннадием он сказал удивительные слова: «Я знал, что кто-то придет». В дальнейшем я познакомилась с отцом Геннадием с внучкой протоиерея Константина Махаева — Натальей Александровной, которая рас-

сказала нам о своих детских впечатлениях от встреч со своим дядей Сергеем, дедушкой Константином Георгиевичем. Всю эту беседу отец Геннадий записал на пленку. В дальнейшем я часто приходила к Наталье Александровне, рассказывала ей о своих находках, которыми она живо интересовалась, сожалея, что дети и внуки равнодушны к старине.

Интересные сведения о семейной жизни прадеда в селе Усово я узнала от своих московских родственников. Оказывается, один из сыновей священника Георгий был женат на дочери псаломщика Спасской церкви, а в Усово до сих пор живет Варвара (Гармаш) Соколова, одна из восьми дочерей псаломщика. Снова едем в село и в первом же доме (№ 21), куда мы обратились, нам все любезно объяснила хозяйка — Татьяна Ивановна Иванова. Узнав о цели наших поисков, она рассказала, что в 1932 г. ее крестил Сергей Махаев, так как старый священник болел. Вот так живет память народная о добрых пастырях. А воспоминания Варвары Соколовой о моем прадеде я записала подробно.

Собирая интересные материалы по истории села Усово и для уточнения некоторых данных о соседних усадьбах в Исторической библиотеке взяла книгу М. П. Степанова [29]. И при чтении первых страниц испытала буквально шок, прочитав, что историю о помещиках села Усово написал священник Спасской церкви Константин Махаев. Его статья была напечатана в журнале «Московский церковный вестник» в 1898 г. и, к моей радости, почти полностью приведена в книге. Получается, что его правнучка через 100 лет как бы продолжила семейную традицию. Протоирей Сергей Бабурин позднее подарил мне оригинал статьи [18]. Теперь эти материалы полностью включены в текст об истории села Усово.

В декабре 2000 г. Православный Свято-Тихоновский институт переиздал книгу С. Махаева «Сестры милосердия» (1914 г.), которая явилась плодом религиозно-нравственных бесед законоучителя с сестрами милосердия Иверской Общины [20]. Главная мысль автора: «из жизни мира никогда нельзя вычеркнуть такое великое, яркое, историческое явление, как самоотверженная любовь». Книга разошлась очень быстро, поэтому в 2003, 2006 гг. вновь была переиздана.

При поиске этой книги в магазине на Сретенке неожиданно нашла книгу С. А. Голубцова, посвященную Московской духовной академии в эпоху революций. Здесь обнаружила новые факты, свидетельствующие о совместном участии в студенческих волнениях 1905—1908 гг. Николая Махаева и Павла Флоренского. Может быть, именно поэтому мои изыскания семейного родословия начались именно с книги П. Флоренского, которую он завещал детям своим [30].

Первый год нового XXI века стал для меня особенным. Как из рога изобилия посыпались наконец столь долгожданные материалы для составления родословной.

Зайдя в тупик со своими поисками решила, наконец, позвонить священнику С. А. Голубцову. Он тут же назвал мне номера фондов в Историческом архиве, где хранятся личные дела сыновей К. Махаева, которые учились в Московской духовной семинарии. Оказывается, С. А. Голубцов, кандидат богословия, занимался историей Московской духовной академии, он автор нескольких интересных книг. Ободренная такими хорошими новостями, я спросила о своих родственниках Пикуновых из Сергиева Посада. Вот представьте — звонок совершенно незнакомому человеку, и вдруг он сообщает, что пути наших

семей пересекались в начале XX века. Оказалось, что мой прадед по бабушке священник Сергей Никитович Пикунов хорошо знал профессора Московской духовной академии А. П. Голубцова — деда моего телефонного собеседника. Дружили и их дочери Елизавета Пикунова (моя бабушка) и Мария Голубцова. Позже С. А. Голубцов подарил мне фотографии выпускниц Сергиево-Посадской гимназии, где рядом сидят совсем юные моя бабушка и ее подруга.

Настоящий фонтан открытий обрушился на меня во время работы в Центральном историческом архиве г. Москвы. В первых же томах толстых фолиантов обнаружила среди награжденных священников Сергея Махаева и Виктора Воскресенского (прапрадеда по линии бабушки). Меня потрясли листы старинной пожелтевшей бумаги, на которой каллиграфическим почерком тушью написаны приказы о службе в Коломенском духовном училище моего далекого предка. Затем внезапно нашла клировые ведомости храма Иверской иконы Божией матери (1909 г.) и Спасской церкви села Усово (1892, 1905 гг.), ревизские сказки семей священников с. Усово за 1857 г., личное дело студента Московской духовной академии Николая Махаева, подробное описание Спасской церкви за 1826 г.

Все эти материалы легли в основу нескольких статей об истории села Усово и Спасской церкви, жизни ее последнего священника Константина Георгиевича Махаева, судьбах его детей. Первую статью об истории Спасской церкви написали вместе с ее настоятелем, протоиреем Алексием Бабуриным в 2003 г. и опубликовали в московском Историческом журнале, № 7. Здесь же впервые представлены фотография прадеда, а также церковь и дворец Великих князей Романовых [21].

И еще один удивительный факт в цепи символических находок в поисках моей родословной. Историю жизни своего дедушки Николая Константиновича, его жены Елизаветы Сергеевны и отца Валерия Николаевича Махаева я написала (первый вариант) по материалам семейного архива. Но вот в мемуарах литературоведа Э. Герштейн (кстати, за свои труды в 1999 г. она получила премию Букера) впервые опубликовано письмо А. Ахматовой Ворошилову и ответ Генерального Прокурора СССР по материалам из Государственного архива РФ, предоставленные в. А. Шенталинским. И здесь нахожу документальное подтверждение участия моего отца в антисоветской группе, в состав которой в 1934 г. входили Л. Гумилев, О. Мандельштам, Пунин и студенты Борин, Махаев, Поляков [5]. Я тут же позвонила Э. Герштейн и В. Шенталинскому с целью выяснения возможности самой посмотреть архивные документы. Но мне объяснили, что это возможно только с разрешения родственников. Посмотреть это следственное дело мне удалось только в 2007 г.

Обобщив все данные по родословной, отправилась в редакцию журнала «Вестник архивиста», где приняла к печати мою статью о священнике К. Г. Махаеве и его потомках. При этом удивились, что к ним обращается не историк, а любитель-краевед [26].

Все полученные архивные и литературные материалы по истории села Усово, жизни священника К. Г. Махаева и судьбах его детей передавала протоиерею Алексею Бабурину, настоятелю Никольского храма в Ромашково и Спасской церкви в Усово.

Статья «Страницы истории села Усово» появилась в 2004 г. в литературно-художественном альманахе «Красногорье», так как история сел Ильинское и Усово (оно находится в Одинцовском районе) ранее были тесно свя-

заны [22]. На презентации этого журнала познакомилась с совершенно необыкновенным человеком, Ниной Григорьевной Калининой, автором книги «Летопись родного края», создателем историко-краеведческого музея имени преподобной мученицы Елисаветы Федоровны в с. Ильинское Красногорского района [12]. Особая заслуга Нины Григорьевны состоит в том, что она в течение многих лет беседовала со старожилами сел, записывала их воспоминания, собирала старинные фотографии, предметы крестьянского быта. В разделе книги, посвященной селу Ильинское я нашла сведения о сыне Константина Махаева Алексее, а также о родственниках его жены. В настоящее время в музее имеется созданный мной альбом с фотографиями моего прадеда, его сыновей и реконструированным обликом старого храма в селе Усово на обложке [13]. Свои публикации и книгу Сергея Махаева отправила также в краеведческий музей г. Одинцова.

Своеобразным подарком явилась моя статья о поисках родословной, которая была напечатана в «Литературной газете» 16 февраля 2005 г., в день рождения моего сына. В рубрике этой газеты «Моя родословная» опубликованы очень интересные исследования, из них наибольшее впечатление на меня произвела статья известного литературоведа Льва Аннинского, который для своих дочерей написал подробную историю семьи и собрал все материалы и фотографии в нескольких томах в хороших переплетах. Я решила последовать его примеру. Позже купила замечательную книгу Л. Аннинского «Иванов» о жизни отца, что утвердило меня в необходимости написать о короткой трагической жизни своего отца, которого я никогда не видела.

В 2007 г. газета «Крымская правда» также открыла рубрику «Родословная» и 1 февраля напечатала мою статью

«Любимые, родные» о судьбе дедушки и бабушки, которые вырастили и воспитали меня, о нелегкой судьбе геологов — моих родителей.

Горжусь, что мои статьи в последние годы были использованы в книгах о храмах Одинцовского и Ногинского районов, где можно увидеть фотографии прадеда и его старшего сына Сергея. Появились статьи в интернете, особенно много сообщений о жизни протоирея новомученика российского Сергия Махаева. В целом ряде изданий, посвященным русским усадьбам Подмосковья непременно ссылаются на статьи прадеда и мои публикации.

История села Усово и Спасской церкви

Село Усово входит в пригородную лесопарковую зону Москвы, где холмистый рельеф, Москва-река, прекрасные леса создают неповторимый ландшафт. Одинцовский район, в состав которого входит Усово, расположен на юго-восточных склонах Московской моренной гряды. Река Москва пересекает эту возвышенность с запада на восток. Здесь в нее впадает ряд рек, в том числе и Медвенка, ее имя происходит «от медоносных трав, берега устилающих». Так образно назвал эту речку Василий Никитич Татищев, который гостил в 1731 г. в Архангельском. В долине этой малой реки вблизи ее устья и располагается село, среди соснового леса с заливными, лесными и суходольными лугами на дерново-подзолистых почвах, сформированных на тяжелых и средних суглинках.

Территория Подмосковья была заселена еще в IV—III тысячелетиях до нашей эры. Свидетельством жизни здесь человека являются многочисленные археологические памятники разных эпох. Хорошо исследованная неолитическая стоянка находится на противоположном от Усова берегу Москвы-реки поблизости от села Петрово-Дальнее. Памятники ранней бронзы, характеризующие

народ более высокой культуры, обнаружены в районе села Спас (северо-западная часть Москвы). Железный век связан с появлением новой культуры — дьяковской, которая была широко распространена в междуречье Москвы-реки, Оки и Волги. Городища этого времени обнаружены по берегам притоков реки Москва [11].

В IX—X вв. на земли Подмосковья приходят племена вятичей и кривичей. Их потомкам принадлежат большое число курганных могильников. К западу от впадения реки Истры в Москву-реку встречаются курганы кривичей. Все остальное пространство на восток было занято вятичами, земли которых простирались на юг до Оки. Наиболее изучены курганы в районе села Митино.

Начиная с XIV в. результате раздач и жалований в окрестностях Москвы появилось множество владений, лежащих в основном к северу и западу от Москвы. Так, видимо, получил землю и знатный шляхтич Лаврентий Ус, который, по преданию, в 1447 г. приехал к московскому князю Василию Васильевичу (Василию Темному). Приближенные князя для оказания ему помощи в борьбе за престол Московского княжества собирали сторонников в Литве. Возможно, с ними и прибыл Лаврентий Ус, который является основателем дворянского рода Усовых. Этот род внесен в III часть родовой книги Московской и Санкт-Петербургской губерний. Согласно мнению Е. М. Поспелова, автора топонимического словаря Московской области, название села происходит от антропонима — фамилии владельца данной местности. Никаких сведений о пребывании дворян Усовых на данной территории не имеется.

Впервые упоминание о селище Усово содержится в актах писцового дела, то есть материалах для истории кадастра и прямого обложения в русском государстве [31].

По мнению ученых, это селище не очень уверенно можно идентифицировать с современным селом Усово.

Села и деревни Подмосковья в XVI-XVII вв. были мало похожи на поселения крестьян более позднего времени. Село той эпохи — резиденция феодала и центр управления его боярщины. Здесь ставились рубленые дома, различные хозяйственные постройки и несколько дворов слуг. В селе строилась деревянная церковь и дворы церковного причта. Крестьяне жили в деревнях в 1—2 двора на полянах и вырубках [1].

В исторической литературе впервые упоминание о селе Усово встречается в 1627 г., о чем свидетельствует уникальная сводка Холмогоровых [31]. Авторы использовали документы обширного архивного отдела, известного под названием Вотчинного, просмотрели по описям и алфавитам писцовые, дозорные, переписные, приправочные и другие книги, а также столбцы Поместного приказа производства Вотчинной коллегии и Департамента, переплетенные под названием «Дела старых и молодых лет». Все последующие публикации основаны на материалах этого ценного издания. Описание истории села Усово находится в третьем выпуске книги Холмогоровых, посвященном Загородской десятинае. В ее состав входили церкви Сетунского, Вяземского, Горетова и Медвенского станов. Центр Загородского духовного правления неизвестен. Но о деятельности духовного правления можно судить по патриаршим казенным приказам. Дела о владении землей, а также наследственные дела хранятся в Вотчинной коллегии по Москве. Сведения о численности населения дают переписные книги.

Земли Великого Московского княжества делились на уезды, станы и волости. Когда-то станом называлось место, куда князя с дружиной выезжали в полюдьё собирать

дань с крестьян, творить суд и расправу. Позже понятие «стан» стало употребляться для обозначения исторически сложившегося административного деления уездов, которое оставалось почти неизменным до первого десятилетия XVIII в. В начале XVII в. село Усово находилось в пределах Сетунского стана, в состав которого входила обширная территория от впадения реки Сетунь в Москву-реку вдоль правого ее берега по обе стороны от Можайского шоссе (современные Кунцево, Строгино, Ромашково, Раздоры, Барвиха, — до Усово, где по реке Медвенке проходила граница с Медвенским станом (с. Перхушково, Бузаево, Знаменское). По левому берегу Москвы-реки находился Горетов стан (Тушино, Павшино, Архангельское, Ильинское), в южной части которого раскинулись обширные заливные луга дворцовой вотчины, которые впервые упоминаются в завещании великого князя Василия Темного как земли мои «лужские и павшинские» [11].

В начале XVII века великий голод и многолетняя польско-литовская интервенция нанесли Подмоскovie громадный урон. Особенно пострадали села, которые находились вблизи лагеря Лжедмитрия II, а затем лагеря польского королевича Владислава, осаждавшего Москву в 1618 г. Сохранились донесения разведчиков, которые доезжали по Звенигородской дороге до села Ильинское, где «стоят литовские люди» [12].

После изгнания интервентов новый русский царь Михаил Федорович Романов щедро раздаст опустевшие подмосковные земли своим приближенным. В их числе оказались и князя Сицкие, бывшие в родстве с боярами Романовыми. Князь Алексей Юрьевич был родным племянником боярина Ивана Васильевича Сицкого, жена того на родной сестре Патриарха Филарета — Евфимии Никитичне. Дед князя Алексея Юрьевича, боярин Васи-

лий Андреевич женат на Анне Романовне Захарьиной — старшей сестре царицы Анастасии Романовой. Стольник Федор Алексеевич подписал грамоту об избрании царем Михаила Романова, за что ему подарено село Усово. По писцовым книгам за 1627 г. за князем Ф. А. Сицким значится «вотчина села Усово, а в селе церковь Всемилоственного Спаса Нерукотворного образа, да в приделе преподобного Михаила Мелеина да Федора Стратилата деревянные клетцки. А в церкви образы да свечи и книги, на колокольнице колокола, всякое церковное строение, у церкви во дворе поп Прокофей Тимофеев, да в селе двор вотчинников, конюшенный и скотский, 4 двора людских, из них 10 человек». (Писц. Кн. 689. Л. 1622). В приходных окладных книгах патриаршего казенного приказа за 1628 г. в селе находится церковь с приделами преподобного Михаила и Федора Стратилата (это ангелы государя Михаила Романова и князя Федора Сицкого). В дозорной и описной книге церковных земель села Усово согласно досмотра и описи Ивана Соболева по указу Патриарха Иоакима написано: «1630 г. июля 29 церкви Всемилоственного Спаса Нерукотворного образа поп Иван сказал, что у той де церкви церковной земли нет ничего, а он слугит того вотчинника из руги, а руги ему дает на год денег 6 рублей, да хлеба ржи 8 четьи, овса 5 четвертей». (Патр. приказ. Дозорн. кн. 141. Л. 471—472 [31]. По писцовым книгам Московского уезда и огладу жилых данных церковей Ивана Нелединского в 1633 г. значится церковь, двор попов, двор вотчинников, 6 дворов крестьянских, 2 двора бобыльских, пашни церковной нет, попу вотчинник ругу дает.

После смерти Федора Сицкого его отец Алексей Юрьевич, начальник приказа Казанского дворца отдал в 1632 г. село Усово своей дочери Авдотье, которая вышла

замуж за стольника Глеба Ивановича Морозова [1]. Его брат боярин Борис Морозов с детства воспитывал, обучал молодого царя Алексея Михайловича. В дальнейшем он исполнял разные государственные поручения. Залог его удачных дел — безграничное доверие царя, который во всем слушался «своего дядьку», почитал его как отца. Историки сравнивают умного, властолюбивого Б. Морозова с правлением французского кардинала Мазарини. Воспользовавшись своей властью, Морозов в 1638 г. владел 330 дворами, в 1647 г. число увеличилось до 6034, а через шесть лет уже составляло 7254 двора. В Павловской слободе Б. Морозов устроил пруды для разведения рыбы, основал на речке Беяна (села Ивановское, Обушково) небольшие железодельные заводы, которые позже были приписаны к селу Степановское, историей которого я заинтересовалась, когда здесь поселилась. Оказывается, это село возвратилось в дворцовое ведомство в 1656 г. и стало новой вотчиной царя Алексея Михайловича, который хотел быть поближе к своему любимцу Б. Морозову. Известно, что набожный царь часто совершал путешествия по древнему Звенигородскому тракту в Саввино-Сторожевский монастырь (знаменитая царская дорога). Это было любимое место династии Романовых. По пути царь неоднократно бывал в селе Дмитровское, вел там беседы с патриархом Никоном, охотился в долине Истры [12]. После лишения Никона патриаршего сана, царь приписал Дмитровское к своему селу Степановское, где до настоящего времени сохранились уникальные пруды с целой системой плотин. Нарезка прудов была достаточно равномерной (длина до 230 м.) В каждом пруду разводили определенный тип рыбы (лини и караси, окуни и плотицы, лещи, язи, голавли, щуки).

По писцовым книгам Московского уезда в 1633 г. в селе значится «церковь, двор попов, двор вотчинников, 6 дворов крестьянских, 2 двора бобыльских, пашни церковной нет, попу вотчинник ругу дает». В патриаршем приказе за 1637 г. (Кн. 9. Л. 170) значится «церковь Спаса Нерукотворного Его Образа в селе Усово в вотчину боярина Глеба Морозова, дани 23 алтын» [31].

В патриаршем приказе за 1637 г. (Кн. 17. Л. 201) «церковь Спаса Нерукотворного Его образа в селе Усово на реке Москве в вотчину боярина Глеба Морозова, дани 13 алтын.

В 1664 г. право владения селом утверждено за Иваном Глебовичем Морозовым отказною книгой, в которой написано: «...в селе Усово церковь да придел Федора Стратилата, деревянные клецки, у церкви поп Иван Денисов, во дворе дьячек Алексей Никифоров. Историки отмечают, что настоящей хозяйкой села была вдова Ивана Глебовича боярыня Феодосия Прокофьевна Морозова, чтимая старообрядцами как святая. Она была увлечена речами протопопа Аввакума, приняла постриг в монашество, затем сослана в город Боровск [1].

История села Усово тесно связана с историей окрестных сел: Ильинское, Архангельское, Петровское. На рубеже XVI—XVII вв. село Ильинское было центром обширной дворцовой вотчины, где уже существовали деревни Захарьинское, Уполозье на реке Горетинке по левому берегу Москвы-реки. У слияния рек Истры и Москвы известно сельцо Дурнево, которое по духовной грамоте за 1505 г. царь Иван III завещал сыну Юрию. Интересно, что с. Ильинское принадлежало Стрешневым. Род дворян Стрешневых был довольно известным и приближенным к царскому двору. В 1634 г. вотчина была пожалована Василию Ивановичу Стрешневу, родному брату царицы Евдокии, жены Михаила Федоровича Романо-

ва. в. И. Стрешнев заведовал при дворе царя приказом золотого дела и возглавлял экспедиции по поискам золота. В это время село Архангельское принадлежало боярам Шереметевым, затем Одоевским. В 1660 г. была построена церковь Архангела Михаила [29]. В с. Дурнево-Петровское князя И. С. Прозоровского церковь во имя Успения Богородицы строится в 1665 г. Церковь Ильи Пророка в Ильинском упоминается в приходных книгах патриаршего приказа за 1628 г., но построена она раньше [12].

В 1672 г. село Усово было пожаловано одному из близких людей царя Алексея Михайловича — Афанасию Ивановичу Матюшкину и за ним утверждено. Отказной книгой (кн. 7), в которой упоминается наличие церковного придела во имя Михаила Малеина, попа при церкви не было. Матюшкины — русский дворянский и графский род, внесен в VI часть родословной князей Владимирской, Костромской, Московской и Тверской губерний. Они были воеводами, окольными, стольниками, ловчими при русских государях. Павел Иванович Матюшкин был дьяконом приказа большого прихода при царе Михаиле Федоровиче. Его сын Иван женат на сестре царицы Евдокии Лукьяновны — Феодосии, урожденной Стрешневой, бывшей в родстве с царем Алексеем Михайловичем. Матюшкин Афанасий Иванович — думской дворянин. В 1676 г. вотчина Усово перешла к его старшему сыну Ивану Афанасьевичу и тогда проведена опись, по которой в селе числится 10 крестьянских дворов, 42 человека [1].

В 1696 г. владельцем села стал генерал-аншеф Михаил Афанасьевич Матюшкин (1695—1755), который по материнской линии приходился троюродным братом Петру I. Этот выдающийся деятель петровского времени взял город Баку, служил в должности киевского генерал-губернатора. Он потратил много сил на обустройство се-

ла и церкви, что удержалось в памяти народной и по документам, которые сохранялись долго в семье священников. В казенном приказе сохранилось дело о построении новой церкви взамен сгоревшего в 1702 г. деревянного храма. Михаил Матюшкин в прошении писал: «Прошу лес ронить и церковь строить и о том дать Преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому Благословенную грамоту». 15 января 1704 г. поместный приказ уведомил патриарший приказ, что вследствие челолюбия стольника М. Матюшкина из его «вотчины с. Усово утверждено к церкви Спаса Его Нерукотворного образа священнику с причетниками пашни 15 четвертей в поле, сенных покосов на 15 копен. По росписании на церковь к прежнему окладу доведется дани прибавить, всего прежней и новой дани будет 17 алтын. 3 деньги, заездна гривна». По этому делу последовала резолюция патриаршего приказа: «..вышеописанную прибавочную дань с прежним окладом, тоя церкви имеет с нынешнего года сполна» [31].

В переписной книге 1704 г. (Кн. 9814. Л. 63) за М. Матюшкиным записано: «село Усово и церковь, не освященная, при церкви двор попа Григория пуст, двор дьячка Ивана Федорова пуст». 6 марта 1705 г. ко дню освящения новой церкви «по благословенной грамоте выдан антиминс то я же церкви попу Ивану Максимову» (Патр. приказ. Кн.138. Л. 264).

После смерти М. Матюшкина имение Усово принадлежало его вдове Софье Дмитриевне с сыновьями Михаилом и Дмитрием. При церкви указаны священник Иосиф Федоров (1709 г.), Василий Семенов (1733 г.), дьячек Федор Александров (1709 г.) (Вотч. колл. Кн. 91. Д. 6).

Рубеж XVIII столетия — время петровских перемен. Общественная значимость первого сословия, приобре-

ние дворянства к европейской культуре, сохранявшего при этом национальные традиции, нашли свое выражение в облике и быте дворянских усадеб, строительство которых широко развернулось в России. Под Москвой также строится множество усадебных ансамблей как, например, в Архангельском. И более скромные, но характерные усадьбы в Ильинском, Петровском, Усово. Интерьеры домов украшались фамильными портретами, картинами, гравюрами русских и иностранных мастеров. В парадных залах стояла мебель красного дерева и карельской березы. Убранство дополнялось стеклом, фарфором, бронзой, часто сохранялись старинные библиотеки. Дворянские гнезда в России были не только хозяйственными, но и культурными центрами.

С началом эпохи царствования Екатерины II (1672—1796) наступает новая пора в развитии села Усово, когда ее владельцем становится Михаил Михайлович Матюшкин (1760—1804). Мой прадед Константин Георгиевич Махаев (1850—1932), последний настоятель Спасской церкви, составил в 1898 г. очерк истории села в XIX веке по материалам семейного архива, на который я буду ссылаться в последующем изложении [18]. Ведь история без генеалогии, по мнению писателя в. Пикуля — это сосуд, из которого выплеснули живительный напиток.

М. М. Матюшкин построил первую документально известную барскую усадьбу, возвел первый каменный храм. «В селе возвышался прекрасный дом богатого помещика, окруженный удивительными оранжереями, прекрасным садом, огородами, а также множеством разных служебных строений и заведений, скотным двором, пекарнями, кузницами. В 1765 г. на возвышенном месте, открытом с северной, северо-восточной и северо-западной стороны близ Москвы-реки в нескольких саженях от вновь строя-

щегося дворца построен Матюшкиным прекрасный храм вместо ветхого деревянного, устроенного в 1705 г. майором Преображенского полка Михаилом Афанасьевичем Матюшкиным, во имя Спаса Нерукотворного Его образа, доселе невредимо сохранившийся. В 1705 г. в селе было 20 дворов с 116-ю душами мужского пола. Причт был двучленный, а с 1760 г. — трехчленный и состоял из священника, дьячка и пономаря. Священническое место с тех пор родовое, так что настоящий священник (К. Махаев) с 1760 г. составляет пятый род.

Причт жил тогда на весьма приличной руге, какой не получало духовенство у помещиков соседних, не менее богатых. Крестьяне села также пользовались необыкновенными милостями этого щедрого помещика, который сам жил весело и желал, чтобы и крестьянам его жилось весело. Говорят, что, когда он выезжал из своего имения или возвращался обратно, выезд и въезд его возвещался пушечной стрельбой. Это время для Усово было эпохой славы во всех отношениях и название „веселого“, под которым оно слыло в виду сказанного, вполне к нему шло. В бумагах начала XIX века село называли Веселое — Усово тож».

В 1804 г. М. М. Матюшкин умер (похоронен в Донском монастыре) и оставил село Усово своим побочным сыновьям — Сергею, коллежскому ассесору и Дмитрию, гвардии капитану по фамилии Лассенгефнер. В 1806 г. имение было продано графу Н. И. Салтыкову, видному деятелю времен Екатерины II, воспитателю Павла и Великих князей Александра и Константина.

В соседних с Усово имениях владельцами были известные и родовитые дворяне. Ильинское принадлежало Стрешневым. Родион Матвеевич Стрешнев был назначен в дядьи к царевичу Петру, будущему императору. А вос-

питателем Петра был брат хозяина села Петровское Борис Александрович Голицын. Иван Родионович Стрешнев участвовал в формировании первых потешных полков Петра I и был с ним в Азовском походе. При Василии Ивановиче Стрешневе в 1766 г. в селе создан регулярный фруктовый сад, построен конный завод.

Архангельское с 1703 г. принадлежало Д. М. Голицыну, известному государственному деятелю петровской эпохи. Он задумал создать загородную усадьбу для постоянного жительства летом, для хранения художественных ценностей и огромной библиотеки. Но эти планы были осуществлены позже его потомками [29].

36

В селе Петровское существовала каменная церковь Успения (1688 г.), на освящении которой были Патриарх Иоаким с царицей Софьей по пути в патриаршее село Дмитровское на реке Истре. Начиная с 1720 г. село Петровское почти 200 лет принадлежало князьям Голицыным.

Значительный урон подмосковным усадьбам и селам был нанесен во время Отечественной войны 1812 г. Сохранилось сообщение приказчика Петровской вотчины князя Ф. Н. Голицына управляющему московской конторой: «...в Глухове сено все забрано неприятелем для фуража. Села Дмитровского половина сгорела, а также Тимошкино, Грибаново, Сареево и Усово». В селе Архангельское опустошены поля, погибли люди, разрушена Захарковская переправа через Москва-реку. В своей статье об истории с. Усово священник К. Махаев пишет, что, по словам диакона Харлампия Лосева, переданных им письменно, в 1812 г. в Спасо-Усовском храме почти все было расхищено французами. «Из прежних украшений храма едва сохранились от неприятеля следующие предметы: три благоукрашенных серебряными ризами и каменьями иконы — местная Спаса Нерукотворного Его образа

и две иконы Божия Матери Тихвинской и Боголюбской в нарочитых киотах, обделанных Василием Соколовым (псаломщик церкви в конце XIX — начале XX в.) и ковчег серебряный 1873 г. Все эти предметы сохраняются доселе (1898 г.) в том самом виде, в тех же ризах и тех же киотах». После войны 1812 г. колокол Спасской церкви был разбит, а в селе Лайково в храме Казанской Божией Матери колокольня сгорела. Растопленная медь в количестве 24 пудов (стоимостью 330 р.) хранилась в церкви с. Усово. Священник Харлампий Иоанов подает в 1822 г. прошение в Звенигородское духовное правление о перелитии колокола Спасской церкви, а также о передаче части земель с. Лайково причту с. Усово [33, 34]. В архиве сохранились также дела различных прошений священников Х. Иванова, И. Андреева, дьячка А. Невского [35].

37

В 1817 г. селом Усово владел полковник, статский советник Дмитрий Павлович Рунич (1780—1860), член главного правления училищ, государственный деятель. Он опубликовал интересную переписку, в которой представлены материалы по истории масонства в России. Интересно, что многие владельцы описанных имений увлекались масонством. Особенно ему был привержен владелец с. Степановое Богданов, который претворил в жизнь некоторые идеи масонского братства. Отец Дмитрия Рунича — Павел Степанович (выходец из Венгрии) был участником секретной комиссии по расследованию пугачевского бунта, пользовался особым доверием у Павла I. Помещику Д. Руничу принадлежит заслуга приведения Спасо-Усовского храма в вид благолепный и благоустроенный. Добрая молва народа о нем вполне подтверждается щедрыми ценными пожертвованиями для Спасской церкви в виде церковной утвари, которая доселе сохраняется и теперь составляет одно из лучших и первых в храме украшений.

Пострадавшие от неприятеля усадьбы отстраиваются, многие из них переживают период расцвета. В 20-е годы XIX в. широкую славу приобретают имения Архангельское, Ильинское, Петровское. Владелец Архангельского граф Александр Иванович Остерман-Толстой, портрет которого висит в галерее героев 1812 г. в Зимнем дворце, в чине генерал-лейтенанта участвовал в Бородинском сражении. Он построил новый усадебный дом, несколько флигелей и парковых павильонов, разбил великолепный парк. Управляющим в имении был известный писатель И. А. Лажечников. Ильинское славилось своим крестьянским хором, их песни поразили поэта Н. М. Языкова и П. В. Киреевского, которые собирали русские песни [16].

С 1820 по 1843 г. село Усово принадлежало гвардии-прапорщику Преображенского полка Александру Петровичу Хрущеву (1806—1875). Он происходил из старинного русского дворянского рода, предок которого прибыл из Польши в 1493 г. в Москву. Род Хрущевых внесен в 6-ю часть дворянской родословной (Тульская, Тамбовская, Курская, Московской губернии). После Отечественной войны богатый тамбовский помещик покупает на Пречистенке сгоревшую усадьбу у наследницы князя Барятинского. Для восстановления дома он приглашает Афанасия Григорьева, талантливого архитектора из бывших крепостных. А. Григорьев живет в 1788—1845 гг. в семье известного архитектора Доменико Жилярди и его сына Ивана (Джованни). Вместе они работали над проектом Опекунского совета, перестройкой Слободского дворца (ныне МГТУ им. Баумана). Именно от Жилярди А. Григорьев получил первые навыки по строительству и основные знания в области архитектуры. Новый дворец на Пречистенке, дом 23, был построен в стиле ампир, в основе которого оставалась классика. Но обилие декоративного рельефа, стремление

к наличию наиболее совершенных пропорций придавало дому новое качество — роскошь. В 1822 г. талантливый архитектор построил особняк на Пречистенке, 11, где сейчас размещается музей Л. Н. Толстого. Современники отмечали, что постройки Григорьева отличались определенной лиричностью, интимностью. Видимо, одновременно с московским домом при участии А. Григорьева, создателя ампирного стиля в усадьбах Ершово, Суханово, Кузьминки построено одноэтажное здание с мезонином в селе Усово, куда из своей усадьбы в Москве на Пречистенке (знаменитый дом Хрущевых-Селезневых, где сейчас находится музей А. С. Пушкина) господа приезжали на лето. Здесь все было устроено хозяйственно и домовито. Это было одноэтажное здание с мезонином с окнами, разделенными пилястрами с полуциркульными завершениями, с красиво вытянутым фасадом [7].

«Время А. С. Хрущева, помещика доброго и сердечного, ознаменовано незабвенным памятником для Усово — им устроена прекрасная придельная трапезная каменная церковь во имя образа Казанской Божией матери с каменной колокольнею, снабженной весьма приличным звоном: всех колоколов 7, в большем из них 98 пудов! Переделка Спасо-Усовского храма тоже принадлежала Григорьеву. Более старому сооружению середины XVIII века он придал ампирный наряд, пристроив колонные портики, переделав наличники окон, украсив шейку граненого купола ионическими колоннами. К этому массиву зодчий прибавил трапезную с типичными трехчастными окнами, чрезвычайно близко напоминающими красивый ампирный пролет, украшающий уличный фасад углового дома в саду московской усадьбы Хрущевых. Внутри церкви, в этой более новой ее части, был устроен над входными дверями придел, сохранивший исклю-

чительно стильный ампирный иконостас: темно-синий с белыми деталями и золотыми украшениями. Лучшее звено церкви, очень удавшееся мастеру — это связанная с ней колокольня — высокий цилиндр, обведенный внизу колоннами с прорезанными в ней полуциркульными окнами. Ярус звона помещался в своеобразной беседке — ротонде из четырех арок промеж сдвоенных ионических колонн. Выше — купол и типичный ампирный шпиль. Сочетание оранжевой и ослепительно белой раскраски дает яркое и радостное архитектурное пятно на изумрудной траве спускающегося к Москве-реке луга, на которой зеленые тени бросают живописно раскинувшиеся по откосу березы». Такое яркое описание храма в Усове оставил А. Н. Греч, человек удивительной судьбы. После революции он принимал участие в работе Общества по изучению русской усадьбы, был арестован, свою удивительную книгу «Венок усадьбам» написал в лагере в Соловках. Она была издана в серии «Памятники Отечества» в 1995 г., в последние годы вышло новое, более полное, издание.

Описание церкви дополняют фотографии ее общего вида, колокольни, перспективы северного фасада, выполненные в 1930 г. Ю. П. Еременко. Они хранятся в фототеке государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева. Копии фотографий мне любезно подарил протоирей Алексей Бабурин.

Интересные сведения о соседних селах приведены в указателе селений и жителей уездов Московской губернии в 1852 г. (составитель К. Нистрем, хранится в библиотеке Центрального исторического архива г. Москвы).

«В Звенигородском уезде отмечено сельцо Лайково I стана, принадлежащее Налетову, Ильинское — село I стана князя Л. М. Голицына, крестьян 376 мужчин, 373 женщины, Ильинская церковь. Перхушково — село II стана

Яковлева, 182 мужчин, 221 женщина, 58 дворов, Покровская церковь. Подушкино — сельцо I стана Казакова в. Б., 78 мужчин, 87 женщин, 18 дворов. Сареево, деревня II стана князя Л. М. Голицына, 85 мужчин, 70 женщин, 18 дворов, близ Звенигородского тракта.

Спаское-Усово — село I стана, которое принадлежит сестрам Елисавете и Ольге, дочерям коллежского советника Александра Вельяминова. Крестьян 95 душ мужского пола, 120 женского, 18 дворов, Спаская церковь. 25 верст от столицы и 22,5 от уездного города на Звенигородском тракте».

Здесь же есть сведения о месте пребывания моего прадеда в Коломенском уезде: «Карпово — село I стана, владеет Заливской Александр Денисович, штатный ротмистр, крестьян 328 душ мужского пола, 332 душ женского пола, 89 дворов, одна церковь, 85 верст от столицы, 17 верст от уездного города, близ Рязанского шоссе». В аттестате выпускника Московской духовной семинарии Константина Егоровича Махаева указано, что в этом селе в Михайло-Архангельской церкви служил его отец Егор Симеонович Махаев.

В 1843 г. село Усово купил титулярный советник в. В. Неведомский, а в 1846-м надворный советник Александр Вельяминов и до 1866 г. его дочери Елизавета и Ольга владели этим селом. О помещице Ольге Александровне в селе сохранялась добрая память, о чем пишет священник К. Махаев в своей статье в 1898 г. Несмотря на то, что под конец своей жизни Вельяминова совсем обеднела, она делала своим крестьянам все, что могла: обучала их разным ремеслам, наделила их весьма доброкачественным наделом с хорошего качества землю: лесной, луговой и пахотной. Но этим, к сожалению, она не спасла своих крестьян от обеднения. Крестьяне, обрадовавшись

данной им воле, зная ремесло, бросили свое сельское хозяйство и отправились на заработки. Расстроив свое хозяйство, а от заработков не найдя выгоды, снова вернулись к хозяйству, но не смогли уже сколь-нибудь хорошо устроить его и самим устроиться. Усово приняло вид вымороченного села: стояли где дом, где два, кое из чего сколоченные, ветхие, покосившиеся, с раскрытыми наполовину кровлями, без дворов, разделенные большими переулками с ямами — свидетелями прежних строений. В это время и причт церковный впал в бедность, будучи лишен руги от помещиков. Равным образом и храм величественный не по приходу, не имея собственных средств и лишенный помощи со стороны помещицы, пришел в упадок. В это время имение не приносило доходов. К селу тогда более подходило название «печального».

В январе 1867 г. имение куплено владельцем соседнего села Подушкино (1850 г.) генералом А. Б. Казаковым, который занимался поставкой лошадей императорской конюшне и армии. Он владел также лесопилкой на реке Медвенке, собирался строить дачи под аренду в Усово [27].

Эпоха возрождения села начинается с апреля 1867 г., когда имения Ильинское и Усово были приобретены Департаментом Уделов для императора Александра II, который по указу от 13 мая подарил «Любезной Супруге Моей Государыне Императрице Марии Александровне... и повелел зачислить это имение в собственность Императорского Величества и впредь до особого повеления оставить в своем управлении». С тех пор Усово стало летней царской резиденцией, а «Усовский храм видит у себя царей и цариц, царственных лиц и высокопоставленных особ, митрополитов и викариев» — вспоминает мой прадед. Императрице очень понравились ее новые имения и чудесная природа.

В 1860 г. был составлен генеральный план села, впервые опубликованный в книге И. Слюньковой по материалам РГИА [28]. Характерно компактное размещение господского дома, с доминирующим положением храма. От шоссе к Усово вели две прямолинейные дороги. Главная аллея проходила через село и поводила к усадьбе с южной стороны. Перспектива замыкалась церковью. Справа, вдоль дороги, располагалась линия крестьянских домов, за которой размещался конный завод и ферма.

Барский дом с флигелем своей южной стороной был обращен к саду, оранжереям, огородам. Северным фасадом — в сторону пейзажного парка вдоль участка Москвы-реки. Планировочным стержнем и украшением пейзажного парка служила протяженная прямолинейная просека от дома к холму посреди леса. Она завершалась круглой площадкой вблизи впадения речки Медвенки в Москву-реку. В других красивых местах парка построены водяная мельница, дом мельника, каменный грот, каменный арочный мост на сваях, подводивший к системе прудов в пойменной части реки Москвы.

Обстоятельное описание господского дома находим в монографии Степанова [29]: «Усадьба состояла из господского деревянного дома с мезонином длиной по фасаду в 71 аршин, глубиной 15 аршин. С лицевой стороны был подъезд и каменная терраса с шестью деревянными оштукатуренными колоннами, поддерживающими балкон мезонина, с западной стороны была такая же терраса. Дом по всей ширине был разделен темным коридором на две половины. С одной стороны были столовая, гостиная, чайная, буфетная, кабинет, спальни и людские комнаты, с другой — большой зал в шесть окон, гостиная под названием «желтая» и спальня. Полы были дощатые, окрашенные масляной краской, крыша железная». Императрица,

посетив село в 1869 г., была поражена бедным состоянием храма и приказала выдать известную сумму денег на неотложные нужды. Государыня пожелала на свои средства произвести капитальный ремонт церкви. В июле 1869 г. император с женой во время прогулки из Ильинского заезжали в Усово и осматривали там кумысное заведение, устроенное Марецким и Штальбергом для великого князя Сергея Александровича. Кумыс высокие гости пробовали в кибитке, роскошно убранной коврами.

Интересно, что именно в соседнем Ильинском Петр Вяземский пишет в сентябре 1865 г. стихотворение «Подмосковная», адресуя его «Звенигородской помещице» — императрице Марии Александровне:

Кругом селенье за селеньем
С их колокольнями вдали:
Их благовест несется пеньем,
Молитвой к небу от земли.
Здесь Русь окрепла, здесь хранится
Родник событий вековых,
И, словно в зеркале, глядится
Вся Русь в струях ее святых.

Императрице очень нравились ее новые имения. Она занималась устройством шоссе из Москвы, больницы с приемным покоем, палатой для больных и аптекой.

Сыновья любили свою мать Марию Александровну, свято хранили в душе ее образ, тщательно берегли. Главным делом ее жизни были дети, благотворительность. В круг ее знакомых входили в. А. Жуковский, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев.

Основной ремонт и перестройка зданий в Усово начаты в июле 1867 г. под руководством архитектора Мо-

сковской удельной конторы Ивана Арефьевича Резанцева. В главном доме все отремонтировано, и дом был приспособлен для помещения придворных чинов во время пребывания в Ильинском высочайших особ.

На восток от барского дома находилось каменное двухэтажное здание — людской флигель и кухня. Рядом здание спичечного завода тех же размеров, что и флигель. За этим заводом — каменный погреб. Эти каменные двухэтажные флигели с характерной для классицизма симметричной формой были перестроены для помещения караульной роты пехоты, сорока музыкантов, ротного командира и офицеров. По описи Департамента уделов числится одноэтажное каменное здание — дом управляющего. К востоку находился кирпичный каретный сарай, хорошо сохранившийся. Далее был скотный двор: конюшня, манеж, коровий двор овчарня, ледник, людские флигели. Все ветхо и полуразрушено, в лесу стоял деревянный амбар, плетневый сарай. Во время восстановления основные постройки усадьбы были капитально обновлены. На месте скотного двора по проекту архитектора И. Резанова была устроена конюшня и образцовая ферма, где содержалось около 40 штук молочного скота альгаузской породы. Вблизи фермы (по аналогии с Ильинским) была устроена молочная приемная, отделанная внутри в русском стиле с вензелевыми изображениями на стенах государыни императрицы Марии Александровны. Стены также украшали деревянные блюда из-под «хлеба-соли», поднесенного его высочеству разными волостями Московской губернии. Для столовой фермы была заказана специальная мебель с изображением иконы Святой Магдалины [32].

В книге Г. Блюмина «Царская дорога» приводятся отрывки из мемуаров графа С. Д. Шереметева: «В 1869 г. ви-

дел я князя Петра Андреевича в Ильинском, или вернее в смежном Усове. Здесь помещалась свита. Императрица Мария Александровна жила тогда в Ильинском, там же находилась приехавшая из Остафьево княгиня М. А. Вяземская». Здесь-то в Усове и расположилась царская свита — министры и камергеры, фрейлины и генералы свиты. Князь Петр Андреевич — это Вяземский (1792—1878), близкий друг А. С. Пушкина и адресат многих его стихотворений». «Любезный Вяземский, поэт и камергер» — так обращается А. Пушкин к другу в одном из посланий. В Усове П. Вяземский был, очевидно, в роли камергера, облаченный по необходимости в придворный мундир, украшенный вышитым на спине серебряным ключом. По этому поводу — ирония Пушкина: «На заднице твоей сияет тот же ключ». За много лет до посещения Усово П. А. Вяземский побывал с Пушкиным в соседней усадьбе Архангельское. Именно к селу Усово некоторые исследователи относят написание одного из лучших стихотворений князя Вяземского «Тройка», ставшее народной песней:

Тройка мчится, тройка скачет,
вьется пыль из под копыт.
Колокольчик громко плачет,
то тоскует, то гремит.

Еду, еду, еду к ней,
прямо к любушке своей!

. . .

Вот вдали село большое,
Сразу ожил мой ямщик,
песней звонкой, удаюю
залился он в тот же миг.

В мемуарах упоминается М. А. Вяземская — это Мария Аркадьевна, урожденная Столыпина, двоюродная тетка поэта М. Ю. Лермонтова. Она была женой князя Павла Петровича Вяземского, сына Петра Андреевича и Веры Федоровны Вяземских.

На собственные средства императрицы сделали в 1869—1872 г. капитальный ремонт церкви и обнесли ее каменной оградой, усовершенствовали внутреннее убранство, провели отопление. В архиве РГИА сохранился план церкви Спаса Нерукотворного, составленный в 1860-е годы [28]. Между фермой и крайним флигелем главного дома в 1873 г. построили каменное здание для сельского училища, куда учителем был приглашен господин Редриков из Санкт-Петербурга. Затем училище преобразовали в церковно-приходскую школу. В селе Усово сохранилось это здание, где сейчас находится Усовская начальная школа. Недавно был найден документ, подтверждающий дату основания старейшей школы в Одинцовском районе. Жители села торжественно отметили 130-летие школы, сохранили первую вывеску «Усовская церковно-приходская школа».

Церковно-приходские школы — это начальные школы, которые находились в ведении Синода. После введения правил для школ создавались одноклассные (двухгодичные) и двухклассные (трехгодичные). В одноклассных изучали Закон Божий, церковное пение, письмо, арифметику, а в двухгодичных еще и историю. Обучение осуществляли священники, диаконы, учителя, окончившие церковно-учительские школы и епархиальные училища. При школах были библиотеки с книгами по истории церковной и гражданской, по сельскому хозяйству и ремеслам, а также художественная литература. Деятельность школ находилась в ведении попечительских со-

ветов, часто участвовали и местные купцы. С 1893 г. великий князь Сергей Александрович, губернатор Москвы стал почетным покровителем церковноприходских школ, находящихся в ведении Московской епархии.

В 1897 году в Усовскую церковную школу советом Кирилло-Мефодиевского православного братства учителем назначен выпускник Московской духовной семинарии Соколов Сергей Алексеевич.

За успешную службу до 1911 года имел награды: золотая медаль на Станиславской ленте на шее, серебряная медаль на двойной Александровской и Владимирской ленте, серебряные часы в память о великом князе Сергее Александровиче.

48

Женат, имел 7 детей. После смерти жены в 1921 году ему помогала сестра жены Надежда Ксенофонтовна Батусова, которая проживала на краю леса (Аптекарский огород).

Эти сведения недавно мне любезно передал Михаил Георгиевич Григорьев, который много лет собирает фотографии, материалы о жизни жителей села Усова.

Священник Спасской церкви Константин Георгиевич Махаев

Я люблю это таинство рода
Дух семьи, продолжающей жить!

49

Е. Баратынский.

Прадед пишет в своей статье: «С 1869 г. начинается эпоха возрождения села Усово. С этих пор с. Усово и Усовский храм видит у себя царей и цариц, царственных лиц и высокопоставленных особ, митрополитов и викариев, не только кратко посещающих храм, но и службы выслушивающих. В 1883 г. церковь снова посещается царскими особами, и снова благоукрашается на их Царские щедроты. В настоящее время участь храма вполне обеспечена, потому что в своем Царственном помещике она видит всегдашнего непрестанного тщательнейшего Попечителя, щедрого Благотворителя. Теперь храм стал совершенно неузнаваем с внешней и внутренней сторон, и в отношении церковных облачений и церковной утвари, и в отношении драгоценных вещей и вещей бесценных по воспоминаниям, соединенным с этими вещами.

Равным образом и духовенство и крестьяне с. Усово тоже пользуются от Царственного помещика своего высоким вниманием и щедрою материальной помощью в нуждах своих».

Православный храм — это модель мироздания, как утверждал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Человек, вошедший в храм, оказывается в центре вселенной, он проникает невидимыми лучами бытия — и земного, и посмертного.

В селе Усово 2 сентября 1873 г. на должность священника Спасской церкви викарием московским Леонидом был назначен Константин Егорович (по документам с 1901 г. Георгиевич) Махаев (1843—1932) — сын диакона Московской губернии, о чем свидетельствуют архивные сведения из аттестата К. Махаева об окончании Московской духовной семинарии, в которую он поступил в 1866 г. в возрасте 23 лет на казенном иждивении, проживал в Коломенском уезде, Непецынской волости в селе Карпово [36]. Здесь в Михайло-Архангельской церкви служил диаконом его отец Егор Махаев сын Симеона. Этот храм — образец скромной сельской культовой постройки начала XIX века. Храм бесстолбный, одноглавый с равновеликой трапезной и шатровой колокольней. Характерно, что храм никогда не закрывался.

К моменту поступления К. Махаева в университет отца не было в живых. В архиве сохранился аттестат Константина Махаева, который обучался следующим наукам: богословие основное и нравоучительное, практическое руководство для пастырей (отмечено: «очень хорошо»), истолкование Святого Писания, гомилетика, история церковная и всеобщая российская, литургика (очень хорошо), логика, психология, педагогика, словесность, физика, тригонометрия, алгебра, а также греческий и ла-

тинский языки [36]. Закончив в 1872 г. Московскую духовную семинарию, К. Махаев состоял год воспитателем в одном из училищ Москвы.

Как известно, претендент на рукоположение в сан должен был сначала вступить в брак, и К. Г. Махаев женился на Анне Ивановне Смирновой, дочери священника Спасского храма И. С. Смирнова. Обычай наследования детьми духовенства церковного места по отцу был установлен в XVII в. и строго соблюдался до 1860 г. Первыми кандидатами на вакантные места были сыновья священника, а в случае их отсутствия — мужья их дочерей. Именно этот обычай соблюдался много лет в Спасо-Усовском храме.

Женщина оказывалась центральной фигурой в наследовании церковной должности: за старшей из дочерей для будущего мужа закреплялось место ее престарелого родителя. Младших предстояло либо выдать на сторону, либо держать в доме в качестве приживалок. Помяловский иронично называл духовенство «православным пролетариатом». Дабы семья не утратила привычного очага, его «место» закреплялось за одной из дочерей.

В православной среде отношение к браку было сугубо прагматичным. Христианская этика диктовала особую сдержанность в отношениях между супругами. Попадья, или матушка, всегда оставалась в тени своего мужа-священника. Семьи обычно были многодетными. Матушка работала для церкви: пекла просфорню, проводила тарелочный и кружечный сбор в храме, ходила в поле для сбора горстей зерна. Домашний уклад носил религиозный характер: строго соблюдался молитвенный обряд, ели молча, к хлебу относились благоговейно. Детей принято было учить обязательно. Положение матушки было трудным: обычно раннее замужество, частые роды,

непрерывный домашний труд, болезни сильно изнуряли ее. В рассказе «Архиерей» М. Чехов пишет: «...только от поповны исходила та незримая теплота, на которой и держится подлинная вера».

В своей статье, посвященной истории села Усово, К. Махаев отмечает, что «священническое место с 1760 г. родовое, так что настоящий священник составляет пятый род». В историческом архиве нашла документы XIX века, по которым установлено время служения 17 священников в Спасской церкви, но только некоторые из них имеют отношение к нашему роду. Нужны более подробные изыскания.

52 По ревизской сказке священнослужителей, их семейств, церковей Звенигородского уезда за 1857 г. последним штатным священником был Иоанн Андреевич Смирнов — 49 лет. Его сын Петр Смирнов учится в Московском Заиконоспасском училище, 13 лет, сын Александр 6 лет и Николай 4 лет. Жена священника — Праскева Харлампиевна, 40 лет и дочери: Любовь 16 лет, Надежда 10 лет и Анна 2 лет. Дьячек Стефан Васильев Касаткин — 23 лет, сын Василий 2 года. Пономарь Иоанов Крылов — 38 лет, сын Василий — в Савиновском духовном училище и сын Алексей 5 лет. Заштатные: 1. Подольского округа с. Таболово Успенской церкви умершего дьячка Иоанна Андреева Солнцева вдова Елизавета Ивановна проживает при зяте у дьячка Спасской церкви с. Усово. 2. Уволенного за болезнью от должности настоящей церкви пономаря Андрея Иоанова, поступившего в богадельню, что на Пятницком кладбище, его дочь девица Феодосия проживает в Москве по билету Московской консистории [37].

По архивным данным Звенигородского духовного правления, что хранятся в Центральном историческом архиве Москвы, имеются различные документы о свя-

щеннике с. Усово в 1820 г. Харлампии Иванове. Можно предположить, что И. Смирнов мог жениться на дочери Харлампии Иванова — Праскеве. Таким образом, Смирнов представляет 4 род, а Харлампий Иванов — 3-й. Остальные представители духовенства не найдены, хотя среди священнослужителей храма с. Усово часто встречается фамилия Иванов. Несколько раз я заказывала метрические книги Спасской церкви от 1820 до 1850 гг., но мне отказывали, ссылаясь на ветхое состояние документов. Позднее историки рассказали, что надо было заказывать дело только на один день, тогда, возможно, могли принести. Но мне не повезло, больше не приносили заказанные дела. Я не теряю надежды еще раз попробовать.

53

В приложении представлены списки священнослужителей Спасской церкви с. Усово, известные по литературным и архивным данным.

Ценную информацию получила из клировой ведомости Спасской церкви за 1892 г.:

«Ведомость о церкви Во имя Спаса Нерукотворного Его Образа Звенигородского уезда села Спасского, Усово тож за 1892 год. Здание каменное с колокольней, крепкое. Престолов два. Утвари достаточно. Причту при ней по штату 1888 г. положено священник и псаломщик по штату. Земли при ней — усадебной 928 сажень, пахотной 33 десятины. Земля значится на плане помещика и всеобщих межевых книгах. С 1877 г. находилась в арендном состоянии по формальному условию в Экономии Его Императорского Высочества Сергея Александровича, из которых производится платы причту в наличии 337 рублей в год, в три части по истечении каждой. Причтовые дома стоят на церковной земле. У священника дом деревянный на каменном фундаменте, дом с дворовыми постройками, крытые тесом. У псаломщика дом под

железной кровлей, двор собственный под соломой. На содержание причта ни от кого ничего не получает. Есть только два билета один в 200 рублей Московского государственного банка № 3591 — 1890 г. июля 3 дня, положенный на вечное время об упокоении Агриппины, Григория и Матроны и сродников их. Другой билет в 100 рублей Второго Внутреннего 5% с выигрышами займа за № 31, серия 3106.

Перечислены ближайшие церкви: Ильинская, Успенская в Петровском, Знаменская в Денисьеве, Христорождественская в Подушкино (4 версты). Домовой церкви в приходе нет. Описание церковного имущества 1841 г. вчерне составлена и нового образца. Копии с метрических книг хранятся с 1813 г, исповедные росписи с 1814 г. Обыскная книга выдана из Московской Духовной консистории в 1871 г., имеет в себе свободных листов достаточно, ведется исправно.

К Спасской церкви с. Усово приписана церковь во имя Казанской Божией Матери, что в селе Лайково. Построена Княгиней Марией Александровной Голицыной, в 1813 г. приписана к Спасской церкви. В 1816 г. О. А. Шувалова хотела возобновить службу, но ей отказали. В 1822 г. постановили сгоревшую колокольню употребить в разбитый Усовский колокол, а землю отдать причту этой церкви [34]. В 1857 г. крестьяне просили отчислить их в Подушкино, в чем было отказано (до него 5,5 верст, до Усово 4 версты). В 1880 г. церковь возобновили временно, но священнику Михаилу Самородову было отказано в возвращении из Усова церковной утвари.

ПРИЧТ Спасской церкви. Священник КОНСТАНТИН ЕГОРОВ МАХАЕВ, 42 лет, сын диакона Московской губернии, закончил Московскую духовную семинарию. При окончании курса в 1872 г. с 28 мая состоял воспитателем

и репетитором в пятиклассном учебном заведении г. Москвы. В 1873 г. 2 сентября произведен Преосвященнейшим Леонидом — Викарием Московским во священники в Спасскую церковь с. Усово. Ставленную грамоту имеет.

В декабре 1873 г. состоит по распоряжению Преосвященного Леонида законоучителем в церковно-приходской школе, переименованной из школы народной, устроенной Императрицей Марией Александровной и содержащейся на полном иждивении Великого князя Сергея Александровича с 20 октября 1887 г.

За усердие в преподавании Закона Божия был трижды Всемиловитейше награжден по представлению Ведомства Уделов — 100 рублей 16 апреля 1878 г., 17 апреля 1880 г., 28 марта 1882 г. В 1883 г. 27 апреля награжден выдачей аттестата за подписью и печати Ведомства Уделов. За честное служение во Священстве резолюцией Митрополита Владыки Московского и Коломенского Ионикия награжден 2 ноября 1882 г. набедренником, а 3 февраля 1890 г. по представлению Сергея Александровича награжден фиолетовой Синодской скуфьей.

В семействе у него: жена Анна Ивановна 40 лет и дети: Сергей 18 лет обучается в IV классе Вифанской духовной семинарии, Антонина 16 лет обучается в VI классе Маринского Епархиального женского училища на стипендии Великого князя Сергея Александровича со взносом 150 рублей в год, Клавдия 10 лет, Александр 7 лет, Николай 8 лет — обучаются в местной церковно-приходской школе, Алексей 5 лет и Георгий одного года, а также дочь умершего Спасо-Усовского священника Иоанна Смирнова девица Надежда 49 лет, которая получает пособие из Московского Попечительства бедных 18 руб в год (по родству это свояченица священника). Отмечено, что дети поведения очень хорошего.

ПСАЛОМЩИК Сергей Николаевич Лихачев 29 лет сын священника, в 1889 г. уволен из 3 класса Перервинского духовного училища, в 1884 г. Преосвященным Максимом Епископом Можайским определен на испытание в псаломщики Спасской церкви и в 1885 г. утвержден. В 1888 г. Алексей Епископ Можайский посвятил его в стихарь. Ставленная грамота и указ имеются. В семье жена Мария Ивановна, дети Владимир 5 лет, Павел 3 года, Николай 1 год и теща заштатного Спасо-Усовского пономаря Александра Ильина Зерцалова 51 год, пользуется пособием из Духовного Попечительства в количестве 15 руб. в год.

56

О прихожанах церкви с. Спасское Усово Имения Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Александровича. В селе крестьян — собственников 22 двора, из них душ мужского пола 55, женского 48. Мещан 5 дворов, мужчин 49, женщин 49. В с. Лайково дворов 64, мужчин 244, женщин 245. Итого: 108 дворов, 364 мужчины, 351 женщина. Отмечено наличие раскольников в приходе.

БЛАГОЧИННЫЙ Ильинской села Изварина церкви Священник Александр Подобедов.

Священник К. Махаев руку приложил, то ж псаломщик С. Лихачев» [38].

Обратила внимание, что в этих документах содержатся сведения о благотворительной миссии церкви по содержанию престарелых священнослужителей, которые состоят за штатом, или получают пособия из Духовного попечительства, или содержатся в богадельнях.

Позже К. Махаев стал законоучителем и в земской школе соседнего села Лайково. Земские школы начального обучения сыграли важную роль в распространении просвещения народа. Эти общеобразовательные начальные учреждения находились под управлением местной

власти — земства. В школах преподавали Закон Божий, чтение, письмо, арифметику, пение. Факультативно — природоведение, география, история. Существовали школьные и публичные библиотеки. Обучение было не обязательным, в среднем дети посещали школу 6 месяцев в году. Большинство детей не заканчивало полный курс, так как крестьяне не считали необходимостью образование сверх простой грамотности. Законоучитель получал 50—60руб в год, а в церковно-приходской — 40 руб. От Святого Синода посылались за заслуги по духовному служению поздравления к 6 мая — дню рождения Его Императорского Величества с 1898 по 1910 г. В 1903 г. К. Махаев получил Благословение от Синода в виде Библии, а в 1905 г. — наперсным крестом. В 1912 г. он возведен в сан протоиерея и награжден крестом с украшениями. Прихожане в знак любви и признательности преподнесли священнику золотой крест синодального образца. Священник был награжден тремя медалями, что видно на фотографии. Но пока не удалось найти сведения об этих медалях. Зато на фото хорошо виден орден Святой Анны 3-ей степени, которые присваивались священникам за 25 лет преподавательской беспорочной службы в церковно-приходских и земских школах. Орден Святой Анны в России введен Павлом I, его девиз был «Любящие правду, благочестие и верность». До 1855 г. все три степени ордена давали право потомственного дворянства. Так что недаром бабушка моя говорила, что мы «колокольные дворяне». При награждении ордена была положена пенсия 100 рублей [40].

57

Священник в жизни русской деревни — духовный наставник прихожан, в их повседневной жизни способствовал формированию традиций в праздничной культуре крестьян. На первый план выходила наставническая

и просветительская деятельность. По мнению великой княгини Елизаветы Федоровны, «священство есть сила нравственно-мистическая». Молодой священник немало сил положил на устройство своего прихода. С ревностью и усердием он благоговейно совершал богослужения и проповеди в храме на различные темы. Он находил душевные слова, посещая своих прихожан и по мере сил помогал им, облегчая душу, а часто и лечил от разных болезней.

Верной помощницей священника в сложной службе была его жена Анна Ивановна. Добрая, приветливая матушка для крестьян, она занималась домашним хозяйством, растила и воспитывала детей (пятеро сыновей и две дочери). В селе ее любили и уважали за скромный нрав, благочестие, умение выслушивать людей, которые обращались к ней с различными просьбами. Дети всегда с удовольствием приезжали в уютный дом, особенно сыновья после трудной семинарской учебы. Думаю, что и мой дедушка Николай Константинович унаследовал именно от матери доброту, природную интеллигентность, мягкость в обращении с людьми.

Все больше узнавая о своем прадеде, поняла верность высказывания священника Александра Ельчанинова, записи которых мне подарили в 2002 г.: «Священство — единственная профессия, где люди поворачиваются к тебе своей самой серьезной стороной и где и ты все время живешь „всерьез“. И священнику, ставшему на путь духовного совершенствования, внутренне для него делается убедительность этого пути».

После смерти императора Александра II по указу Александра III имения Ильинское и Усово переходят в собственность Сергея Александровича Романова и его нисходящим потомствам. Эти имения были переданы из ве-

дения Департамента уделов в Управление собственной канторы августейших детей Их Императорского Величества.

Великий князь Сергей Александрович (сын Александра II) начал военную карьеру в Преображенском полку, участвовал в русско-турецкой войне. Его женой стала принцесса Дармштадская, внучка английской королевы Елизаветы, принявшая после крещения имя Елисавета Федоровна. Она быстро освоила русский язык [16]. Символично, что в ученических тетрадах великой княгини первым переписанным ею стихотворением было сочинение М. Лермонтова, как будто предсказавшее ее судьбу в Святой земле:

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты цвела, где ты росла,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

Именно в подмосковных имениях Ильинское и Усово проводят в 1884 г. свой медовый месяц великий князь Сергей Александрович и его жена Елисавета Федоровна. Сергей Александрович обладал сильной художественной восприимчивостью, искренней религиозной верой, с преувеличенной любовью ко всему русскому, так как воспитывался под влиянием славянофила И. С. Аксакова. Именно в новых имениях заключалось его маленькая Россия, где он был хозяином и царем.

Елисавета Федоровна — немецкая принцесса, старшая сестра будущей императрицы Александры Федоровны. Ее красоте посвящал стихи К. Романов. Но все отмечали в ее глазах таинственную грусть — «печать высоких душ, томящихся в этом мире». Судя по ее письмам к род-

ным в Германию, недавно опубликованных, она хотела стать ближе к народу своей страны, чему способствовала природа подмосковных имений с их живописными лугами, хвойными лесами, рощами белых берез и красивыми парками. Новые хозяева вели простую деревенскую жизнь. Сергей Александрович увлекался хозяйством, тратил на его содержание большие суммы, каждый год затевал преобразования, но имения не приносили дохода. В селах были фермы, где содержалось великолепное породистое стадо голштинской породы, из Швейцарии выписывали коров редчайшей ярко-бежевой масти. Великий князь любил лошадей и единственный в России занимался разведением арденской породы. Также он питал особое пристрастие к современно оборудованным птичникам. В имениях были большие оранжереи, огороды, целые поля цветов, выращиваемых для дома. Еще отмечают особую любовь Сергея Александровича к книгам, в Ильинском находилась великолепная библиотека. Вечернее чтение вслух приучало к сосредоточенности и способствовало полноте и проникновенности восприятия прочитанного. На стенах в доме была целая серия очень редких литографий с видами Ильинского. Такие же виды были запечатлены на фарфоровой посуде.

Замечательные слова о пребывании в Ильинском в 1884 г. принадлежат великому князю Константину Константиновичу: «Над обрывом вправо от дома я остановился, сел на скамейку и стал смотреть. Подо мной река заворачивалась крутым изгибом, ее голубовато-серебристые воды мерцали на утреннем солнце. За ней расстилось широкое поле с лесом вдаль, видна была Усовская церковь. По Москве-реке сплавляли лес. Легкий туман стлался над водой, поднимался с полей, прихотливыми волнами колебался и таял под лучами яркого солнца.

Долго не мог я оторваться от очаровательного вида». Эти места вдохновили К. Романова и он написал ряд стихотворений, которые были положены на музыку Чайковского, Рахманинова, Глазунова. Меня привлек еще один отрывок из дневника: «В сентябре поехали верхом с Великим князем Павлом полями, березовой рощей, сосновым лесом в Степановское — большое запущенное имение с каменным недостроенным домом, с заглохшим садом и большими прудами. Было такое приятное утро, теплое, солнечное, листья как золотые деньги падали с деревьев, кружась в прозрачном воздухе и мерцая в солнечных лучах. Вот открылся вид на Дмитровское со старинной церковью над крутым берегом, а с левой стороны мелькнуло Знаменское».

Как пишет священник К. Махаев, 21 мая 1889 г. было знаменательным для с. Усово, в нем совершилось такое событие, которое навсегда должно быть увековечено в истории села. Здесь состоялись небывалые торжества по случаю закладки дворца для его высочества Сергея Александровича. Торжество началось богослужением, которое совершал местный священник К. Махаев при хоре певчих из учеников местной церковно-приходской школы в присутствии главного управляющего имений Его Высочества Андрея Николаевича Филатьева, архитектора дворца С. К. Родионова и других лиц, имеющих участвовать в построении дворца. К концу литургии прибыл из главного имения Ильинское священник Николай Орлов с диаконом Петром Другановым и двумя псаломщиками для участия в торжестве закладки. По окончании литургии, в 11 часов, облачившись в полное облачение: местный священник в белое серебряного глазета, принесенное в дар Спасо-Усовской церкви Его Высочеством, а священник села Ильинское с остальными священнос-

лужителями в крестовые зеленые облачения, также подаренные царственными особами, отправились крестным ходом на место закладки дворца, где заблаговременно были приготовлены скамьи для постановления икон и стол для водоосвящения, обтянутые полотном и украшенные пеленами и покрывами белого серебряного глазета. Водосвятие совершено священнослужителями и закончилось многолетием Их Императорскому Величеству и Их Императорским Высочествам — Сергею Александровичу и Елисавете Федоровне, Павлу Александровичу и всему царствующему дому. Во время чтения водосвятного Евангелия с процессии священников снята фотография, которая, благодаря стоявшей в это время великолепной погоде, удалась прекрасно.

Затем началась собственно закладка дворца: все присутствующие спустились по подготовленным помостам во рвы, выкопанные для фундамента, где в четырех местах, будущих углах дворца, по окроплении святой водой места и материалов, произвели закладку дворца — каждый из присутствующих положил кирпич в основании четырех углов. В углу были также положены монеты золотые, серебряные и медные 1889 г. с портретами государя императора Александра Александровича в количестве 17 рублей, специально для этого отчеканенных. При закладке первого угла была прочтена г. Филатьевым надпись на медной доске, гласящая, что сей дворец созидается государем великим князем Сергеем Александровичем и супругой его государыней великой княгиней Елизаветой Федоровной в селе Усово, Московской губернии 1889 г. 21 мая. Затем крестный ход возвратился в местный храм. Г. Филатьев огласил телеграмму от лица всех присутствующих с поздравлением и пожеланием: «Да созидается сей дворец на радость и благополучие имеющих

жить в нем» и послана Его Высочеству на имя заведующего дворцом графа Г. Г. Стенбок. Так совершилось знаменательное событие для села Усово, закладка дворца, будущей гордости и красоты этого поселения» [18].

Проект нового дворца в Усово был выполнен, при ближайшем участии великого князя, совсем молодым московским архитектором С. К. Родионовым, автором строительства Иверского храма на Полянке в Москве. Роль великого князя в проектировании и дальнейшем обустройстве дома была чрезвычайно велика, так как он избрал проект, следил за его постройкой, делая постоянно указания и распоряжения относительно тех или иных деталей. Стиль дворца — английско-античный, был строго выдержан во всех частях. По внешнему виду дворец очень красив, стены облицованы камнем и белым кирпичом. Совершенно оригинальной чертой загородного дворца был обширный зимний сад для тропических растений, представляющий собой почти полностью остекленный объем, включенный в общую композицию. Новое здание было максимально комфортным. Есть мнение архитекторов, что более точным следует определить стиль дворца как неоромантизм, более близкий готической традиции в немецкой архитектуре конца XIX — начала XX века. Известно, что хозяева Усово постоянно посещали Германию и часто отмечали день рождения Елизаветы Федоровны в Дармштадте, в кругу семьи немецких родственников.

Первоначальная отделка дворца была выдержана в английском викторианском стиле. Готические переплеты окон, дубовые двери и отделки стен дубовыми панелями, камин, встроенная мебель, стены, обтянутые ситцем — все это характерные приметы английской архитектуры того времени, удовлетворявшей вкусу аристо-

кратических родственников самой королевы Виктории. Однако со временем усовские интерьеры обогатились и приметами других стилей — у дома появились статуи мраморных венецианских львов, а в 1902 г. одну из комнат отделали в ренессансном ключе (архитектор П. В. Жуковский).

О новоселье в коттедже великий князь записал: «Поехали с женой в Усово к моему новорожденному. И в 12 часов стали съезжаться к нам соседи — были Танеевы, затем молебен, окропление всего дома — завтрак-меню с фотографией дома. На новоселье хлеб-соль, — записывались в книжку, снимал общую группу. Завтрак для рабочих — кумачевые рубахи — разъехались в 3 часа» (ГАРФ. Ф. 468. Оп. 1. С.154. № 16).

Газета «Московские церковные ведомости» напечатала специальную статью «Освящение дворца в Усово», которое состоялось 29 августа 1889 г. За торжеством освящения дворца последовала литургия, которую служило местное духовенство (певчие — учащиеся местной церковно-приходской школы). На литургию прибыло множество людей из разных приходов. После литургии во дворце поставили аналой для местной иконы Спаса Нерукотворного, стол и чашу для водосвятия, которое началось в 12 часов в присутствии Сергея Александровича и Елисаветы Феодоровны, а также 27 приглашенных гостей. Водосвятный молебен совершал священник К. Махаев, пел хор Ильинского под управлением регента — учителя пения при Синодальном хоре. После окропления святой водой всех комнат провозглашено обычное многолетие, высказаны пожелания благополучия и здравствия.

Ф. Ф. Сумароков-Эльстон (владелец села Архангельское) преподнес хозяевам хлеб-соль на серебряном блю-

де с инициалами из драгоценных камней. Свои подношения сделали крестьяне ближних сел, князь Владимир Михайлович Голицын (владелец села Петровское). Особые поздравления принес крестьянин Иван Гаврилов, который выполнил почти все работы по созданию мебели, деревянных интерьеров дворца.

Весьма примечательно, что в великолепной книге «Русские усадьбы Серебряного века» впервые опубликовано меню завтрака в честь освящения нового усадебного дома в имении великого князя Сергея Александровича в селе Усово. Меню завтрака: Суп из артишоков. Кулебяка. Студень из ершей. Цесарки и цыплята жареные. Персики с рисом». В этой же книге впервые из архивов опубликован лист альбома почетных гостей усадьбы Усово, в который хозяева попросили вписать свои имена. Присутствующие с радостью сфотографировались на фоне нового усадебного дома. Фотография, приведенная в книге, совсем небольшого размера. Возможно, там присутствовал и местный священник К. Махаев [23].

В празднике принимали участие 90 строителей, которых угостили пирогами, коврижками, пивом. Каждому на память подарили тарелку, нож и вилку. Из рук Елисаветы Феодоровны мужчины получили кумач на рубашку, а женщины — ситец на платье.

Здесь же опубликован вид усадьбы Усово (акварель) из альбома почетных гостей усадьбы Усово. Существует литография по рис. К. Беггерова. Это вид с горы за Москву-реку от господского дома в селе Ильинское (справа видна церковь в Усове).

Из усадьбы Ильинское открывался прелестный вид с балкона дворца, обращенного к реке на луг и лес. Правее леса за широким лугом к западу живописно располагалась на холме усадьба Усово: церковь и новый дом, кото-

рый красиво вырисовывались на фоне садов и леса. В известной поэме П. А. Вяземского «Подмосковная» этим местам принадлежат следующие строки:

Красою скромной ненаглядной,
Как свежий полевой цветок
Нам улыбается отрадно
Сей миловидный уголок.

66 В газете «Московские церковные ведомости» в октябре 1889 г. опубликована еще одна корреспонденция священника К. Махаева из с. Усово: «В настоящее время Великий Князь с супругой пребывают в своем имении Ильинское, куда прибыл его преосвященство митрополит Иоанникий. Его Высочеству угодно было показать преосвященнейшему владыке храм другого своего имения с. Усово, где в настоящее время строится, и уже выведены стены, дворец Сергея Александровича. Причт был извещен об этом событии. Колокольный звон известил, что Владыка прибыл в великокняжеском экипаже, последовал в церковь, где был встречен с крестом и святой водой. На кратком молебне архипастырь благоволил выслушать местного священника, расспрашивал о приходе, прихожанах и школе, затем внимательно осмотрел всю церковь. При чем благоугодно было сделано замечание относительно придела во имя Казанской Божия Матери, устроено на хорах, что он высоко устроен от пола, так что из присутствующих при богослужении могут видеть иконостас и священнослужителей только стоящие в отдаленных местах храма». Затем владыка благословил причт, семейство его, учеников школы и собравшихся прихожан. Около 6 часов вечера при колокольном звоне изволил отбыть в Ильинское [19].

«Эти две усадьбы, расположенные по разные стороны Москвы-реки, почти напротив друг друга, оказались тесно связаны общей хозяйственной и строительной деятельностью, единым замыслом художественного творения и функциональной организации в сочетании с эстетическими пристрастиями владельцев и особенностями бытового уклада семьи. Редко случался такой день, когда хозяева, проживая в Ильинском не навещали бы Усово. Обычный ритуал такой поездки был однообразным. Ездили верхом, в колясках и шарабанах, на линейках. Часто предпочитали кратчайший путь по реке, переправляясь по ней летом на лодках, а зимой на розвальнях или пешком по льду» [28]. Автор данного отрывка Инесса Слюнькова в своей статье приводит впервые из Государственного архива Российской Федерации фотографии Елизаветы Федоровны (1888, 1891, 1900 гг.), Сергея Александровича (1892 г.), рукописную программу домашнего спектакля — шарад в Ильинском (1889 г.), прогулка их высочеств и свиты двора по Москве-реке (1895 г.) Особенно привлек мое внимание снимок: чаепитие на лужайке перед домом в Усово, где среди многих гостей и хозяев дома есть великая княжна Мария Павловна. Император Александр III писал брату Сергею из Елисаветграда 27 августа 1888 г.: «Вспоминаю с наслаждением о времени, проведенном у вас, в милом Ильинском, которое прелестно как сон, возобновления которого ждешь с нетерпением».

Интересны воспоминания императора Николая II после коронации 1896 г. в Москве о пребывании царской семьи в подмосковном имении: «Занятия в Ильинском: спорт, лаун-теннис, катание верхом, купание. Играли в шарады. Из Москвы привезли целый театральный гардероб для живых картин. В десять вечера начали сниматься целой группой около подъезда». Эти фотографии

сохранились в архиве музея усадьбы Архангельское. Хозяйка усадьбы княгиня Зинаида Николаевна Юсупова была близкой подругой Елизаветы Федоровны, а ее муж Ф. Ф. Сумароков-Эльстон служил адъютантом московского губернатора Сергея Александровича. Дружили и их сыновья Феликс и Дмитрий Павлович Романов. Недавно опубликованы мемуары Ф. Юсупова, который с большой теплотой вспоминал о своем пребывании в Ильинском и Усове. Большое впечатление на него оказало общение с Елизаветой Федоровной, с которой он делился мыслями о духовной жизни, навсегда запомнил ее проникновенные слова: «И великий грех не больше искреннего покаяния. Помни, что грешит более души рассудок. А душа может остаться чистой. Мне душа твоя важна».

Интересны сведения, что в залах нового дворца в Усово все пространство было отдано книгам. Они занимали оба этажа и даже классные комнаты к круглых башням. Чинно стояли тома с золотыми корешками и великокняжескими вензелями на экслибрисах, здесь можно было найти старинные фолианты и альбомы по искусству с великолепными гравюрами или редкие издания и новинки исторических трудов. Рядом с ними пылились увлекательные, но мало интересные хозяевам французские романы в пестрых переплетах «под ситец». Здесь любили читать вслух — добрая старая традиция семейного чтения [28].

В семье великого князя Сергея Александровича воспитывались дети его младшего брата Павла Александровича — Мария и Дмитрий. Мария Павловна пишет в своих воспоминаниях, написанных за границей: «Самые радостные воспоминания моего детства связаны с Ильинским. Здесь родился Дмитрий, здесь мы росли, это наш маленький мирок на просторах огромной Рос-

сии, те неразрывные узы, что связывают меня с родной землей. Имение было достаточно скромным, что придавало ему чарующую прелесть». Мария Павловна вспоминала, что часто с Елизаветой Федоровной они ездили в соседние усадьбы Архангельское к Юсуповым, где были дети их возраста, и в Петровское к Голицыным.

В середине августа, пишет Мария Павловна «мы всегда уезжали из Ильинского и перебирались на другую сторону реки в Усово, здешний дом имел более современную систему отопления. Он был выстроен из кирпича и серого камня на английский манер, но еще не закончен. Дом был просторным и удобным, с большим зимним садом, занимающим одно крыло и заполненным цветами и тропическими растениями. Переезд в Усово означал, что лето подходит к концу, шли последние недели наших каникул. В лесу собирали орехи, грибы. Вечера становились длинными». [17] Тогда усовский парк доходил до речки Саксы, за которой простирался Знаменский бор, часть Петровской вотчины Голицыных. На крутом обрыве Москвы-реки стояла Ермоловская скамья, названная в честь генерала А. П. Ермолова, героя наполеоновской и кавказских войн, часто приезжавшего сюда любоваться красивыми видами. Эти любопытные сведения я узнала из обстоятельной книги князя С. Голицына «Петровское», опубликованной в 1900 г., представляющей настоящую энциклопедию жизни одного села.

В семейном архиве сохраняются и воспоминания одного из сыновей священника — Николая Махаева, который родился в Усово, учился в ее церковно-приходской школе. Он вспоминал приезд царя Николая II в с. Ильинское (1896 г.). Об этом много говорили дома, во дворце готовились к приему гостей. Сюда привезли гостей с детьми, их горничными. Тогда Николай и его братья часто

видели Марию и Дмитрия. Он рассказывал, как ежегодно по давней традиции в августе в день Спаса в Усове устраивалась ярмарка. С утра в церкви проходила праздничная служба, затем начинались народные гуляния. Раздавали много сладостей, бубликов, игрушек, звучали песни крестьян. Зимой дети священника иногда допускались посмотреть оранжерею с диковинными растениями. Вспоминал Николай Махаев, что часто на престольные праздники местное духовенство отправлялись с поздравлениями в московский дом генерал-губернатора Сергея Александровича. Недавно в удивительной книге И. К. Кучмаевой, где впервые так полно представлена жизнь великой княгини Елисаветы Федоровны, опубликован церемониал Пасхальных торжеств 1903 г. в Москве, где указано, что на пятый день Пасхи 10 апреля в 10 час. 30 мин. духовенство с Ильинского и Усово приносят поздравления по докладу камердинера (3 чел.). В один из дней Пасхи на христосование приглашались служащие с Ильинского и Усово — учитель Ильинского Беляев, учитель Усово Соколов, фельдшер Мейер, помощник управляющего Ларионов, конторщик Синельников, старший садовник Лобанов, младший садовник Блохин, учительница Ильинской школы с дочерью, акушерка Ильинского родильного приюта, кучер Соколов и двое рабочих. Кроме того посылаются пасхальные яйца для служащих в имения [16].

В отсутствие владельцев села всеми хозяйственными делами в Усове занимался управляющий Г. Пригон. Главным в обоих имениях был А. Н. Филантьев, дворцами усадеб ведал граф Г. Г. Стенбок. Хозяйство требовало постоянной заботы. Крестьяне села работали на ферме, конюшне, птичниках. Выращивали зерно для производства мук, для этих целей существовала на реке Медвенке мельни-

ца. Много сил крестьяне вкладывали в посевы, выращивание зерновых и кормовых культур, их сбор.

В Московском историческом архиве сохранилась ведомость об уездных церквях Московской губернии и именные списки церковного причта за 1905 г., где числится «церковь Нерукотворного Образа Христа Спасителя в с. Усове, каменная, построенная в 1765 г. бригадиром М. М. Матюшкиным. Пристолов в ней два: во имя Спаса Нерукотворного образа и во имя Божией Матери Казанской Ея иконы. Этот придел вместе с колокольней построен в 1822 г. прапорщиком А. П. Хрущевым. Причта по штату 1888 г. положен священник и псаломщик. Земли при церкви: усадебной 928 кв. с., пахотную 33 десятины, которая с 1877 г. находится по формальной условной аренде в экономии Сергея Александровича и из которой производится плата причту в размере 337 в год по истечении каждой трети года.

Причт помещается в деревянных домах на церковных землях, принадлежащих экономии, и получает казенное жалование 392 рубля в год и 32 процента.

Есть приписная церковь Казанская в селе Лайково, построенная княжной Марией Александровной Голицыной. Это небольшая 2-х ярусная церковь, завершенная ротондой. Фасады были обработаны в стиле барокко. В 1812 г. выжжена неприятелем. Она по желанию прихожан приписана к Спасской церкви. В 1822 г. предписано было медь от колокола ея и деньги употребить на разбитый колокол приходской церкви, а землю в количестве 36 десятин отдать причту. В архиве сохранилось несколько дел с перепиской священника Х. Иванова. В 1880 г. возобновлено временное богослужение. Небольшая трапезная и колокольня пристроены в 1903 г. К приходу села Усово относится и село Сарьево, в котором дворов 121, мужчин 351, женщин 393.

В Спасской церкви священник Махаев Константин Георгиевич, 55 лет, родом Московской епархии, сын диакона. Он же — законоучитель в Усовской церковно-приходской школе с 1878 г. и земской в с. Лайково с 1897 г. Общий духовник благочиния с 1902 г. Награжден камилавкой и орденом Святой Анны III степени.

Псаломщик Розов Александр Алексеевич, 42 года, сын пономаря, кончил низшее отделение Коломенского духовного училища, определен в 1869 г. псаломщиком в Никитской с. Софьино. На настоящее место определен в 1902 г.».[39].

К. Г. Махаев был несомненно знаком со священниками соседних церквей в селах Подушкино, Перхушково, Петровское, Знаменское, Никольское, Архангельское. Наиболее часто К. Махаев встречался, проводил общие богослужения с Николаем Орловым — священником села Ильинское. С другими, будучи с 1902 г. духовником благочиния, часто возникали общие проблемы, которые требовалось обсудить.

На высоком берегу Самынского пруда находится с. Подушкино, в 1850 г. его купил генерал А. Б. Казаков. Славилось село своим кирпичным заводом, что построила дочь владельца Веригина. Она часто бывала у великого князя Сергея Александровича и у его жены просила совета, как найти хорошего мужа, которым впоследствии стал барон М. Ф. Мейендорф. Его замок и сейчас производит впечатление: остроконечные башни, высокие крыши с металлическими решетками. Здесь часто отдыхали члены императорской семьи по пути от ж-д. Одинцово в свои имения.

В Подушкино издавна была церковь Рождества Христова. В 1901 г. священником служил Фивейский Николай Павлович (это родственник Фивейских из Никольского). Заштатный священник — Бобров Н. В., 76 лет из Рязан-

ской епархии, награжден синодальным наперсным крестом. А ведь мои родственники по деду отца Львова были священниками именно в этой епархии.

В селе Перхушково находится Покровская церковь. В архиве я нашла сведения за 1850 г., когда священником был Иаков Васильев Соловьев, 1880 г. р. Это меня заинтересовало, так как дедушка говорил, что наша семья как-то связана с Соловьевыми. Но подробностей не рассказывал. У священника были сыновья: Михаил, 1830 г., Александр, 1845 г. и две дочери Анастасия (1837 г.) и Анна (1835 г.). У меня есть только одно предположение: возможно, Александр женился на дочери И. Смирнова, священника Спасо-Усовского храма, Любви (1841 г.).

Интересные сведения нашла я в Московском историческом журнале за октябрь 2010 г. о краеведе, протоирее А. И. Речменском. Его дед Никита Михайлович с 1841 г. прослужил в селе Оболдино Московской области более 30 лет. Затем его перевели в церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Перхушково Звенигородского уезда. Одновременно с 1876 г. он был законоучителем в Перхушковской народной школе, исполнял должность местного благочинного. За это время удостоился многих церковных наград: наперсного креста, набедренника, фиолетовой скуфьи, камилавки. В 1884 г. Н. М. Речменский ушел за штат, священником назначили его зятя Павла Троицкого. Затем отец Никита отметил 50-летие своего пастырского служения в 1891 г., в связи с чем был награжден орденом Святого Владимира IV степени. Могила священника до сих пор сохраняется у церкви. Позже, в 1906 г., этот орден Владимира дал возможность его сыну и внуку получить потомственное дворянство. Думаю, что если бы не случилась революция, то мой прадед Константин Махаев получил бы такой же высокий орден за 50-летний па-

стырский труд с 1872 по 1922 г. (у него было много церковных наград). Но времена уже были другие.

Вблизи с. Усово на живописном берегу Москвы-реки, напротив впадения в нее быстротечной реки Истра расположено старинное село Знаменское. Надо отметить, что К. Г. Махаев присутствовал в 1902 г. в храме Знамения Пресвятой Богородицы. Здесь звучал благовест, приветствуя высокого гостя епископа Трифона Дмитровского (Туркестанова), который после освящения здания церковно-приходской школы совершил службу в храме. Это был выдающийся религиозный деятель, талантливый проповедник, выпускник Московской духовной академии. Мы вспомним о его личности в рассказе о жизни Сергия Константиновича Махаева.

Для служителей Спасо-Усовской церкви важны были непосредственные соседи из деревни Калчуга и Сарьево. На высоком берегу реки Медвенки, неподалеку от ее впадения в Москву-реку существовало поселение Калчуга, которое возникло как выселок из с. Усово. К нему в середине XIX в. примыкала усадьба А. Б. Зандгалена. Но в 1892 г. эти земли были проданы известному бакинскому нефтепромышленнику Л. К. Зубалову, который на высоком холме по обе стороны живописного урочища реки Медвенки построил несколько домов в псевдогоthicком стиле. Зубаловы, их родственник С. П. Трапезников активно помогали Спасской церкви. Также они совместно владели лесопилкой в с. Усово. С. П. Трапезников, бывший сибирский пароходовладелец, построил себе усадьбу и конезавод (современные Горки-2).

О благотворительной деятельности Зубаловых собрал интересные сведения историк, филолог, дипломат Утургауди и опубликовал в журнале «Исторический архив», № 7 за 2007 г.

Он пишет, что в архиве обнаружил кассовую книгу Зубаловых с записью: «Уплачено „Кос и Дюрер“ за работу в церкви с+ Усово — 2263 р. Для храма переданы два сосуда и ковчег, 2 креста наперсных, один крест для водосвятия, 1 дарохранильница, один ковш для теплоты, одно кадило, одно Евангелие на престольное — 2003 р.». Это немалая сумма, для примера, ведро хлебной водки стоило 55 коп. Но ведь Зубаловы были католиками, не являлись прихожанами Спасского храма, хотя их родственник православный С. П. Трапезников был старостой храма. Они также поддерживали художника в. М. Васнецова, который в 1898 г. писал в селе Усове картину «Богатыри».

Кто же были эти Зубаловы? В Тбилиси в центре города есть улица братьев Зубалошвили, по которой мне довелось прогуляться в 80-е годы прошлого века. Очень колоритная, типично грузинская с оригинальными балконами тбилисская улица. К сожалению, тогда я ничего не зала об этих братьях. На свои средства они построили в Тбилиси народный дом для просвещения, здание театра, костел Святых Апостолов Петра и Павла, детскую больницу, гостиницу и католический собор в Батуми в честь своей матери.

А начиналось все в небольшом городке Гори, где жил штабс-капитан Нижегородского драгунского полка Константин Яковлевич Зубалов с четырьмя сыновьями. Между прочим в Горийской духовной семинарии преподавал А. Жданов, сын которого женился на дочери И. Сталина, тоже уроженца Гори. Как странно сошлись на небольшом пространстве столь разные люди!

К. Я. Зубалов однажды в Азербайджане приобрел кусок земли, которая оказалась богата нефтью, ее хозяйева сразу стали миллионерами, в 1892 г. купили местность на р. Медвенке. Лев Константинович управлял в Баку фирмой

«Наследники», т. е нефтяными промыслами, и снабжал родственников деньгами. Проживал в Москве.

Петр Константинович в Швейцарии закончил Горный институт, возглавлял Главное Горное управление. Яков Константинович жил в Париже. Все они занимались благотворительностью.

В 1920—1940-е годы французская пресса сообщала: «Лувр, Малый дворец, Музей декоративного искусства и другие музеи и галереи Парижа обладают шедеврами, которыми их обогатил господин Зубалов. Поэтому пришло время составить каталог даров (581 произведение искусства, составленные целенаправленно на основе научного метода). В парижском Малом дворце блещет красотой Зубаловский зал». Имя Якова Зубалова высечено на мраморной доске в Лувре среди дарителей.

Лев (Леван) Константинович и его жена Ольга Павловна вошли в среду русских купцов-собираателей: фарфор, древние иконы, а также кареты, экипажи, кабриолеты. Мы вспомним о благотворительности Левана в разделе о Сергии Махаеве и деятельности Иверской общины. В московском архиве хранится документ от 24 августа 1914 г. о том, что «Лев Константинович Зубалов пожертвовал на нужды войны 450 000 р., из которых 200 000 поступают в Москву на оборудование госпиталя для больных и раненых воинов, безвозмездно предоставляемого Вами в городе в доме на Николо-Ямской». В конце подпись и благодарность исправляющего должность московского городского головы.

Но в 1920-е годы во исполнение ленинского девиза «Искусство принадлежит народу» Леван почти все продал комиссии Наркомпроса, дом подарил Румянцевскому музею. Еще не зная о смерти брата, Яков сообщает: «Петр предоставил властям Тифлиса гостиницу „Лондон“ под лазарет».

Лев Львович, известный издатель, славился как собиратель драгоценных коллекций. В Первую мировую войну он организовал три частных благотворительных госпиталя. В одном из них врачом был А. В. Голицын, владелец имения Петровское, а позже в США он лечил композитора Рахманинова. 6 сентября 1917 г. газета «Русское слово» сообщала: «Временное правительство разрешило Румянцевскому публичному музею принять жертвуемую ему Л. Л. Зубаловым художественную коллекцию общей стоимостью 7,5 млн. руб.».

В заключение раздела о Зубаловых привожу стихи в. М. Утургауди:

Помянуть за добро, за разумное, вечное,
Чтоб народ им сказал свое слово сердечное,
Воскресить имена, рассказать о деяниях,
И хотя бы теперь принести покаяние,
Извиниться за все принесенные муки,
Что с Россией они оказались в разлуке.

Фактически центром общественной и духовной жизни села была церковь. Крестьяне обращались к настоятелю храма К. Махаеву, который всегда сочувственно относился к разным нуждам прихожан по поводу радостных или печальных семейных обстоятельств. К. Махаев пользовался большим уважением местного населения до последних лет жизни. Часто приходили за советами в дом священника, который находился рядом с церковно-приходской школой, здание которой сохранилось до настоящего времени. По всем данным представляется, что приход храма представлял собой четко сформированную общину, где все друг друга знали, помогали, поддерживали соседей, вместе отмечали праздники, вместе пережива-

ли горе и священник для них — настоящий духовный отец.

Как вспоминал мой дедушка Николай Константинович, дети особенно любили отмечать дома Рождество и Пасху. В церкви батюшка проводил торжественную службу. Сыновья хорошо пели и часто тоже участвовали в хоре. Николай на память записал часть Рождественского послания: «В нынешний великий день вспоминает Святая Церковь глубоко таинственное и непостижимое событие, перед которым все другие события в мире ничтожны — Рождество Предвечного Сына Божия в человеческой плоти от Пресвятой Девы Марии ради спасения погибающего во грехах рода человеческого». И еще он помнил слова отца, что недостаточно быть простыми работающими людьми, но надо всегда хранить чистоту своей души и сердца, а главное — соблюдать святейшие заповеди Господа нашего Иисуса Христа. Николай запомнил, что отец говорил просто, образно, подкрепляя свои мысли изречениями святых отцов или ссылками на их жития. Беседы будили пылкий ум детей, подготавливали их к вопросам духовной жизни.

Перед Первой мировой войной пастырь в своей проповеди вспоминал слова Иоанна Богослова, чтобы все поняли великие слова «И свет во тьме светит», эту правду Божественную. Надо, чтобы отдельные люди и целые народы не враждовали между собой, а любили друг друга, как дети Единого Отца Небесного.

Празднично проходили Пасхальные богослужения, при котором настоятель отец Константин поздравлял всех прихожан с Праздником праздников, слова его проповеди светились светом евангельским, были проникнуты искренней верой в Воскресшего Господа Иисуса Христа, и твердой верой, что воскреснем и все мы для жизни

вечной. Эти пасхальные дни надолго оставались в памяти его детей и прихожан, особенно молодых.

Храмовый праздник Спаса Его Нерукотворного Образа отмечался исключительно торжественно. Это был настоящий народный праздник, в котором участвовали и зажиточные, и бедные крестьяне, множество детей. Победителям в детских состязаниях вручали призы: игрушки, трубочки, дудочки, конфеты, пряники, орехи. Играли в лотерею, получая при жизни великой княгини выигрыши на каждый билет: платки, ситец на платья и рубахи, самовары, фарфоровые чайники и чашки с блюдцами. Часто запускали бумажный воздушный шар.

По воспоминаниям внучки Наталии Александровны Махаевой, дом священника состоял из двух частей: холодной и теплой. В холодной части было четыре комнаты. Одна большая — гостиная, затем небольшой кабинет священника, в других были спальни. Имелась также полутерраса в сад, где росло большое хвойное дерево. В теплой части дома находилась кухня, светелка с иконами, горница и большая передняя. Сохранились любительские фотографии дома и пчельника, так как прадед любил и много занимался разведением и содержанием пчел. Рядом с домом священника находился дом псаломщика Василия Соколова.

В своих проповедях отец Константин обращался к жителям села о тяжелой судьбе наших воинов в Балканской, Русско-японской войне, просил о милости и пожертвовании раненым, находившемся в госпитале села Ильинское, организованного Елизаветой Федоровной. Под ее руководством в районы боевых действий были отправлены отряды медсестер Иверской общины, которых с молебном и встречал священник Сергей Махаев, старший сын настоятеля Спасской церкви.

Крестьян особенно волновали постановления правительства о проведении реформ в деревне, о выделении земельных наделов по предложениям Столыпина. На все эти животрепещущие проблемы жители села обращались к настоятелю храма.

В церкви скорбели о трагической гибели великого князя Сергея Александровича в феврале 1905 г. Сергей Александрович был убит эсерами-террористами. В Кремле на месте, где разорвалась бомба, Елизавета Федоровна воздвигла крест-памятник с надписью: «Отче, отпусти им, не ведают, что творят». В апреле 1910 г. Елизавета Федоровна была посвящена в крестовые сестры милосердия. Она купила на Большой Ордынке землю, где на ее средства была построена Марфо-Мариинская обитель, в которой был целый квартал домов с больницей, аптекой, амбулаторией, сиротским приютом, убежищем для престарелых. Затем по проекту архитектора А. В. Щусева построены два храма, один из которых, Покровский, расписан известным художником М. В. Нестеровым. Все дни Елизаветы Федоровны проходили в больнице, где она выхаживала самых тяжелых больных, спасала бездомных детей. В 1918 г. она вместе с другими членами царской семьи была арестована, отправлена на Урал. После расстрела гроб с ее телом удалось отправить в Иерусалим и установить в склепе церкви Марии Магдалины, где она, причисленная к лику святых Русской Православной Церковью, покоится и сегодня. Дух святой подвижницы незримо присутствует в возрожденных ныне храмах Москвы (в частности, в Иверской церкви на Полянке). Возрождено Марфо-Мариинское благотворительное общество и при нем вновь создана община сестер милосердия. Помнят и чтут великомученицу Елизавету Федоровну и в селе Ильинском, где в церкви Ильи Пророка

хранятся две иконы с частицами ее святых мощей. А теперь в новом храме Нерукотворного Образа Христа Спасителя в Усово установлен придел с иконой преподобной мученицы Елисаветы Федоровны. Меня поразило высказывание архиепископа Анастасия о личности Елизаветы Федоровны: «Это было редкое сочетание возвышенно-христианского настроения, нравственного благородства, просвященного ума, нежного сердца и изящного вкуса. Она обладала чрезвычайно тонкой и многогранной душевной организацией. Все качества ее души были соразмерны одно с другим, не создавая нигде впечатления односторонности».

С началом Первой мировой войны в 1914 г. многие мужчины из сел ушли на фронт, а семьи лишились кормильцев.

Описание усадьбы, парка, дворца, какими они сохранились до 1920 г. в Усово приводится в книге «Венок усадьбам». В одной из комнат были собраны итальянские миниатюры и иконы, в зимнем саду висели антики — обломки стел, фонтанов и монументов. Все это поздние работы римских мастеров, очевидно, подобранные где-то в Италии. Затем они частично попали в Музей изящных искусств. К новой вилле примыкали аллеи векового парка, традиционно пересекающиеся по кругу. С этой стороны был виден въезд в усадьбу. Дорога с вековыми березами по обеим сторонам ведет к большаку, соединявшему Москву и Звенигород. Справа к французскому саду примыкает английский парк, слева остаются корпуса служб, также в стиле ампир, очень простые и скромные. Внизу выше уровня реки цепью протянулись пруды в темных зарослях разросшихся деревьев. Пруды разделены плотинами. По откосу вьется дорожка в акациях, приводящая к гроту (таком же, как в Ильинском), который выложен бе-

лым диким камнем с двумя круглыми окнами по сторонам входа, приводившего в помещение под сферическим гротом. Разнообразие лиственных пород создает осенью настоящее пиршество пламенеющих на солнце красот. Так долгие годы стояло Усово с его архитектурными памятниками, нигде не описанными и чудными пейзажами, почему-то не запечатленные художниками [7].

Надо отметить, что в 1930 г. сотрудник музея архитектуры имени А. В. Щусева Ю. П. Еремин провел фотосъемку церкви Спаса Нерукотворного Образа в селе Усово, запечатлев отдельно колокольню, перспективу северного фасада (лучше всего сохранившиеся снимки), а также несколько общих видов церкви. Эти снимки хранятся в фототеке Государственного научно-исследовательского музея архитектуры (коллекция ГУОП, негативы 4521, 4522). По этим снимкам по моей просьбе художник из Симферополя С. Куссий создал реконструкцию храма в цвете (акварель).

До 1917 г. имение села Усово принадлежало великому князю Дмитрию Павловичу, который появлялся здесь крайне редко. В 1916 г. он принимал участие в убийстве Г. Распутина, был осужден и сослан в Персию, откуда сумел добраться до Парижа, где встретился с сестрой Марией, судьба которой была весьма трагичной.

После революции 1917 г. в селе наступило тревожное время, но дворец и церковь не были разрушены. Из национализированных имений Ильинское и Усово начался вывоз художественных ценностей, в том числе в Румянцевский музей и Строгановское училище поступили картины, гравюры и литографии (всего 87 предметов). А также многочисленные письма, статуэтки слоновой кости, миниатюрные портреты Александра I и его жены Елисаветы Алексеевны, 15 небольших картин, 6 акварелей,

25 предметов мебели, большие зеркала екатерининского времени. Это очень небольшая часть всех богатств, имевшихся во дворцах [10]. Многие были разграблены, сожжены, проданы.

В июле 1918 г. постановлением президиума Московского губернского совета села Усово, Лайково, Одинцово и другие вошли в состав Одинцовской волости Московского уезда, а с 1929 г. село Усово входило в состав Кунцевского района Московской области, о чем свидетельствуют многочисленные документы Николая Константиновича Махаева для оформления паспорта.

Недавно Потапова Людмила Порфирьевна из деревни Солослово любезно предоставила мне свои воспоминания о роде своего прадедушки Барынина Даниила Никитича, бывшего старостой церкви Спаса Нерукотворного образа в селе Усово. Он был «чрезвычайно милым, благообразным человеком, много работал, занимаясь извозом, гонял лошадей в Москву, чтобы прокормить детей. Прабабушка Татьяна Ивановна родила ему 16 детей. Так что валенки были одни на всех, гуляли в них по очереди. В Большом Сареево сохранился дом из каких-то серых блоков (дому, наверно, более 100 лет), который построил прадед с сыновьями. Такого дома не было ни у кого в деревне. Похоронен мой прадедушка с женой на Усовском кладбище». Из этого интересного рассказа хотелось бы привести отрывок о сельской жизни 1930-х годов: «...Наш дом в Сослово построен в тридцатые годы...Пришла коллективизация, раскулачивание, голод. Сохранились об этом рассказы. Как хотели содрать с дома железную крышу, как корову увели в колхоз, а она пришла к калитке. Как в голод пять раз в день ели пустой суп. И как они трудились, бабушка и мама, на посадке сосенок, этот лес растет за деревней. И еще, несмотря на все гонения,

никогда из красного угла не были сняты иконы. Венчальная икона Казанская так и была с венчальными цветами бабушки по периметру. Я всегда любовалась ими, но когда трогала их красивые восковые венчики, мне становилось грустно. И еще, прадедушка по матери Прохор Васильевич Быстров-Баранов то же был старостой в Спасской церкви села Уборы».

Из литературы следует, что деревня Солослово известна с 1504 г., а с 1827 г. являлась вотчиной Ф. И. Шереметьева. В конце XIX в. купец Кувшинов основал здесь кожевенную мануфактуру, в 1912 г. организована ткацкая фабрика Фидлера. По переписи 1922 г. было 122 хозяйства, кустарно-промышленная артель, фабрика Кувшинова, школа I ступени. В 1933—1936 гг. работала фабрика искусственного меха и колхоз «Расцвет коллектива», который вошел в состав совхоза «Горки-2», и на его основе была создана молочно-товарная ферма.

Большое значение для жителей сел имела постройка в 1920 г. железнодорожной ветки от Белорусского вокзала г. Москвы. По переписи 1926 г. в селе Усово числилось 42 хозяйства, 187 жителей, школа, магазин. В 1930-е годы проходила работа по организации колхозов, началась электрификация сел. В Ильинском было организовано на базе фермы молочное хозяйство, поставлявшее молоко и овощи в лечебные учреждения столицы, позже создан совхоз Ильинское-Усово.

В мае 1922 г. в. Ленин писал Сталину (по свидетельству историка А. Латышева): «Не пора ли основать 1—2 образцовых санатория не ближе 60 верст от Москвы? Потратить на это золото, тратим же и будем тратиться на неизбежные поездки в Германию». И еще один отрывок из письма vojдя: «В Зубалово, где устроены дачи Вам, Каменеву, Дзержинскому, а рядом устроят мне к осени, надо добиться

починки железной дороги к осени и полной регулярности движения автодрезин».

В 1924 г. организовано подсобное хозяйство ОГПУ «Горки 2» по личному указу Дзержинского на базе бывшего имения Трапезникова. Интересные воспоминания о жизни тех лет содержатся в книге Светланы Алилуевой «20 писем другу».

В усадебном доме Усово организовали санаторий для туберкулезных больных, затем дом отдыха большевиков, которые весьма лояльно относились к священнику К. Махаеву, уважая его за мудрость, за честное отношение к прихожанам. Еще продолжал звучать колокол, отец Константин крестил детей, провожал односельчан в последний путь. Батюшку в селе уважали, он много помогал больным, был весьма образован, дома имел хорошую библиотеку церковных и светских книг. В последние годы он вел замкнутый образ жизни, проводя дни в трудных раздумьях в своем кабинете, куда не пускал любопытных внушек. Сотрудники Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета провели огромную работу по выявлению архивных дел, касающихся новомучеников и исповедников российских. Так, в Российском государственном историческом архиве найдено прошение на имя Святейшего Патриарха Тихона, поданное прихожанами Спасской церкви с. Усово: «...просим к нашему престольному празднику Всемилоственного Спаса 16 августа благословить нашего отца духовного носить при богослужении митру, так как он пятьдесят лет безвыходно прослужил при нашем беднейшем приходе и даже никогда не желал просить о переходе от нас в другой приход, всегда ревностно исправлял наши требы, не ссылаясь ни на позднее время и ни на непогоду, всегда был готов. Нас, прихожан, не вынуждал никогда, всегда был всем

доволен... Всегда был и есть примером нам, прихожанам, и всю жизнь прослуживши, был и есть нам отцом» [40]. Интересно, что в числе подписавших это прошение был и председатель Усовского сельсовета. Надо отметить, что в дореволюционное время за 50 лет пастырской работы награждали орденами.

86 В 1930-е годы начались усиленные гонения на церковь, продолжалось разрушение храмов, аресты священников. Так по личному приказу Сталина в селе Петровское в одну ночь была снесена Покровская церковь, которая портила вождю вид на Москву-реку. Происходил несправедливый раздел земель по отношению к духовенству, неверное распределение налогов, были случаи привлечения старцев к трудовым непосильным повинностям. Эти проблемы обсуждались на собрании священников второго округа Звенигородского уезда, на котором выступал старший сын настоятеля Спасо-Усовского храма Сергей Махаев, служивший в Москве. Ведь он хорошо знал, как трудно приходится его отцу, которому только вера помогала сохранять силу, спокойствие и твердость.

После смерти Константина Махаева, которого похоронили в ограде церкви положили памятную плиту, церковь в 1932 г. закрыли. Как мне рассказывала одна из дочерей псаломщика, Варвара Гармаш, иногда церковь открывали для служения. Но в 1937 г. снесли колокольню и верхний купол храма, убрали надгробие с могилы священника и похоронили на Спасо-Усовском кладбище, а где могила, неизвестно. Последние годы с отцом жил младший сын Алексей с семьей, их бесцеремонно выставили. Началось массовое строительство государственных дач. Здание церкви было перестроено под жилое помещение. Невольно вспомнились строки:

Забытый храм —
Свидетель дней былого,
Священный свет его потух.

(М. А. Хитрово)

87 В конце 1930-х годов на дачах в Усово отдыхали Сталин, Дзержинский, Ворошилов. От села Усово через бор, мимо бывшего имения Зубалова «Кольчугино», окруженного высокими кирпичными стенами, ведет звенигородский большак. Лес сменяет луг, ручей, снова лес. Места эти древние, но в советское время стали и опасными, так как здесь находилась дача Сталина. Жителям окрестных сел вход был воспрещен, некоторые поплатились за свою любовь к ягодам и грибам (так, в частности, был арестован сын священника Александр и в 1937 г. расстрелян).

До революции село Усово 1-го стана относилось к Перушковской волости Звенигородского уезда. Постановлением Президиума Московского губернского совета от 3 июля 1918 г. села Лайково, Усово, Одинцово, Сареево, Акулово вошли в состав Одинцовской волости Московского уезда. В 1929 г. было упразднено старое административное деление страны на губернии, уезды и волости. Вместо них появились области, районы и округа. Село Усово вошло в состав Кунцевского района Московской области.

В настоящее время село Усово относится к Одинцовскому району Московской области. В бывшем царском имении находится элитный дачный поселок. Старые деревянные дома жителей села расположены вдоль дороги. Строятся новые дворцы, почти перекрыты подходы к реке.

Судьба детей священника

88

На каждом человеке лежит отблеск истории. Одних он опаляет жарким и грозным светом, на других едва заметен, чуть теплится, но он существует на всех. История полыхает, как громадный костер, и каждый бросает в него свой хворост.

Ю. Трифонов. «Отблеск костра»

Эти эмоциональные и точные слова писателя наглядно отражают судьбы детей Махаевых, в которых наглядно отразилась полная трагизма история XX века. Сухие факты биографии, конечно, не отражают всей полноты жизни с ее живым чудом первых восторгов, прозрений, догадок и ошибок, таинственной жизни души, реализации духовных возможностей, деятельного служения, а также всех искушений и испытаний, выпавших на долю всех семерых детей. Но история прошла именно через них с разной степенью осознания и восприимчивости к судьбе.

В семье священника выросли сыновья Сергей, Николай, Александр, Алексей, Георгий и дочери Антонина и Клавдия. Все они получили первоначальное воспитание в семье, а затем, как большинство детей священнослужителей, обучались в духовных училищах и семинариях и даже в духовной академии.

Сыновья Сергей и Алексей закончили Вифанскую духовную семинарию, Николай, Александр и Георгий — Московскую семинарию. Николай затем успешно закончил Московскую духовную академию. Дочери Антонина и Клавдия обучались в Мариинском епархиальном училище.

Только сыновья Сергей и Александр продолжили священнический путь отца. Они служили в разных храмах Москвы, но судьба их трагически закончилась в декабре 1937 г. на полигоне НКВД в Бутово.

В настоящей работе наиболее подробно представлена судьба Сергея и Николая Махаевых, жизнь остальных изложена кратко из-за отсутствия необходимых материалов.

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ МАХАЕВ (1885—1937) закончил в 1899 г. Донское духовное училище, а в 1905-м — Московскую духовную семинарию. Затем служил псаломщиком церкви Александра Невского при Комиссариате технического училища, а в 1909 г. в церкви Святого Иоанна Предтечи на Новинском бульваре, д. 24. Преподавал он и Закон Божий в церковно-приходской школе на Большой Ордынке. В 1913 г. он являлся псаломщиком храма Спаса на Песках, а позже в Иверской церкви на Б. Ордынке и в храме Петра и Павла на Калужской улице. Такие скудные сведения я узнала из газеты «Московские церковные ведомости» и из справочника «Вся Москва, 1909,

89

1913 г.» Судя по этим данным и рассказам его дочерей, Александр не занимался активной церковной деятельностью. Он был женат на Ольге Васильевне Воздвиженской и унаследовал от ее отца службу в храме Иверской иконы Божией Матери на Большой Ордынке. И еще он преподавал в школе при Марфо-Мариинской обители, которая находится напротив Иверского храма на Ордынке. Ему даже предложили возглавить ее, но Александр отказался. Молодая семья проживала в небольшом деревянном доме, который снесли в 1980-е годы. У них родились две дочери — Елена (1920—2001) и Наталья (1916—2006). Они вспоминали, что у отца был очень хороший голос, и он любил петь в храмах. Александр, отслужив в Красной Армии, вернулся домой и поступил работать на картографическую фабрику им. Дунаева. По выходным он часто ездил в окрестности родного села Усово, где бродил по лесу, собирая грибы и ягоды. Здесь его дважды задерживали работники НКВД, но отпускали.

В ноябре 1937 г. Александр Махаев был неожиданно арестован. Елена Александровна вспоминала, что за отцом пришли ночью, провели обыск, точно зная, где находятся религиозные книги и фотографии священников. В доме сохранилась только одна свадебная фотография родителей. После 1956 г. дочери часто ходили на Кузнецкий мост, но ничего определенного им не сообщали. Реабилитирован Александр был в 1960-е годы, но родственники не видели материалов следственного дела. Детям только сообщили, что он был арестован по доносу. Только в 1992 г. стали известны материалы следственного дела, которые изучали священники Свято-Тихоновского гуманитарного университета [46].

Елена Александровна и ее дочь Алла всю жизнь проработали на картографической фабрике. Наталия Алексан-

дровна преподавала русский язык и литературу в школах, она оставила после замужества фамилию отца, поэтому ее дочери, внуки являются продолжателями рода Махаевых по женской линии, но не проявляют интереса к своей родословной. Я часто приходила к Наталье Александровне, мы долго беседовали за чаем с баранками, однажды купила на Тверской любимые ею филипповские пирожные, что напомнило о прошлом. Наталья Александровна с удовольствием вспоминала прежнюю жизнь, рассказала мне о своих поездках к бабушке в Усово, подробно описала его дом, сообщила о последних его днях, подарила фотографию дома, пчельника и церкви. Она вспоминала, как в детстве бегали купаться на реку к «Махаевскому» обрыву, который находился при впадении реки Медвенки в Москву-реку. По ее рассказам, посетив село Усово, живо представила себе местоположение дома священника по наличию огромной пихты. Сейчас там элитная дача.

И еще она разрешила сделать выписку из своего свидетельства о рождении — «метрической книги о родившихся в 1916. Дата — август 26. Имя — Наталия. Родители: псаломщик Московской на Ордынке церкви Александр Константинович Махаев и законная его жена Ольга Васильевна, оба православного вероисповедания. Далее — звание, имя, отчество, фамилии восприемников: Диакон Московского Покровского и Василия Блаженного Собора Иван Симонович Недумов и гражданка Варвара Васильевна Воздвиженская (вдова Василия Сергеевича Воздвиженского, служил в Иверском храме на Ордынке, умер в 1914 г.). Кто совершил таинство крещения: Приходский протоирей Николай Мячин с причтом». Надо пояснить, что И. С. Недумов был мужем Антонины Константиновны Махаевой и жили они на Пятницкой улице.

С Натальей Александровной мы часто вспоминали старый деревянный дом, где они жили рядом с Иверской церковью на Ордынке. Здесь я впервые побывала в 1961 г. проездом на дипломную практику, удивилась, что так много родственников в Москве. Приезжала сюда и в 1967 г. для работы в Центральной библиотеке. Тогда я более подробно узнала об удивительном уголке Москвы — Замоскворечье. Так случилось, что в начале XX века оно стало родным для детей моего прадеда. Эти улицы — Ордынка, Полянка, Пятницкая, Новокузнецкая, Большая Якиманка, многочисленные уютные переулки полюбились и мне, когда став геологом, часто консультировалась со специалистами Геологического института, который находится в Старомонетном переулке. Я очень благодарна Наталье Александровне за ее память о прошлом нашей семьи.

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ МАХАЕВ (1891—1951) закончил в 1905 г. Донское духовное училище, в 1912 г. — Московскую духовную семинарию. О его службе в церкви нет никаких сведений. Г. Махаев был женат на Ольге Васильевне Соколовой, дочери учителя церковно-приходской школы Спасской церкви села Усово. В советское время он работал бухгалтером на фабрике Госзнака, в объединении «Главсоль», затем в Перми на одном из филиалов. В Москву вернулся после войны, где погиб его сын Георгий, дочь Вера умерла в детском возрасте. Георгий переписывался со своим братом Николаем, который жил в Крыму. Именно Георгий приложил много сил для установления причин трагической гибели в Сибири Валерия, сына Николая. В семейном архиве хранятся письма Георгия, где он рассказывает о своих хлопотах в тресте «Золоторазведка», где работал Валерий. В конце жизни

Георгий много болел, семье приходилось тратить много средств на лекарства. Вот и все сведения, что мне удалось добыть у московских родственников.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ МАХАЕВ (1891—1943?) закончил в 1905 г. Звенигородское училище, куда принимали детей из среднего духовенства и крестьян (бесплатно). В первом классе ребенок должен был знать молитвы, тропари, заповеди. Дети изучали священную историю, арифметику, географию, латинский и греческий языки, читали на церковнославянском, а также учились выразительно читать и петь в хоре. Училище находилось в подворье Саввино-Сторожевого монастыря, вблизи крутых холмов с соснами. Дети любили бывать в главном Рождественском Соборе. Часто церковь и классы посещали императорские особы и великие князья. Братья Сергей и Алексей часто рассказывали дома, какие просторные классы с обилием света и воздуха, какая красивая мебель в учебных классах. В 1907 г. Алексей перешел в Вифанскую семинарию, которую окончил в 1912 г. По воспоминаниям Наталии Александровны, он был настоящим щеголем в юности, обладал хорошими музыкальными способностями, любил петь. Он женился на дочери состоятельного торговца из Ильинского, где в 1923 г. служил регентом в Ильинском храме. В 2004 г. из книги Н. Г. Калининой «Край родной. Красногорский округ» я узнала много нового о судьбе Алексея, вернее о роде Аникеевых, одном из древних в селе, о котором написала долгожительница села Мария Владимировна Наумова (ур. Аникеева (1917—2008)). Ее дедушка — Федор Филиппович Аникеев (1826—1868) и бабушка — Дарья Михайловна Аникеева. У них было пять детей: Алексей, Михаил, Василий, Прасковья и Евдокия. За усердную службу императору Алек-

сандру II императрица Мария Александровна поставила на могиле крестьянина Федора Филипповича Аникеева, на Ильинском кладбище, высокий памятник из черного мрамора. Прадеды Марии Владимировны, М. Ф. Аникеев и Н. П. Дуплаков были довольно зажиточные крестьяне. Жители села Ильинское принимали активное участие в строительстве церкви, занимались продажей сена, которое поступало и в село Усово.

В 80-е годы XIX века дед Марии Владимировны Михаил Федорович Аникеев построил себе дом в четыре окна с красивыми резными наличниками и большой остекленной террасой, разбил у дома сад с белой сиренью, барбарисом, жасмином и завел хозяйство, в котором имелось две коровы и лошадь. В период коллективизации все отобрали, кроме одной коровы, так как в семье было много своих детей и приемных сирот. Вскоре в дом деда поселили три семьи погорельцев, их потомки остались здесь жить. Этот дом находится почти напротив современного ресторана «Русская изба». Отец Марии Владимировны Владимир Михайлович Аникеев (1892 г.) получил высшее образование в Межевом институте, работал в Хозяйственном управлении Кремля. Священник Алексей Махаев женился на Варваре Федоровне Аникеевой. Молодая семья жила в небольшом доме около Ильинского храма. Отец известного певца (бас) Максима Дормидонтовича (он был солистом в Большом театре) был дьяконом. Он часто приезжал по праздникам, останавливался в доме Ф. Ф. Аникеева, так как любил слушать богослужение в храме, которое проводил Алексей Махаев, ценил его певческий дар. Дьяконом в это время был Сергей Цветков.

Во многом красота богослужения зависит от регента, начальника церковного хора — эта профессия требует со вмещения музыкального слуха, знания церковного уста-

ва и умения руководить. Церковное пение — богословие в звуке, как «икона в красках». «Сама музыка раскрывает мысль, заключенную в тексте» — так писал святой Григорий Нисский. Русское церковное пение берет начало от византийского. Главное, чтобы была внутренняя молитва, которая придает духовную сладость пению.

Прочитав в книге Н. Г. Калининой воспоминания и о роде Аникеевых я, конечно, познакомилась с Марией Владимировной, ветераном Отечественной войны. Все имеющиеся у меня материалы по истории Махаевых я передала Марии Владимировне, мы часто с ней долго беседовали по телефону. К сожалению, уже очень пожилая женщина не успела найти фотографию Варвары, жены Алексея. Надеюсь, что ее дочь, педагог, сохранит ценные материалы и фотографии.

Алексей, единственный из детей отца жил с ним в селе Усово до его кончины. Одно время работал бухгалтером в совхозе «Ильинское-Усово». Из следственного дела брата Сергея за 1937 г. следует, что к этому времени дом пришлось продать, так как в Усово началось строительство правительственных дач. Алексей с женой и четырьмя детьми жили в вагончике в Немчиновке, очень бедствовали. Дальнейшая судьба семейства неизвестна.

Для меня напоминанием о брате моего дедушки теперь является красивый Ильинский храм на берегу Москвы-реки, жилой дом с резными окнами напротив старинного рубленого деревянного дома (ресторан). Этот большой 2-х этажный дом с кладовыми для сервиза и прекрасным помещением для прислуги построили в 1870 г. и называли «Сервизный домик». Стены дома хранят историю. После революции здесь была чайная, магазин. В подвале дома находилась пекарня. На площади перед домом происходили собрания жителей.

В 2010 г. сын преподнес нам с мужем настоящий сюрприз. Он пригласил родственников в «Русскую избу», чтобы отметить 45-летие нашей совместной супружеской жизни. Это было приятно и трогательно.

АНТОНИНА КОНСТАНТИНОВНА МАХАЕВА (1878—1932) родилась также в Усово, закончила Мариинское епархиальное училище на стипендии великого князя Сергея Александровича со взносом 150 рублей в год. Женские епархиальные училища сначала появились как учебные заведения для дочерей духовенства. Главной целью было воспитание и приготовление добрых и достойных жен священников. Дочь должна быть образованной, поддерживать мужа от упадка духа, быть утешительницей его в лишениях, страданиях. Преданная, умная, духовно образованная жена для пастыря была единственной советчицей, она принимала на свое попечение заботы о воспитании детей и управление домом.

Воспитанницам преподавали Закон Божий, историю всеобщую и русскую, русский язык, русскую словесность, арифметику и общие основания геометрии, географию, общие сведения о физике, педагогике, чистописании, церковное пение. Вне уроков обучались шитью, вязанию. Их приучали к скромной трудовой жизни, стремились дать религиозно-нравственное и хозяйственное образование.

Антонина Константиновна вышла замуж за Ивана Сибирича Недумова, который служил диаконом в храме Василия Блаженного на Красной площади. Жили они на улице Пятницкой, д. 8 — это дом священника Покровского Собора. Именно сюда часто приходили братья Антонины. Они называли ее просто Нина и своей мамочкой, так как их мать Анна Ивановна умерла рано. Братья прихо-

дили посоветоваться, поговорить о насущных проблемах и простых житейских делах. Братья все были весьма музыкальны, часто пели романсы, особенно любили исполнять «Вечерний звон» и «Нелюдимо наше море».

У Недумовых было двое детей — Серафима и Евгений. Серафима Ивановна (1913—1990) была любимой племянницей Николая Константиновича, в доме которой он постоянно останавливался по приезду в Москву, а затем и его дети и внучка. Серафима Ивановна много лет работала в бухгалтерии МГУ. Я навещала ее в 1960-е годы в красивом здании в стиле ампира в Среднем Овчинниковском переулке. В квартиру вела большая парадная лестница. Поразила комната с высокими потолками с невиданными мной антресолями. Серафима Ивановна рассказывала, что в 1930-е годы, когда приезжал мой дедушка, здесь были красивые люстры, как кисти винограда, потолки украшены лепниной с позолотой, на полу красивейший паркет. Кухня раньше была наверху, на лифте в столовую подавалась еда. В 1930-е годы все поделили, устроив коммунальные квартиры. На биологическом факультете училась и преподавала ее дочь Татьяна Михайловна Чеботарева [1932]. Сейчас она на пенсии, у нее дочь Наталья, внук Сергей учится в Авиационном институте. Именно в этой семье сохранилась большая часть фотографий семьи Махаевых: Константина Георгиевича и его жены Анны Ивановны, свадебные фото всех детей отца Константина Григорьевича. Здесь же я нашла письма и фотографии Николая Махаева из Константинополя, Витебска, Симферополя. По семейному преданию, пересказанному мне Татьяной Михайловной, существовал альбом с фотографиями родственников, который передавали для сохранения из одной семьи в другую. Но его так и не удалось обнаружить...

КЛАВДИЯ КОНСТАНТИНОВНА МАХАЕВА (1880—1940) вышла замуж за Дмитрия Успенского. Потомки их детей живут в Москве, но не поддерживают знакомств с другими родственниками. Известно только, что Клавдия много болела, часто подолгу жила в доме у отца в селе Усово.

Сергей Константинович Махаев

И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам.

Осип Мандельштам

Старший сын священника Спасской церкви К. Г. Махаева Сергей родился 6 сентября 1874 г. в селе Усово, успешно учился в церковно-приходской школе. По воспоминаниям брата Николая, Сергей поражал своей любознательностью, сообразительностью, своеобразным складом ума. Он очень любил помогать отцу по службе, пел в церковном хоре.

Донское духовное училище, куда поступил Сергей, было при Донском православном мужском монастыре, основанном в 1591 г. царем Федором Ивановичем в память чудесного избавления от нашествия крымского хана, здесь находится заступническая икона Донской Божией Матери.

Успешно закончив училище, Сергей поступил в Вифанскую духовную семинарию, которая основана в 1797 г. при Спасо-Вифанском монастыре Троице-Сергиевой лавры. Дома Сергей рассказывал о необычном здании с де-

коративными башнями, с подъемными мостами, что напоминало замок. До нашего времени сохранилась монастырская гостиница — трехэтажное здание из красного кирпича с парадным крыльцом. В семинарии преподавали словесность, историю, философию, математику, языки греческий, латинский, немецкий, богословие, священное писание, церковную историю и археологию. С. Махаев успешно по первому разряду окончил полный курс наук со званием студента в июне 1895 г. и был определен в псаломщики резолюцией митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) к московской церкви Святителя Николая в Кошелях. Эта старейшая церковь была у Яузских ворот в пределах Кошельской слободы, где делали кошелю для поклажи. Церковь снесена в 1937 г., на ее месте благоустроен сквер с памятником пограничникам Отечества. Так и осталась только фотография церкви в известной коллекции Найденова.

Согласно ходатайству Столичного отдела Кирилло-Мефодиевского братства С. Махаев одновременно назначен преподавателем в Николо-Мясницкой церковно-приходской школе, причем совершенно безвозмездно. Это был талантливый педагог и ревностный проповедник слова Божия. В Сергиевской церкви в Рогожской заставе, где С. Махаев был учителем русского языка, в старшем отделении были отмечены «особенная ревность и усердие» молодого педагога. Он хорошо помнил заповедь отца: «Храните себя в сосредоточенности духа».

В судьбе Сергея Махаева значительную роль сыграли великий князь Сергей Александрович и его жена Елизавета Федоровна, которые были почетными попечителями Московской Иверской общины сестер милосердия Красного Креста, основанной в 1896 г. Иверская община создавалась для помощи раненым и заболевшим в военное

время, а в мирное — больным и немощным, как в лечебных заведениях, так и на дому. В сестры принимали девиц всех сословий от 20 до 40 лет. Каждая предварительно проходила двухгодичное обучение и практику в звании испытуемой. Доказав усердие и добродетельность, девушки принимали обеты безбрачия и целомудрия, получали право носить на груди крест на зеленой ленте и становились «крестовыми сестрами». Теперь их жизненным уделом было деятельное милосердие, бескорыстное служение долгу. Сестры Иверской общины носили темные платья с пелеринами и белыми накрахмаленными передниками с большим крестом на груди. Крестик поменьше украшал белоснежные платки, которые подвязывались особым бантом под подбородком.

Комплекс построек Иверской общины складывался постепенно. В 1896 г. были приобретены две соседние купеческие усадьбы с каменными домами и садами. Так сформировалось достаточно обширное владение между Б. Полянкой и М. Якиманкой. Перестраивать здания пригласили молодого архитектора Н. Е. Бондаренко, впоследствии известного мастера модерна. Он возвел корпус по М. Якиманке, в другом трехэтажном здании устроили больницу с хирургическим отделением, поликлинику, бесплатную аптеку. Больница Иверской общины была одной из лучших в Москве.

В 1896—1901 гг. посреди двора на средства Е. С. Ляминной, известной благотворительницы, и по проекту архитектора Сергея Константиновича Родионова была сооружена замечательная церковь Иверской иконы Божией Матери. Законоучителем Иверской общины в 1898 г. назначен протоирей Константин Зверев, настоятель храма св. Александра Невского при доме московского генерал-губернатора С. А. Романова.

Это единственный храм в Москве, напоминающий по стилю церкви городов Владимира и Ростова с оригинальной звонницей. Орнаменты внутренней росписи заимствованы из Софийско-Новгородского собора. Украшал храм мраморный иконостас в виде алтарной преграды, за которой виден на стене образ Богоматери, как бы парящей над всем храмом. Вблизи входа на здании сохранилась мраморная доска с надписью о посещении ее императрицей Александрой Федоровной и августейшей почетной попечительницы Елизаветы Федоровны в апреле 1900 г.

Храм был освящен 19 апреля 1901 г. митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским). На освящении присутствовала великая княгиня Елизавета Федоровна, которая шла в крестном ходе вокруг храма и молилась на литургии.

В эту церковь 29 июля 1900 г. был назначен псаломщик Сергей Махаев. Преосвященный Парфений (Левицкий), епископ Можайский рукоположил его во диакона 15 октября 1900 г. и 17 октября во священника. Там он прослужил девятнадцать лет.

В эти же годы С. Махаев женится на Людмиле Сергеевне Цветковой, дочери московского священника Сергея Федоровича Цветкова. В архиве имеется послужной список за 1921 г этого священника на вакансии диакона. Афанасие-Кирилловской церкви на Сивцевом Вражке. Церковь снесли. Жили Махаевы на улице Большая Якиманка, д. 21, дом сохранился. Тогда это была удивительная улица с множеством храмов: Казанский, Петра и Павла, Якима и Анны, Ивана Воина — единственный уцелевший храм до наших времен. Многие строения уничтожили, чтобы спрямить и расширить дорогу из Кремля в аэропорт Внуково. у этой улицы есть свой поэт — Иван Шмелев, родившийся в замоскворецком дворе. Его сочинения храни-

ли в спецхране, а недавно прах его привезли из Парижа на родину и похоронили в Донском монастыре. Помню, как меня поразил его роман «Лето господне», этот настоящий литературный памятник Замоскворечью. «Едем по пустынной Якиманке, мимо виднеющийся в переулке белой — Спаса в Наливках, мимо желтеющего в низочке Марона, мимо краснеющего далеко за Полянским рынком Григория Неокесарийского, храма Якима и Анны, давшего имя этой улице, Петра и Павла и везде крестимся...» — так пишет русский писатель Иван Шмелев. А у нас в Крыму в г. Алушта, где последние годы он жил с семьей, есть музей Шмелева, так как в гражданскую войну здесь зверски расстреляли его сына.

Интересно, что храм в честь родителей девы Марии был единственным в столице, он стоял у истока улицы, которая стала называться Якиманка. В русском произношении Иоким (что означает «Бог возставляет» стал Якимом, Ханна, в русском произношении Анна — переводится как «Милостивая». Во всем мире они чтятся как отец и мать Марии, долгожданной дочери, которая в мир вошла Марией, Богородицей, Богоматерью, Мадонной, земной матерью Христа. Над этим храмом красовалось семь куполов и колокольня. Отстроил его патриарх Иоким, который основал Славяно-греко-латинскую академию. В начале улицы, перед впадением в Калужскую площадь, возвышалась большая церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери. Иван Шмелев много раз упоминал в «Лете Господнем» этот храм, где он впервые молился, а отец его избирался старостой церкви. Этот византийский храм взорвали и вывезли на свалку в несколько дней.

Известно со слов родственников, что Махаевых часто навещали сестры Людмилы Сергеевны. Детей у супругов

не было. В семейном архиве потомков Антонины Недумовой, дочери священника Спасской церкви, я впервые увидела овальную фотографию Сергея Махаева с женой Людмилой. На обратной стороне надпись: фотография П. Павлова, ул. Мясницкая в Москве.

В архиве сохранился интересный документ: «По указанию Августейшего Председателя Иверского Комитета Российского Общества Красного Креста ЕЯ Императорского Высочества Великой княгини ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ Сергей Махаев приглашен Советом Иверской Общины быть законоучителем и духовником сестер милосердия и членом Попечительского Совета общины, в каковой должности и утвержден ЕГО Высокопреосвященством с сентября 1905 г.» [41]. Это была большая честь и ответственность. Видимо, великая княгиня почувствовала в молодом Сергии Махаеве особую духовную настроенность, задатки хорошего проповедника.

С. Махаев одновременно состоит с 1901 г. законоучителем основных классов Петровско-Серпуховского городского начального училища и торговых классов Московского общества распространения коммерческого образования. Приводим любопытный документ из Центрального исторического архива г. Москвы о ходатайстве к награждению Сергия Махаева:

*«Торговые классы Московского общества
Распространения коммерческого
Образования Попечительского Совета
Мая 28 дня, 1909, № 94
Серпуховка, Стремяный пер.*

*Святейшего
Всероссийского Синода Члену
Высокопреосвященнейшему
Владимиру, Митрополиту
Московскому и Коломенскому
и Разных орденов Кавалеру.*

Ваше Высокопреосвященство
Всемилоостивейший Архипастырь!

Священник Московской Иверской, при Иверской общине сестер милосердия Российского общества Красного Креста церкви отец Сергий Махаев свыше семи лет состоит преподавателем Закона Божия в Торговых Классах Московского общества распространения коммерческого образования. Вступив на означенную должность в 1901 г. он на первых шагах своей деятельности выказал себя крайне способным и добросовестным законоучителем, уроки которого постоянно привлекали большое число слушателей и возбуждали их глубокий интерес и внимание к предмету, что в свою очередь содействовало наполнению аудитории. Таковая деятельность священника Махаева не осталась незамеченной и Вашим Высокопреосвященством, и он своевременно был награжден набедренником. В настоящее время, высоко ценя педагогическую деятельность священника Махаева, как в высшей степени ценного преподавателя Закона Божия, я беру на себя смелость усерднейше ходатайствовать перед Вашим Высокопреосвященством о награждении о. Сергия Махаева фиолетовой скуфьей, позволяя себе высказать уверенность, что ходатайство мое не останется безуспешным и остановит на себе милостивое внимание Вашего Высокопреосвященства.

Председатель Алексей Вишняков [42]».

В 1903 г. Сергей Махаев становится членом-сотрудником Императорского православного палестинского общества, которое было создано в 1882 г. по инициативе великого князя Сергея Александровича. В 1881 г. он посе-

тил Святую Землю вместе с великими князьями Павлом Александровичем и Константином Константиновичем. Цель Общества — поддержание православия в Святой Земле и защита его от латинской и протестанской миссионерской пропаганды, облегчения паломникам путешествия в Палестину, ознакомления русских с историей Востока. Фактически это была попытка воссоздания древнего единства православия. Был учрежден специальный знак Императорского православного палестинского общества с символической надписью: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь». (Исайя, 62, 1). Общество кроме 42-х членов-учредителей состояло из почетных членов, избираемых за особые заслуги в пользу Святой Земли или за ученые труды по палестиноведению. Действительные члены вносили ежегодно по 25 рублей, а члены-сотрудники по 10 руб. С 1885 г. были открыты епархиальные отделы, которые в 1897 г. действовали в 28 губерниях России.

После трагической гибели великого князя Сергея Православное палестинское общество возглавила Елизавета Федоровна. 7 Октября 1907 в день именин Сергея состоялось торжественное открытие Московского отдела общества. Литургию совершил митрополит московский и коломенский Владимир, затем состоялась панихида. Официальный журнал вселенской патриархии «Церковная истина» (№ 44, 1907) откликнулся на это событие в Константинополе в греческой печати.

Под руководством Елизаветы Федоровны Православное палестинское общество расширило свою научную и паломническую деятельность. В Италии в Бари приобретена земля для строительства храма. Все практические дела решались помощником председателя генералом М. П. Степановым (вспомним его уникальную книгу о об

истории села Ильинское), секретарем в. Н. Хитрово, которому Елизавета Федоровна полностью доверяла все дела.

За 15 лет общество издало 93 сборника научных трудов в 160 томах и выпусках, в нем состояло 3400 членов. Большая заслуга общества состоит в организации, обустройстве русских паломников, помощь православным на Дальнем Востоке, благотворительной и просветительской работе среди местного населения, создании школ, учительских семинарий в Палестине, Сирии, Ливане. Общество проводило работы по изучению исторических судеб и современного положения всего ближневосточного региона, по библейской филологии и археологии, были проведены научные экспедиции и раскопки. В России проводилась пропаганда знаний о Святой Земле. В начале XX века Палестинское общество имело на Святой земле 8 подворий, которые принимали в год до 10 000 паломников. Отец Сергей помогал в организации паломнической службы в России, он помнил стихи П. Вяземского о «светлом крае Палестины».

14 марта 1908 г. «за свышепятiletние усердные труды по должности члена Московской комиссии Императорского Православного Палестинского Общества Сергей Махаев награжден званием члена-сотрудника Общества с правом ношения установленного знака». В книге «Сообщения Императорского Православного Палестинского общества» за 1908—1915 гг. указан священник Сергей Махаев как «член-сотрудник пожизненный» [25]. Эта сторона деятельности С. Махаева остается пока недостаточно известной. Только в последние годы начали публиковать труды Православного палестинского обществ, так что надеюсь на новые открытия о многогранной деятельности С. Махаева. В наши дни возобновлена деятельность Императорского православного паломнического общества,

опубликовано много трудов и сборников о его научной деятельности.

За участие в деятельности Красного Креста отец Сергей был награжден серебряной медалью. Труды его как пастыря действительно оценены по достоинству. Занимаясь с сестрами общины, он старался духовно развивать их, готовить к предстоящему служению помощи страждущим, учил черпать силы в благодати Божией, а главное — беречь свое сердце в чистоте. С. Махаев совершал с сестрами паломнические поездки в Троице-Сергиеву лавру, вел с ними беседы о духовной жизни, о необходимости терпения, смирения, доброты в их душах, наставлял их на примере отечественных подвижниц благочестия. Отец Сергей стремился создать в общине Красного Креста атмосферу истинно христианского подвижничества, о чем свидетельствует отзыв на две его докладные записки, обнаруженный в бумагах епископа Трифона (Туркестанова). Отец Сергей предлагал в каждой общине иметь свой «священный стяг как символ важного воспитательного средства к приготовлению достойных служительниц любви Христовой», а также ввести «Чин молебного пения при возложении крестов сестрам милосердия». В пояснении отец Сергей говорит о необходимости для воспитания в сестрах понятия о святости их служения «признать возложение крестов чисто церковным торжеством, сопровождаемым говением сестер и причащением Святых Тайн». Учитывая светский дух, все более усиливающийся в общинах Красного Креста, нужно по достоинству оценить стремления молодого пастыря — так считает протоирей Геннадий (Егоров). Он же приводит интересные воспоминания А. В. Вырубовой, посещавшей вместе с матерью Иверский храм в 1911—1916 гг. «Воспоминания об отце Сергии относятся к числу самых

светлых в моей жизни. Он был прекрасный священник, даже мне, девочке, он импонировал. Первая моя исповедь была у него. Я его очень хорошо помню. Я помню лицо его. Благодостный такой он, серьезный был такой. На исповедь первую я боялась идти: как это так я скажу грехи свои, а он так спокойно, хорошо ко мне отнесся, так что я потом спокойная была и радостная после его исповеди, что это вовсе не так страшно, как мне казалось, о грехах говорить». Семья Вырубовых относилась к приходу церкви святых Иоакима и Анны, но отец был врачом в Иверской общине, и мать очень любила бывать в общинской церкви [9].

Священник Сергей Махаев издал красочный альбом «50 картин по Закону Божию Ветхого и Нового Завета», а также опубликовал в 1914 г. книги «Беседы пастыря с сестрами милосердия» и «Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия: Краткие биографические очерки» [20]. Автор в предисловии пишет: «Так как не ум и знания, а сердце и воля являются основами, дающими направление душевной жизни, то долгом законоучителя автор полагает повествование о жизни великих людей, осуществлявших в своей деятельности заветы Христа, мечту человечества о подвиге ради других». Эта книга в декабре 2000 г. была переиздана благодаря стараниям прихода Иверской иконы Божией матери на Б. Полянке и Православного Свято-Тихвинского гуманитарного университета. Позже вышло еще два издания.

В книге С. Махаева, озаглавленной при переиздании «Сестры милосердия», описаны будничные подвиги сестер милосердия в Крымской, Русско-турецкой, Русско-японской войнах, а также их работа среди прокаженных, каторжников, во время эпидемий, на рядовой работе. Автор находит проникновенные слова о русских

женщинах: «Будь по прежнему верна своей святой, солнечной миссии согреть и светить, и в этом найдешь и свое счастье, принесешь его и человечеству». В этой книге огромная эрудиция автора опирается на дневники сестер, севастопольские письма врача Н. И. Пирогова, рассказы о Восточной войне М. И. Богдановича, а также военных корреспондентов во многих периодических изданиях (Голос Москвы, Вестник Красного Креста, Мир Божий и др.), широко использованы стихи и проза И. Тургенева, Л. Андреева, Полонского. Проникновенно звучат заключительные слова: «Из жизни мира никогда нельзя вычеркнуть такое великое, яркое историческое явление, как самоотверженная любовь. Светит еще свет Господень в душах человеческих...». Эти очерки о подвиге русских женщин говорят, что «любовь есть на свете и что она есть чудо и радость мира, она берет на свои плечи чужую, тяжкую ношу. Она начертала на своей груди крест кровавый — символ самоотречения и готовности ради счастья других пострадать даже до крови».

В церковных службах отца Сергия Махаева торжественность и красота движений сочетались с внутренней сосредоточенностью, чувствовалась великая способность к состраданию, утешению, что составляло нравственное и духовное содержание его жизни.

В историческом журнале «Русский архив», основанном в 1864 г. русским историком и археографом П. И. Бартевым, в 1914 г. в номере 11 опубликована рецензия на книгу С. К. Махаева «Подвижницы милосердия». (Дашкевич Н. П. Статьи по новой русской литературе М., 1914). К сожалению, не удалось пока найти этот журнал.

В своих материалах о жизни отца Сергия клирик храма Иверской иконы Божией Матери Геннадий Егоров отмечает, что «об успехе воспитательной деятельности отца

Сергия свидетельствует образ иверских сестер, который донесли до нас ныне здравствующие старейшие сотрудницы больницы, работавшие с ними уже в советское время. «...они были не такие, как мы, какие-то особенные. Они никогда не оставляли больного, если он в чем-то нуждался. Даже если рабочий день давно закончился. Это для них не имело значения». Старых иверских сестер, доживавших свой век в общежитии больницы, называли «монахинями», что, конечно, тоже свидетельствует об их благочестии.

Племянница отца Сергия Наталья Александровна Махаева рассказывала мне, как с сестрой любили бывать у него дома на Б. Якиманке. «Часто ждали его на скамейке, пока службу закончит. Ведь отец Сергей очень любил детей, с удовольствием возился с нами и детьми своего брата Георгия. Но это случалось не часто, так как священник был очень занят, видимо общественной работой». И еще она помнит хорошо Евгению Александровну Чернову, дочь генерала, которая была в двадцатке церкви, Сергей Махаев много ей доверял.

К периоду служения в Иверском храме относится фотография Сергея Махаева, где видно сходство с отцом. Такое же одухотворенное лицо.

Надо отметить, что Сергей Махаев хорошо знал о деятельности сестер Иверской общины в предыдущие года [43]. В 1897 г. Российское общество Красного Креста отправило на Греко-турецкую войну два отряда из Петербурга и Москвы. Московский санитарный отряд был составлен Елизаветой Федоровной из медперсонала Иверской общины, всего 19 человек: 5 врачей, 10 сестер милосердия. Уполномоченным назначен адъютант великого князя Сергея Александровича в. Ф. Джунковский, который кроме официально полученных денег, получил еще 500 ру-

блей лично от Елизаветы Федоровны на непредвиденные расходы. 23 апреля в помещении Иверской общины был отслужен молебен, великая княгиня благословила каждого из отъезжающих образками Иверской иконы Божией Матери. В начале мая в Фарсале в районе крупного сражения три дня прибывало огромное количество раненых. Отряд работал круглосуточно, врачи проводили тяжелые операции. Они были так добры и внимательны к раненым, что пациенты очень привязались к медперсоналу. В мае из-за опасности эпидемии тифа пациентов эвакуировали в Лариссу, закрыли госпиталь. Но русский посол Нелидов просил остаться отряд в Константинополе. В Москву отряд вернулся 13 июля, к сожалению, от тифа скончался главный врач И. П. Ланг. Прямо на вокзале в Москве отряду была зачитана приветственная телеграмма великой княгини Елизаветы Федоровны. На следующий день она приняла прибывших в своем генерал-губернаторском доме, затем все отправились в Иверскую общину, где был отслужен молебен [9].

Особая духовная настроенность священника С. Махаева сказалась и в его отношении к дальнейшим событиям в России, в которых непосредственное участие принимали сестры милосердия Иверской общины. В связи с восстанием в Китае Иверской общиной в Забайкалье было решено отправить два отряда. 26 июля 1900 г. в здании общины протоирей Константин Зверев отслужил напутственный молебен, после которого великая княгиня попрощалась с каждым членом отряда, вручив им небольшие образки Иверской иконы Божией Матери. Отряд привез с собой полный комплект оборудования для лазарета на 50 коек, запас лекарств и перевязочных материалов на 8 месяцев. В августе отряд организовал лазарет в Благовещенске, в сентябре в Хабаровске. 25 мар-

та 1901 г. сотрудники отряда вернулись в Москву, где были тепло встречены великой княгиней непосредственно в общине.

Для участия в Русско-японской войне 12 февраля 1904 г. отправился первый отряд Иверской общины. Преосвященным Парфением, епископом Дмитровским в присутствии великого князя Сергея Александровича, великих княгинь Елизаветы Федоровны и Марии Павловны был отслужен напутственный молебен. Елизавета Федоровна вручила каждому члену отряда образок преподобного Серафима Саровского, а Мария Павловна — Евангелие. Для отряда была сооружена Пантелеймоновская церковь — палатка с иконой св. Пантелеймона. Первый отряд был отправлен на Ляодунский полуостров, где был организован госпиталь на 200 человек. В его состав вошли 6 врачей, 16 сестер милосердия, 29 санитаров. В марте госпиталя на 700 мест был в Харбине, куда поступало много раненых. В мае 1904 г. выехал второй отряд, состоящий из 20 сестер милосердия. До конца года Иверская община отправила во фронтовые лазареты и на санитарные поезда еще 79 сестер [9].

4 октября 1905 г. в Москву вернулся первый отряд. В домовом храме отец Сергей Махаев после краткого слова отслужил молебен в присутствии Елизаветы Федоровны. Отца Сергея отличала особая духовная настроенность, которая проявлялась по отношению к окружавшим его людям и событиям. Примером служат некоторые его речи, опубликованные в дореволюционных периодических изданиях.

Так, в 1905 отряд Иверской общины вернулся с Дальнего Востока и отец Сергей встретил прибывших в храме общины приветственной речью. Он, напоминая известные слова Спасителя, риторически спросил: «Что смот-

реть ходили вы в пустыню?» (Мф. 11, 7). Далее он сказал, что «война также является пустыней — пустыней духа, где попираются и отрицаются высшие стремления людей к единению в любви. Но как в пустыне являлись многие великие подвижники духа, так и в этой пустыне духа просияли многие подвижники, не только среди воинов, но и среди многих тружеников, отправившихся на поля военных действий для дел милосердия и любви. Как же плод этих дел для самих тружеников?

Вы видели воочию, как немногие, силу и власть греха, несущего ужасы войны и страданий людских. Что же, созерцание всего этого внушило ли вам сильнейшее отвращение к первопричине этих несчастий — греху? Вид постоянной смерти — последствия того же греха — научил ли вас быть мертвыми плоти и греху и живыми Богу? Вид ужасных страданий согрел ли сердце ваше жалостью и искренней любовью ко всякому меньшому брату, преисполнил ли вас чувством глубочайшей благодарности к Промыслителю за то, что эти страдания выпали не на вашу долю, внушило ли все это вам сознание, что Всемилостивый „не по беззакониям нашим“ воздаст нам? Видя лишения, испытываемые воинами, научились ли вы быть довольными тем малым, что дает вам Господь? Видя терпение и безропотное несение болезней и несчастий искалеченных, изуродованных братьев своих, научились ли вы от них христианскому терпению в несении добровольно возложенного на себя Креста Христова? Слыша и видя постоянную готовность и желание других умереть во имя долга, навывкли ли и вы быть готовыми всю жизнь отдать на дело любви и не только не получить никакой земной награды или похвалы за дело служения своего, а наоборот получить, может быть, оскорбление, гонение, болезнь или саму смерть? Если таковы результаты вашего

путешествия, то и дело милосердия приобрело в лице вашем великих, истинных служителей...

Приветствую вас с благополучным возвращением, молю Господа, да поможет Он вам уподобиться шедшим из пустыни Иорданской с проповеди Иоанна, возвращавшимся в духе покаяния и сокрушения о грехах, но и вместе и в радостном ожидании скорого спасения, с горячим желанием последовать за грядущим Спасителем и быть достойными Его, с чувством глубокой благодарностью к Богу. Аминь». Эти искренние слова пастыря звучат весьма современно и для нашего беспокойного времени. Он искренне верил в «Солнце Завета».

Россия традиционно выступала защитницей интересов православных народов на Балканах. В 1912 г. московская община сестер милосердия выслал 5 санитарных поездов для поддержки единоверных нам сербов. В г. Белград был отправлен госпиталь, сформированный Иверской общиной. 9 октября в церкви епископ серпуховский Анастасий отслужил правительственный молебен. Затем к сестрам обратился их духовник отец Сергей Махаев. Он вручил им хоругвь с изображением Красного Креста и Иверской иконы и пожелал, «чтобы эта святыня была для сестер духовной связью с общиной, напоминала бы им там, вдали от общины, об обетах служения Христу, о высоте и святости их служения». После молебна великая княгиня возложила сестрам запаса нагрудные красные кресты и вручила всем отъезжающим образки и Евангелие. Госпиталь был открыт в Белграде 18 октября в день рождения Елизаветы Федоровны, в связи с чем был отслужен молебен. Этот факт специально отмечен в отчете общины [9]. В состав отряда вошло 5 врачей, 16 сестер милосердия, 35 санитаров и 5 запасных сестер военного времени, которые для этой цели досрочно окончили кур-

сы. Сначала работали в местных больницах, затем отвели отдельное помещение. Инвентарь и оборудование были привезены из Москвы, что позволило за 4 дня развернуть работу госпиталя.

Началась Первая мировая война, на фронт снова отправляются санитарные поезда. 15 августа 1914 г. на Казанском вокзале император с супругой, дочерьми в сопровождении Елизаветы Федоровны провожали поезд Иверской общины. В экстренном порядке было отправлено 5 отрядов. На Юго-западном фронте работал этапный госпиталь имени великой княгини Елизаветы Федоровны, на Северном фронте два подвижных лазарета. В 1915 г. к ним добавился хирургический передовой отряд Иверской общины. В общей сложности на фронтах работали 83 сестры милосердия..Все эти сведения находятся в отчетах о деятельности Иверской общины.

В мае 1916 г. торжественно отмечалось двадцатипятилетие пребывания в Москве великой княгини Елисаветы Феодоровны, которая проявляла всегда особую заботу и попечение об Иверской общине. Отец Сергей, держа в руках икону святой великомученицы Ирины, в день памяти которой (5 мая) княгиня впервые прибыла в Москву, торжественно приветствовал ее: «Иверская община, благодарная за постоянное внимание к ней Вашего Высочества, просит принять в молитвенную память о ней это священное изображение святой великомученицы Ирины, память которой празднуется Святой Церковью 5 мая, в тот день, когда двадцать пять лет тому назад Вы вступили на землю московскую с тем, чтобы никогда уже не покидать ее.

Когда святая Ирина вознамерилась променять славу и царства земные на Царство Божие, в окно ее дворца влетел голубь с масличной веткою и, положив ее на стол, вылетел. За ним влетел орел с венком из разных цветов

и тоже оставил его на столе. В другое окно влетел ворон и оставил на столе небольшую змею.

Ваше Высочество! Мы видели в жизни Вашей кроткого чистого голубя с благодатной веткой мира и милосердия. Мы знаем, что не избежали Вы и жала змиина в скорбях и тяжелых испытаниях, приносимых нам врагом рода человеческого. Мы молим, чтобы в час воздаяния Господня по делам нашим сподобились Вы увидеть и царственного орла с венцом награды за подражание великомученице в оставлении славы мира ради славы небесной.

Самое имя святой — Ирина — значит „мир“. Да ниспошлет Вам Господь еще здесь на земле тот мир, который оставил Христос возлюбившим Его, мир спокойной совести, уверенной в святине совершаемого дела самоотверженной любви, творимого с радостью и с упованием жизни вечной. Аминь».

Слова эти о подражании святой великомученице Ирине оказались пророческими, через два года великая княгиня сподобилась мученического венца от Господа.

Помогали в Иверской общине и пострадавшим в октябрьских боях 1917 г. — и красногвардейцам, и белым, и случайным жертвам. В 1918 г. Иверскую общину закрыли в связи с переводом благотворительных учреждений в государственную систему социального обеспечения. Позднее закрыли и храм. Но очаг милосердия не потух. В зданиях разместились школы сестер милосердия и госпиталь Красной Армии. Через годы нить преемственности гуманных традиций протянулась к нынешним обитателям старых стен — Детской клинической больнице № 20, где создан НИИ неотложной детской хирургии и травматологии.

После революции 1917 г. священник С. Махаев продолжал служить в Иверском храме. Но поскольку община бы-

ла лишена средств к существованию, С. Махаев устроился служащим в юридический отдел Замоскворецкого Совдепа. Именно его подпись стоит на договоре общины верующих с Моссоветом о пользовании Иверским храмом и его имуществом, а также на подобных договорах других церквей Замоскворечья.

24 июня 1919 г. отец Сергей был назначен настоятелем храма во имя святых апостолов Петра и Павла на Большой Якиманке. По мнению Геннадия Егорова, священнослужителя Иверской церкви в настоящее время, перевод можно объяснить желанием епархиального начальства спасти храм Иверской общины путем замены видного, энергичного и активного настоятеля старым болезненным священником. В Московском муниципальном архиве я нашла «документ от 7 февраля 1919 г. Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов о соглашении Совета и Сотрудника Юридического отдела Замоскворецкого района С. К. Махаева принять здание церкви Петра и Павла: „а) Обязуемся беречь народное достояние. В богослужебном помещении обязуюсь не допускать политических собраний враждебного Советской власти направления; б) раздачи или продажи книг, брошюр, листов, направленных против Советской власти или ее представителей; в) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти, в виде чего мы обязуемся подчиняться всем распоряжениям Местного Совдепа относительно порядка использования колокольни.

Подпись: Приходской совет храма Петра и Павла» [44].

Церковь святых апостолов Петра и Павла, очень красивое здание, находилось примерно в середине Якиманки — все изукрашенное, в мелких, с ювелирной красотой и тщательностью сделанных декорациях. Этот храм

выстроили стрельцы «Иванова приказа Полтева» в 1649 г., позже был перестроен архитектором П. П. Бурениным, который пристроил большую трапезную и новую колокольню. Это было очень живописное здание в псевдорусском стиле. Церковь перестроили в советское время для торгового представительства. Ныне только внимательные глаза могут увидеть выступы бывших апсид церковного здания.

С. Махаев продолжал свою деятельность проповедника, проводя богословские беседы для взрослых в храме на Б. Якиманке и для юношества в храме святых апостолов в Голутвине. 26 марта 1920 г. митрополитом Крутицким Евсеием отец Сергей был возведен в сан протоиерея, а в феврале 1922 г. ему «за выдающиеся пастырские труды разрешено Московским епархиальным советом принять и носить золотой с украшениями наперсный крест, поднесенный прихожанами» [43].

В 1921 г. в России разразился страшный голод. В августе патриарх Тихон обратился к народам мира с просьбой помочь России. Однако Церковный комитет помощи голодающим был распущен советской властью, а собранные ценности конфискованы. Но голод достиг катастрофических размеров. 6 февраля 1922 г. власть опубликовала постановление Об изъятии церковных ценностей в принудительном порядке. Началась одна из самых трагичных страниц истории русской церкви. До сих пор историки не могут точно сказать, какова судьба изъятых ценностей. Политбюро того времени старалось использовать конфликтные ситуации для расправы с «реакционным духовенством».

В 1922 г. советская власть объявила об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим Поволжья. В секретном письме к членам Политбюро в марте

1922 г. в. Ленин писал: «Именно теперь, когда в голодных местах едят трупов и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь громадное большинство крестьянской массы будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь значительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету». И далее вождь с впечатляющей откровенностью дает конкретное указание к действию: «Тем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять».

В храме святых апостолов Петра и Павла изъятие церковных ценностей проходило 4 апреля 1922 г. по решению приходского совета о добровольной передаче. По заявлению настоятеля С. Махаева в пользовании храма были оставлены священные сосуды, кадило, крест и другие необходимые предметы для проведения богослужения.

В 1922 г. отец Сергей был арестован по подозрению в преподавании Закона Божия детям и содержался две недели в Доме предварительного заключения, но осужден не был. Об этом факте своей биографии С. Махаев упоминал в своей биографии, но пока данное следственное дело не обнаружено.

В начале 1920-х годов при активном содействии власти и ОГПУ в рядах русской православной церкви возникло новое, так называемое обновленческое движение, в 1917 г. в Петрограде, под руководством Александра Введенского, идеолога, вождя движения и хорошего оратора. Обновленцы ополчились на традиционные формы

обрядового благочестия, на канонический строй церковного управления. В среде епископов нашли себе опору в лице Антонина (Грановского). Обновленцы пользовались покровительством и поддержкой советской власти, они захватывали церкви, в том числе храм Христа Спасителя.

Отец Сергей в условиях этой обновленческой смуты в июне — начале октября 1922 г. был членом Московского епархиального управления, присутствовал на собрании духовенства Замоскворечья, его резолюции встречаются на различных прошениях.

19 июля 1922 г. протоирей С. Махаев выступал на собрании священнослужителей второго округа Звенигородского уезда, где было решено обратить внимание высшего церковного управления на необходимость сохранения неизменности догматов веры и основных канонов церкви, а также считать необходимым созыв Всероссийского церковного собора. Уездное духовенство поручило С. Махаеву ходатайствовать о выяснении правового положения духовенства в деревне. В этом документе говорилось о несправедливом разделе земли по отношению к священнослужителям, не желающим снимать сан, о несправедливом распределении налогов, о жестоком привлечении старцев к трудовым непосильным повинностям. Из этих документов видно, что отец Сергей руководствовался мотивами самыми чистыми и праведными, его цели расходились с целями и делами настоящих обновленцев. Все нужды им принимались близко к сердцу, тем более что его отец Константин Махаев, протоирей храма в селе Усово, также находился в трудном положении.

Очень скоро С. Махаев разобрался в истинной сути обновленцев и занял по отношению к ним непримиримую позицию.

В Московском муниципальном архиве удалось найти интересные документы о сути событий в церкви Петра и Павла [44]. Здесь указано, что под давлением обновленцев, в ноябре 1923 г. в церкви приняты положение Союза «Церкви Возрождения», устав с подчинением храма Центральному комитету Союза.

Но старая группа, руководимая бывшим настоятелем храма священником Махаевым стала принимать меры к его возвращению. Священник Махаев использовал все средства для возбуждения населения против новых владельцев храма. В самый день перед 4 февраля 1924 г. местный дьякон ораторствовал: «Не дадим вам служить, наступит 2 тысячи человек», а Махаев брякнул: «Лучше пусть храм идет под клуб, чем отдавать его Антонину». Он же, Махаев обратился с апелляцией против отобранного храма и пустил сведения, что он был у Красикова (это член коллегии Наркомюста, заведующий 5 отделением. Надо отметить, что С. Махаев работал в Наркомюсте Замоскворецкого района, был опытным юристом), который его обнадежил, что храм останется за прежней группой. Дворник рассказал, что священник Махаев внушал ему, чтобы он не оказывал никаких услуг и не убирал снег, т. к. храм скоро вернется к старым хозяевам.

Имеется акт приемки от 1 февраля 1924: «М. С. Новикова на основании мандата Наркомюста в присутствии верующих гр. Чистякова и Махаева произвела прием ценного имущества для передачи храма группе вновь утвержденной».

Следующий документ направлен 13 февраля в административный отдел Московского района т. Фортунатовой и гласит следующее:

«Вследствие заявления группы верующих, имевших право воспользоваться Петропавловским храмом из Яки-

манского 5 отдела НКЮ просит выяснить, какой группе передается храм, точное состояние и местожительство членов группы. Жалобщики указывают, что группы такой нет на месте, и что приход старой церкви был многочисленным».

В 1924 г. Махаев возглавлял православную общину храма святых Петра и Павла. С целью описи церковного имущества начальник административного отдела Замоскворечья направил инспекторов в. В. Фортунатову и А. А. Новикову. И вот что они написали в своем отчете, который опубликовал известный историк в. Ф. Козлов в книге «Москва православная»: «Список дежурств сестер в храме — это свидетельство о существовании белого женского монашества или подобной организации при этом храме, какая для административного отдела неизвестна и носит следы подпольного существования. Община состоит из 129 человек, из которых большинство мещане из придворных ведомств и лишь небольшая часть рабочих. Служитель культа Махаев является по непроверенным данным крестным отцом одного из детей Великих князей, имел царские ордена, отличия и подарки, но при этом постарался в анкете это скрывать» [14]. Только за эти обвинения могли арестовать. Но проверяющие не разобрались в сути дела. В церковной жизни Москвы тех лет получил большое распространение институт сестричества. Юные и взрослые женщины следили за порядком во время богослужения, ставили свечи, подводили детей и немощных к кресту, иконам.

В феврале 1924 г. обновленческая община «Союз церковного возрождения» захватила храм Петра и Павла и пыталась устроить там открытый алтарь. Существует еще один интересный документ, направленный в административный отдел управления Моссовета, в котором

указано: «Сергий Махаев действовал очень решительно. Он организовал охрану храма из членов старой общины. Возрожденцы оказались в храме, осажденными враждебной толпой, которая разжигалась возгласами „Наш храм ломают!“ и грозила взломать дверь и расправиться с выходящими возрожденцами. Около 4 часов дня Махаев явился в храм с милицией. Махаев привел милицию не для выручения возрожденцев, а для предъявления обвинения в самоуправстве и покушении на их храмовое достоинство. Милиция потребовала прекращения работ, приказала запереть храм, повела всех в комиссариат для составления протокола. Махаев явился совершенно незаконно в качестве истца и простер свою самоуверенность до того, что потребовал ключи от храма. К удивлению, представители милиции поддержали его требования, ссылаясь на якобы распоряжение ГПУ, которые якобы аннулировали договор с возражденцами и приказывают вернуть ключи старой группе. Махаев от удовольствия даже перекрестился». Это донесение было написано обновленческим «епископом» Антонином (Грановским) и заканчивалось словами: «Возрожденческая община просит Отдел управления принять меры к ликвидации махаевщины и содействия ей ко вступлению и пользованию храмом соответственно обряду Союза возрождения». С. Махаев подавал апелляцию заместителю наркома П. А. Красикову, но все усилия были тщетны. Кстати, епископ Антонин (Грановский) поручил своим последователям отдать храм Петра и Павла баптистам.

Тогда отец Сергей попросил перейти «временно до решения дела в Наркомюсте себя и прихожан, состоящих в каноническом общении со Святейшим Патриархом Тихоном к храму святого Марона чудотворца, что в Старых Панех». В этом храме в 1918 г. 27 февраля в день праздни-

ка Святого Марона служил литургию с молебном святейший патриарх Тихон.

В 1924 г. протоирей Сергей Махаев был арестован и содержался в заключении три месяца, вел себя достойно, ни в чем противоправном не признался. Недавно в архивах найдено это следственное дело, но суть пока не разглашается.

В эти трудные годы возможно Сергей Махаев вспоминал молитву, что написал великий князь Константин Константинович:

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитве дни и ночи,
Чтоб помиловал Господь.

В 1925 г. С. Махаев служил вторым священником в храме святого Марона чудотворца в Старых Панех. Единственная в Москве церковь в честь сирийского чудотворца IV—V веков не раз перестраивалась за триста лет своего существования. Но именно этот храм славился самыми чистозвонными колоколами. «Звон мароновских колоколов впервые привлек мое внимание в 2—3 года. Мароновские колокола меня поразили!» — писал гениальный звонарь Константин Сараджев, обладавший феноменальным слухом. У каждого из семи звуков гаммы он различал не один бемоль и один диез, а 120! С 14 лет он играл на колоколах, сочинял для них музыку. Слушать игру Сараджева приходили со всей Москвы. Во время службы он поднимался на колокольню Марона, чтобы исполнить божественные гимны, заполнявшие небо над Якиманкой малиновым звоном. Но Сталин запретил в 1930 г. цер-

ковный звон в столице. И в том же году Сараджев ездил в США по командировке. Мароновские колокола большевики продали, вместе с ними звонарь год прожил в Гарварде, где сотворил звонницу и обучал игре на колоколах. Судьба его печальна, он умер молодым. Вот в таком удивительном храме служил Сергей Махаев.

В муниципальном архиве г. Москвы я нашла сведения о событиях того времени, сохранившихся на стеклянных пластинах, трудно читаемых. Вот документ от 1928 г., адресованный в церковный отдел при администрации отдела Московского совета от совета церкви Марона, что в Старых Панех по Б. Якиманке. Здесь приводится список членов приходского совета этой церкви, в том числе анкетные данные С. Махаева, написанные его рукой: «Махаев Сергей Константинович — 51 год, проживает по ул. Б. Якиманка, 21, кв.17. Духовного звания. Служитель культа. Учитель-священник. Протоирей Греко-Российской Православной церкви. К суду привлекался. К заключению 17.03. 1922 г. на 2 недели и в 1924 г. — на 3 недели по подозрению в преподавании Закона Божия детям от 7 лет». И подпись С. Махаева, очень похожая на подпись моего дедушки Николая Константиновича, брата Сергея, с таким же характерным написанием и наклоном букв. К сожалению, данные об остальных членах приходского совета не успела переписать [45].

В 1925—1926 гг. ужесточились репрессии против духовенства, многих отправили в тюрьмы, ссылки. Был арестован даже патриарх русской православной церкви отец Тихон, а затем и его заместитель митрополит Сергей. В местах заключения находилось около 200 епископов, особенно на Соловках.

Хочу привести любопытный документ, который выражает дух того времени и не требует особых комментариев:

*Комиссия по разгрузке г. Москвы
При Совете Народных Комиссаров
Март 1926 г.*

*В административный отдел
Моссвета
Площадь революции, дом № 1.*

Просит выдать официальную справку по вопросу возможного использования церкви не под нужды религиозных культов.

Секретарь комиссии Шмидт.

Наглядным подтверждением актуальности данного вопроса служат архивные документы административного отдела при Моссвете, подписанные председателем приходского совета церкви преподобного Марона Сергием Махаевым от 1 ноября 1927 г. и от 15 ноября 1928 г. Церковь была закрыта в 1929 г., о чем свидетельствует любопытный документ из архива:

*В ВЦИК, в Административный отдел, в Замоскворецкий
Район Совет на № 101/789 от 1/XII в Московский Технолог.
Жировой пром.*

*Выписка Московского обл. Исполнительного Комитета
Из протокола Президиума Моск. Совета РК
№ 35 от 28 декабря 1929 г.*

СЛУШАЛИ:

О закрытии церкви Марона на Мароновском переулке Москвы.

ПОСТАНОВИЛИ:

Вследствие острой необходимости у Техникума Жировой Промышленности в помещении для проведения культурно-просветительских работ среди его служащих и при-

нимая во внимание пригодность для этой цели здания церкви Марона, группа верующих коей немногочисленна и поблизости которой в расстоянии 1 км расположены другие действующие храмы, руководствуясь Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8.1У.1929 г. „О религиозных объединениях“ названную церковь закрыть и здание передать техникуму. Здание церкви большое, светлое, имеет отопление. Техникуму передать под библиотеку.

1929—1931 годы — это время великого перелома в нашей стране или, по меткому выражению одного из писателей, время «перелома хребта русского народа». Тогда же надругательство совершалось и над душой народа. В феврале 1929 г. вышло постановление ЦКВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», а позже «О религиозных объединениях». Религиозным общинам дозволялось «отправление культов» только в стенах молитвенных домов, а просветительская и благотворительная деятельность категорически запрещалась. Церковная жизнь в те годы носила жертвенный характер. Само участие в богослужении было сопряжено с ежедневной опасностью ареста. Верующие рисковали своим служебным положением, поэтому службы проводились рано утром и поздно вечером. Обычно держались своего прихода, где всех знали. Скоро началось массовое закрытие церквей, так в Москве от 500 храмов в 1917 г. осталось 87 приходов в 1932 г. Закрытые храмы приспособлялись под склады, производственные цеха, клубы, квартиры. Так случилось с храмами, где служил С. Махаев, это и Иверской иконы Божией матери, и святого Марона чудотворца. Священники закрытых храмов, пока они оставались на свободе, часто совершали богослужения по домам православных. Возможно, так поступал и С. Махаев.

Недавно в статье А. Н. Поспеловой «Русь уходящая» (православное издание «Календарь», № 10, 2008 г.), посвященной истории трех родов священников, обнаружила сведения, что С. Махаев в 1930—1933 гг. числился священником за штатом в храме Григория Неокесарийского на Б. Полянке. Автор вспоминает, что ее дед А. Д. Крылов служил в Якиманской церкви 48 лет, умер в 1933 г. В храме Георгия Неокесарийского служили панихиду архиепископ Дмитровский Питирим (Крылов), а литургию и отпевание 18 священников, среди них упомянут Сергей Махаев, приведена его фотография.

Пока нет достоверных данных о его жизни с 1932 по 1937 г. По рассказам родственников, после квартиры на Б. Якиманке Махаев поселился в небольшом доме в районе Останкино, по некоторым данным на ул. Староалексеевской. Возможно, служил в храме Троицкой Божией Матери. Во всяком случае, в 1931 г. именно туда ездила племянница С. Махаева Серафима Ивановна, чтобы покрестить свою дочку Татьяну.

Трудно представить жизнь отца Сергея в это время. Скончалась жена, с родственниками почти не общался. Полное одиночество, но спасала только вера, праведность заповедей Господних, внутренний настрой души сильного человека, его религиозно- нравственная мотивация.

Только из следственного дела С. Махаева стало известно, что в 1937 г. он был назначен настоятелем Богоявленского собора г. Ногинска, который находится в центре города, имеет три престола — Богоявления Господня, Покрова Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца. Колокольня имела 4 яруса, до революции верхний ярус украшали часы. Богоявленский собор славился своим колоколом в 1250 пудов 950 тонн, отлитым на пожертвования жителей, был установлен 30 сентября 1890 г. Здесь

в соборе в 1891 г. молились великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета Федоровна. С 1895 г. настоятелем был выдающийся церковный деятель Константин Алексеевич Голубев, жестоко замученный большевиками в 1918 г. Мученическая смерть пришлось на долю его преемника священника Н. А. Сперанского (1869—1937), а затем и Сергея Константиновича Махаева в 1937 г. Все они были казнены. В 1938 г. собор был закрыт, колокол и часы уничтожены. В 2000 г. на Архиереском соборе состоялось их прославление для общерусского почитания.

Священнослужитель храма иконы Иверской Божией Матери на Б. Полянке Геннадий Егоров, ознакомившись со следственным делом С. Махаева, побывал в Ногинске и встретился с некоторыми прихожанами, в частности, с Анастасией Ивановной Кулевой, которую отец Сергей духовно окормлял, на имя А. Кулевой поступали письма от ссыльных священнослужителей и членов их семей, которым и помогал отец Сергей. Г. Егоров нашел дом, где снимал квартиру Сергей Махаев, его запомнили жители, которых он поразил своим терпением, мужеством, состраданием. Особенно вспоминали трагическое выражение глаз. В августе 1937 г. были арестованы все члены церковного совета Богоявленского собора. Чтобы избежать закрытия храма, С. Махаев организовал создание новой десятки. В обстановке массовых арестов того времени некоторые члены новой двадцатки заявили о своем выходе из нее. Впоследствии именно это дало повод обвинять отца Сергея в том, что при организации новой десятки он оказывал влияние на верующих и даже ввел в церковный совет «антисоветски настроенных лиц».

22 ноября 1937 г. отец Сергей был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации и заключен в тюрьму города Ногинска.

В следственном деле хранится фотография священника. Это уже постаревший человек, со следами страдания на лице, уже изрядно поседевшие волосы, усы и бородка. В тот же день он был допрошен помощником уполномоченного Ногинского районного отдела УНКВД Барковым. На все вопросы следователя о проведении активной контрреволюционной деятельности, о привлечении обманым путем верующих в церковную десятку, о написании листовок контрреволюционного характера и их распространении, о клевете на сталинскую конституцию, о призыве верующих к борьбе против советской власти, о террористических намерениях против коммунизма С. Махаев отвечал отрицательно и не признал себя виновным в предъявленном ему обвинении.

22 ноября 1937 г. начальник Ногинского районного отделения УНКВД лейтенант госбезопасности Васильев в обвинительном заключении по следственному делу священника Сергея Константиновича Махаева написал, что последний, «будучи враждебно настроен против советской власти и являясь одним из активных участников вскрытой контртеррористической группы бывших торговцев и церковников, активно проводил контрреволюционную агитацию среди верующих Ногинского района, призывая к организованной борьбе против советской власти, и высказывал террористические намерения. Помимо этого, писал и распространял среди верующих листовки контрреволюционного характера, рекламируя их как Священное Писание» и постановил направить следственное дело на рассмотрение тройки при УНКВД СССР по Московской области.

25 ноября 1937 г. тройка при УНКВД СССР по Московской области на своем заседании постановила: «Махаева Сергея Константиновича расстрелять» [46].

2 декабря С. К. Махаев был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Так сын простого сельского священника сквозь всю свою жизнь пронес «крест кровавый — символ самоотречения и готовности ради счастья других пострадать даже до крови», как написал он пророчески в своей книге. В его следственном деле поражают последние фотографии, на которых измученный человек, но не сломленный, о чем можно судить по глазам.

По данным Правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в 1937 г. было арестовано 136 900 православных священников и церковнослужителей, из них расстреляно 28 300 человек. Невольно вспоминаются строки А. Апухтина: «Сияет на кресте голгофский искупитель».

В Бутове в ноябре 1937г. расстреляли и его брата Александра. Но дочери Александра Махаева после 1956 г. часто ходили на Кузнецкий мост, чтобы узнать о судьбе своего отца. Сначала сообщили, что якобы он был выслан на 10 лет, затем сказали, что он в Казахстане. Потом прислали официальное письмо о смерти Александра Махаева в 1938 г. А вот о судьбе Сергея Махаева некому было беспокоиться, запросов некому было подавать. Родственники только знали, что Сергей погиб. В начале 1990-х годов были открыты секретные архивы КГБ, в частности для сотрудников Православного Свято-Тихоновского института. Так началось возвращение из небытия многих тысяч священников. Церковные служители просмотрели массу следственных дел, работали в архивах Москвы, Ленинграда и многих городов.

На Юбилейном Архиерейском соборе русской православной церкви были канонизированы новомученики и исповедники российские:

«Русская Православная церковь приносит Христу плод своих голгофских страданий — великий сонм святых мучеников и исповедников Российских XX века и определяет:

1. Прославить для общецерковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Российских XX века, поименно известных и в том числе от Московской епархии — протоирея Сергея Махаева (1874—1937гг).

2. Общецерковное празднование памяти Собора... определить 25 января (7 февраля), а также память праздновать и в день кончины или иной день, связанный с жизнью святого.

3. Писать новопрославленным святым иконы для поклонения.

(В 2000 г. группа иконописцев написала икону новых святых мучеников и исповедников, которая находится в храме Христа Спасителя. Такая икона теперь есть у меня дома.

Священник Иверской церкви на Большой Полянке Геннадий (Егоров) рассказал мне, что специалисты Свято-Тихоновского института написали икону для Сергея Махаева. Ее использовали при написании новой иконы мучеников и исповедников.

Стилистика ее максимально приближена к памятникам начала XVI в., эпохи становления Московского царства. Икона святых мучеников показывает подвиги святых и их прославленное предстояние пред Господом в Царствии небесном. В средней части иконы сонм новопрославленных святых угодников Божиих представлен на фоне храма Христа Спасителя, который символизирует страдания Русской православной церкви во времена лихолетья, ее возрождение в наши дни. В соответствии

с древней традицией множественность неведомых подвижников обозначена нимбами.

В новом храме Нерукотворного Образа Христа Спасителя в Усово находится икона новомученика Сергия Махаева, которая показывает нам прославленное состояние святого, его преображенный вечный лик.)

4. *Напечатать жития для назидания в благочестии чад церковных».*

Житие Сергия Махаева подготовлено протоиреем Г. Егоровым, клириком храма Иверской иконы Богородицы. Ознакомиться с ним можно на сайте храма Нерукотворного Образа Спасителя в Усово. В сборнике «Отблеск Нетварного Света» впервые опубликована статья священника Геннадия (Егорова) о первом настоятеле Иверского храма Сергии Махаева. Автор считает, что сама по себе жизнь святого не будет так важна, если не станет частью нашей души, продолжением нашего духовного опыта [9].

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий отмечает, что «почитание новомучеников и исповедников российских стало яркой чертой возрождающейся церковной жизни. Память о новомучениках должна бережно храниться в тех местах, где протекала его жизнь, где совершен им подвиг ради Христа».

В новом храме Спаса Нерукотворного в селе Усово устроен придел во имя священномученика Сергия Махаева, сына последнего настоятеля храма до его закрытия протоиерея К. Г. Махаева. Впервые 2 декабря 2010 г. была отслужена праздничная Божественная литургия, на которой я присутствовала.

На Бутовском полигоне построена церковь новомучеников и исповедников российских. На этой русской Голгофе похоронено более 20 000 человек. В 1990-е годы историк К. Ф. Любимова составила картотеку расстрелян-

ных и захороненных в Бутово, где в 1934 г. на сельскохозяйственных землях появилась ограда из колючей проволоки. Сейчас известно, что бывшая спецзона НКВД стала крупнейшим захоронением жертв политических репрессий. Пик расстрелов пришелся на 1937—1938 гг. При помощи аэрофотосъемки восстановили топографию рвов, которые представляли собой огромные 60—70-и метровые траншеи шириной 4—5 м. Это сплошная братская могила, где появился символ святого места — высокий легкий крест работы иерея Д. М. Шаховского, сына убиенного иерея Михаила Шика. В 1996 г. построили небольшую деревянную церковь. 15 мая 2000 г. патриарх Алексий I заложил соборный храм, 28 мая 2005 г. он освятил крест, который установлен на главном куполе храма. 19 мая 2007 г. состоялось освящение храма. Теперь ежегодно в четвертую субботу мая в храме происходит поминовение новомучеников, всех погибших на Бутовском полигоне.

Николай Константинович Махаев

Две войны, мое поколение
Освещали твой страшный путь.

Анна Ахматова

Николай Константинович Махаев родился 25 мая 1883 г. в селе Усово Звенигородского уезда Московской губернии. Он прожил долгую и трудную жизнь, в которой отразились все бурные события XX века: революционные волнения 1905 г., Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война, страх и ужасы 1930-х годов, Вторая мировая война и кошмар немецкой оккупации, послевоенные неурядицы и постоянная борьба за выживание.

«Много горя выпало на долю всей нашей семьи. Наша сложная жизнь несет и неприятности, но это неизбежно. Итак, не будем испытывать Судьбу и примем настоящее как относительно светлую страницу нашей жизни» — так писал 80-летний Н. Махаев своей племяннице. И в этом суть его характера.

Николай Махаев закончил в селе Усово церковно-приходскую школу, затем Донское духовное училище в Москве. В августе 1897 г. он поступил в Московскую духовную семинарию, по окончании полного курса обучения «Н. Махаев был причислен педагогическим собранием семинарского правления с утверждением Его Высокопреосвященства к первому разряду воспитанников оной и удостоен звания Студента семинарии со всеми преимуществами, присвоенными сему званию Устава духовных академий» [8].

В семейном архиве хранятся две фотографии Николая Махаева того времени. На одной — студент в форменном костюме: черный китель с широкими лацканами, белая рубашка с воротником стойкой и бабочкой. Снимок сделан в фотографии Эйхенвальда (К. Г. Гилькман), что существовала с 1858 г. на Петровке, угол Рахмановского переулка, дом Ленского. На другой фотографии мы видим тоже студента в форменной одежде, но пиджак с закрытым воротом, из-под которого виден белый стоячий воротник. Аккуратно и коротко стрижен. На лице выделяются большие черные брови, черные глаза. На обратной стороне надпись: «Любезной кухне от Коли М. Смысл жизни не в счастье и довольствовании собой. НЕ будет удовлетворен человек — он выше этого (А. М. Пешков, Горький)». Кухина — это Сима, дочь сестры Николая Антонины.

В 1904 г. молодой выпускник семинарии подает документы в Московскую духовную академию, так как имеет серьезные намерения заняться научной богословской и проповеднической деятельностью. Интересно, что среди прочих документов требовалось и одобрительное свидетельство: «Удостоверение сие дано студенту Н. Махаеву в том, что он во время проживания своего в доме родителя священника с. Усово Константина Махаева вел себя от-

лично, что и свидетельствую. Благодичинный Покровской села Акулова церкви священник Василий Орлов». Поступление в академию давало право на получение «классного чина» — чиновника XIV класса. Это приравнивало академию к благородным пансионатам как дворян. Принимали 50 человек. Часто поступали люди, хотевшие получить только высшее образование.

Лекции в Московской духовной академии читали известные специалисты в своей области науки, в частности видные профессора: в. Н. Мышцын (Святое Писание), А. И. Покровский (Библейская история), А. Д. Беляев (Богословие), А. П. Орлов (история западных исповеданий), А. А. Спасский (история русской церкви), А. П. Голубцов (литургика и церковная археология), И. М. Громогласов (история старообрядчества), П. В. Тихомиров (история философии), П. П. Соколов (психиатрия), М. М. Тареев (нравственное богословие), Н. Ф. Каптерев (общая гражданская история), в. О. Ключевский (русская гражданская история). Особенно студента Махаева привлекали лекции А. П. Голубцова по церковной археологии, где живой вставала старина, все облекалось в плоть и кровь. Любопытно, что лекции эти сопровождалась показом световых картинок. Запомнились ему и лекции известного ученого, создателя «Русской истории» в. О. Ключевского, о чем на склоне лет рассказывал своей внучке [47].

Сохранилась одна фотография студента 1907 г. Снимок сделан в фотографии А. Платонова, г. Сергиев Посад, Ново-Лаврская гостиница. Одет в форменный двубортный с двумя рядами больших пуговиц китель академии, на нем сапоги и большая меховая шапка. Снят на фоне беседки с колоннами и круглого столика.

Интересно, что на этом курсе (63-м по счету, 1904—1908 гг.) Московской духовной академии учился и Павел

Флоренский, выдающийся философ, ученый, богослов. Это был один из самых «боевых» курсов, о чем пишет в своей монографии об академии С. А. Голубцов. Тогда, в начале XX века, студенты активно участвовали в общественной жизни страны.

После расстрела в 1905 г. мирной рабочей демонстрации с иконами под руководством священника Георгия Гапона революционная борьба охватила промышленные центры России. В духовных академиях она вызвала движение за большую самостоятельность от Синода, а у студентов — за наведение порядков в библиотеках академий со стороны ректора, за упорядочение числа сочинений. Забастовочное движение в стенах Московской духовной академии возникло в знак солидарности со студентами Петербургской и Казанской академий. Осенью 1905 г. студенты требовали немедленно распространить временные правила от 27.08.1905 г. об университетской автономии и на духовные академии. Совет академии поддержал студентов, но скоро был получен отрицательный ответ от Синода с ультиматумом закрытия академии.

Весной 1906 г. студенты МДА опубликовали в газете «Путь» открытое обращение к архипастырям русской церкви, обвинявшего их в уклонении от правды Христовой в реальной общественной жизни: «Пастыри молчат, паства молчит и слышится на Руси только свист пуль, да стоны...стоны без конца» — под этим обращением 120 студентов стояла и подпись Н. Махаева. Статье в газете предшествовало «Слово в неделю Крестопоклонную — Вопль крови», сказанное студентом П. Флоренским в академическом храме 12 марта 1906 г. по случаю панихиды по лейтенанту Шмидту: «Стоны замученных и убиваемых... заглушают все наши молитвы. И мы молчим, все молчим, все умываем руки». Этот призыв и вдохновил студентов

на деятельное выступление. Были арестованы студенты П. Флоренский и М. Пивоваров, но их удалось освободить и тем удержать студентов от коллективного протеста, что могло повлечь за собой закрытие академии.

В конце 1906 г. студенты подали ректору петицию о возвращении к занятиям знаменитого историка в. О. Ключевского, ученого либеральных взглядов и кумира молодежи. На сходке студенты приняли резолюцию, в которой отмечалось, что уход в. Ключевского составляет большую научную потерю.

Одним из направлений упорной борьбы студентов было сокращение числа сочинений с самостоятельным выбором ими предмета. В ноябре 1906 г. студенты (лидер Павел Севастьянов) подали заявление о создании единой студенческой организации со своим уставом, но несмотря на поддержку Совета академии, в этой просьбе им было отказано Синодом. П. Севастьянова лишили стипендии.

Н. Махаев принимал самое активное участие в студенческих выступлениях. 15 марта 1908 г. от 11,5 часов до 1,5 часу ночи местная полиция по предписанию губернского жандармского начальства производила в присутствии академической инспекции обыск у троих студентов (Махаева Николая — 4 курса, Севастьянова Павла — 3 курса и Беляева Михаила — 2 курса), но ничего предосудительного не обнаружила, забрав у них несколько писем. 1 апреля жандармский ротмистр допросил их. Характер инспекции неизвестен — так пишет С. А. Голубцов в книге «Московская Духовная Академия в эпоху революций» [6]. Но дедушка рассказывал, что допрос был жесткий, потребовали прекратить участие в выступлениях против администрации академии, не поддерживать Севастьянова. Позже появились сведения, что в 1909 г. П. Севастьянов покончил с собой.

В семейном архиве сохранился любопытный документ: «Настоящим удостоверяю, что окончивший в 1908 г. Московскую Духовную Академию Николай Махаев был в 1905—1907 гг. председателем студенческих организаций и за активную революционно-организаторскую работу был подвергнут обыску и аресту. Подпись: Председатель Красноярского сельскохозяйственного политехникума (в 1905—1908 гг. студент МДА) Борис Николаевич Стеблев от 5 декабря 1929 г.» И еще дедушка считал, что участие в студенческих волнениях повредило ему при распределении. Преподаватели надеялись, что его оставят при академии.

(Несомненно, на формирование личности Николая Махаева огромное влияние оказал Павел Александрович Флоренский, священник, философ. Его первые философские опыты появляются в символистских журналах «Новый путь» и «Весь». Свой капитальный труд — книгу «Столп и утверждение истины» он начал писать, будучи студентом Московской духовной академии, окончательный вариант появится в 1924 г. Истина для Флоренского — это выявление мира, а не умствование, которое способно лишь разрушить жизнь и затемнить смысл, поиск вечных истин, затем обретение Истины абсолютной и целостной во Христе и служение ему. Дедушка вспоминал, что с Флоренским было очень интересно размышлять на философские и богословские темы. После революции Флоренский вошел в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Одновременно Флоренский занимается физикой и математикой.

Особого внимания заслуживает сотрудничество П. Флоренского с великой княгиней Елизаветой Федоровной, святой мученицей, по окормлению госпиталей

в Москве. Об этом Николаю рассказывал старший брат Сергей, который служил священником. Но в 1933 г. П. Флоренского арестовали, сослали в Соловецкий лагерь, а в ноябре 1937 г. расстреляли. На вопрос о причине ареста чекист ответил его жене: «За то, что доказал, что Бог есть». Сейчас изданы многочисленные научные и богословские труды, о нем написаны воспоминания его детьми, внуками. Ведь в своем «Завещании» П. Флоренский призывал детей не забывать своего рода и своего прошлого, изучать и хранить память о дедах и прадедах: «Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме, и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями, так, чтобы ничего не было неодухотворенного» [30].

После революции большевики разрушали церкви и глумились над святынями. Флоренскому стало известно, что новая власть собирается вскрыть святыне мощи. Тогда в строжайшей тайне была проведена уникальная операция. В 1919 г. Флоренский вместе с графом Олсуфьевым подменил голову преподобного Сергия головой князя Трубецкого и надежно ее спрятал. Она так и осталась неоскверненной. В 1946 г. главу преподобного Сергия тайно вернули в Троицкий собор, который передали церкви. Эту чрезвычайно интересную, мистическую и удивительную историю о том, как и куда перевозили на хранение голову преподобного Сергия, мне рассказывал священник С. А. Голубцов, семья которого была причастна к этой тайне.)

И только в конце XX века открыли широким массам тайну, связанную с Троицким собором, который был воздвигнут в 1422 г. преподобным Никоном «в честь и похвалу» преподобному Сергию Радонежскому. Андрей Рублев написал здесь свой знаменитый храмовый образ Святой Тро-

ицы — одну из самых почитаемых на Руси чудотворных икон. В соборе в серебряной раке покоятся святыне мощи преподобного Сергия — главная святыня лавры.

Значительным ежегодным событием в жизни студентов и воспитателей был отмечавшийся ежегодно день рождения академии, приходившийся на 1 октября, в праздник Покрова Божией Матери:

Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.

(Ф. Тютчев)

Интересные воспоминания об этом празднике оставила Мария Голубцова — подруга моей бабушки в юности. После богослужения и праздничной трапезы в актовом зале произносилась актовая речь и раздавались награды отличившимся. Актовые речи произносились профессорами академии и были глубокими по содержанию научными трудами. Особенно Николаю Махаеву запомнились речи профессора М. Тареева «Чем жива душа (психология подвига)» и Н. В. Попова «Религиозный идеал Восточной церкви».

Мария Голубцова пишет: «вечером в клубе Академии были спектакли, играли студенты. Потом всегда были танцы под рояль. В узком коридоре ходят нетанцоры или уставшие от танцев. Если говорят, то о бессмертии, о Боге, о философских вопросах познания — ведь это молодежь духовной высшей школы, она любит эти темы и ими заражает своих барышень. Почти у каждого есть своя компания. Старшие студенты наперечет знают и гимназисток старших классов, танцуют как настоящие кавалеры».

Именно на таком вечере студент Н. Махаев познакомился с гимназисткой Елизаветой, дочерью священника

Сергея Никитича Пикунова, который служил во Всехсвятской церкви на Кокуевском кладбище. Надо сказать, что город Сергиев Посад основан более шести столетий назад из отдельных поселений, возникших вокруг Троицкого монастыря. Одним из таких поселений на северо-западе было Кокуево, вошедшее в старое ядро города. Священник С. Н. Пикунов, по воспоминаниям его сына Валентина, «верил в правоту своей работы — службы в церкви, сражался с обывателями, которые неверно писали поминальные записки. Во время службы, если кто разговаривал, делал замечания или просто выгонял. Вставал он ежедневно в 5 часов, сначала молился дома по требнику, потом в 6 часов вечера служил обедню. Когда был болен псаломщик, то заменяли мы, дети. Мне приходилось нередко так. После революции отец относился к полезности своей работы критически. Но заявлял, что уже стар, чтобы менять устои».

Отец священника Никита Пикунов был ломовым извозчиком, но сумел дать образование сыну. По семейному преданию, нрав у него был весьма крутой, прибыл он или его предки с севера из Архангельской губернии. Действительно, представители этой фамилии были высокого роста, голубоглазые, со светлыми волосами, румянцем на всю щеку.

Мать Елизаветы Сергеевны — Антонина Викторовна Воскресенская (1869—1925), которую выдали замуж в 15 лет в. Ее отец — Воскресенский Виктор Андреевич (1845 года рождения), священник (окончил Вифанскую семинарию) Крестовоздвиженской церкви в Коломне с 1868 г, а также был учителем церковного пения и регентом училищного хора в Коломенском духовном училище. Родина моей бабушки — город Коломна, где сохранился старинный Кремль, много церквей и старинных

зданий. В Историческом архиве Москвы нашла дело за 1894 г. о награждении в. А. Вознесенского бархатной фиолетовой камилавкой и формулярный список священника. Жена в. А. Воскресенского — Варвара Дмитриевна Миролубова, а ее брат Николай Миролубов служил в нотной библиотеке Большого театра, где часто бывала моя бабушка Елизавета Сергеевна, которая и привила мне с детства любовь к оперной музыке.

В семье Пикуновых было 12 детей, старшая — Елизавета. Сохранилась семейная фотография примерно того времени, когда Елизавета училась в городском училище. Все ее братья еще совсем юные. Переписку с ними мы возобновили в 60-е годы XX века.

Один из братьев Пикуновых Валентин, имя которому дано по желанию старшей сестры, писал: «Сколько нужно было одной еды, чтобы накормить такую ораву. Хорошо помню обеды у отца Сергия, где надо сидеть смиренно, добавки не просить, провинившиеся получали по лбу. Вот Лизу того времени, периода поездки в Деулино, где в карете я выронил икону, за что меня нещадно драли, что считал привычным, и помню — высокая, стройная, для нас „мелочи“ — сердитая».

Еще есть фотография юных студенток (к сожалению, только ксерокс не очень хорошего качества), которую мне любезно показал С. А. Голубцов. На ней подруги Елизавета Пикунова и Мария Голубцова сидят рядом. Священник С. А. Голубцов рассказал мне, что его дед Александр Петрович Голубцов, преподаватель Московской духовной академии (он был женат на дочери ректора Ольге) познакомился со священником С. Пикуновым при печальных обстоятельствах, когда хоронил малолетнего ребенка. Позже их дочери подружились. Елизавета Пикунова окончила в 1906 г. Сергиево-Посадскую женскую гимна-

зию и до 28 августа 1908 г. занимала должность преподавательницы Сергиево-Посадского женского училища.

Известно, что именно А. П. Голубцов дал блестящий отзыв на магистерскую работу Н. Махаева. Так случилось, что их внуки тоже встретились и помогали друг другу в поисках родословной.

После окончания академии Николай Махаев и Елизавета Пикунова обвенчались в июле 1908 г. в старинной церкви известного села Деулино близ Сергиева Посада. Но при венчании невеста потеряла свадебное кольцо, что все сочли дурным знаком. На склоне лет бабушка рассказывала мне, что склонна этому поверить, ведь так много трагических событий было в ее жизни.

По окончании учебы Н. Махаев представил курсовую работу на тему «Литургическая деятельность Геннадия, архиепископа Новгородского», которая Советом академии была удостоена премии протоиерея А. М. Иванцова-Платонова. В рецензии профессора Академии А. П. Голубцова отмечено: «Студенту пришлось работать в неблагоприятных условиях. Он несколько раз был в Петербурге, много раз в Москве. Пересмотрев там и здесь в библиотеках, архивах множество рукописей, автор сумел прочитать и понять эти труды. Рецензент отметил дар незаурядного синтеза, живое изложение и правильный русский язык. Это сочинение по справедливости должно быть отнесено к разряду редких студенческих работ и представляет нечто совсем новое и весьма ценное в науке». Но оказалось, что и в настоящее время творения Новгородского Святителя, предназначенные для практического руководства при совершении богослужения, имеют большое значение. Архимандрит Макарий Веретенников отмечает: «история Устава архиепископа Новгородского Геннадия — это интересная страница

в истории русской литературной мысли». Он обращает внимание на тщательное исследование этого Устава выпускником МДА Николаем Махаевым [4]. Особенно интересными для меня были сведения о некоторых фактах творческой биографии Николая Махаева, приведенные Борисом Даниленко (директором Синодальной библиотеки Московского патриархата) в его книге «Окозрительный Устав в истории Богослужения Русской церкви» (Мюнхен, 1990. С. 138). Мне было интересно узнать, что Б. Даниленко получил в 1989 г. степень кандидата богословских наук за курсовое сочинение на ту же тему, что написал в 1908 г. Николай Махаев. Историк церкви С. А. Голубцов в 2003 г. любезно передал мне несколько рукописных страниц Николая Махаева. Они хранились в архиве историка Ивана Голубцова. Даже не верилось, что в руках у меня тетрадные листы, написанные знакомым почерком. Это дорогая реликвия.

Н. Махаев закончил Московскую духовную академию с хорошими результатами и был удостоен степени кандидата богословия и утвержден в ней 10 июня 1908 г. с предоставлением ему права на преподавание в семинарии и при искании степени магистра не держать нового уставного испытания: «Вследствие сего предоставляют Махаеву все права и преимущества законами Российской империи со степенью кандидата духовной Академии соединяемые. В удостоверение чего от Совета МДА выдан кандидату МАХАЕВУ сей диплом с приложением академической печати» [47]. Этот аттестат мне удалось найти в фондах Центрального исторического архива г. Москвы в 2000 г., спустя почти через сто лет со дня его выдачи.

Первым на курсе числился П. А. Флоренский, который после окончания МДА был избран на кафедру истории философии академии. Затем — П. В. Нечаев и С. И. Голо-

щاپов, оставленные профессорами-стипендиатами, затем М. И. Волосевич из Минска и следующий — Н. Махаев. За хорошие успехи в учебе он с разрешения Святого Синода командирован Советом академии на 1908—1909 гг. в Константинополь для занятий при Русском археологическом институте.

Следует сказать о судьбе С. И. Голощапова, который после окончания МДА преподавал философию, логику и психологию, защитил кандидатскую диссертацию, написал много статей на нравственно-религиозные темы. Сослан в 1929 г. на Соловки, затем продолжал служение в домовых храмах Москвы. В 1937 г. в декабре расстрелян на Бутовском полигоне. О жизни этого священика, исповедника российского написал видный историк церкви С. А. Голубцов.

В сентябре 1908 г. Н. Махаев с женой отправился в Константинополь. Именно в это время Османскую империю потряс внутренний кризис: революция младотурок (политическое реформатское движение) вынудило султана Абдул-Гамида объявить решение о принятии новой конституции и согласиться на избрание парламента. Однако в 1909 г. султан был низложен, его сменил Мухаммед, не имевший политического влияния. Решающую роль в успехе революции сыграл офицер и политик Энвер-паша и его соратник Мустафа Кемаль — будущий президент Кемаль Ататюрк.

Н. Махаев вспоминал, что перемена политического строя произошла довольно спокойно. В обществе царила уверенность, что решения турецкого правительства должны принести свободу. Вместе с тем усложнилось положение православной церкви.

А вот несколько выдержек из старых газет («Московские старости» — на сайте радио «Эхо Москвы»): 18 фев-

раля 1908 г.: «Турция готовится к войне с Россией. В Русской Думе поднимается этот вопрос». 30 октября 1908 г.: «Беспорядки в Константинополе. Много работ у полицейских, тревожная обстановка». 1 ноября: «Толпа призывает к убийству христиан. К счастью, полицейским удается разогнать толпу». 31 марта 1909 г. одна греческая газета писала: «Этот день должен быть отмечен не менее торжественно, чем день 11 июля 1908 г. Армия потребовала восстановить истинную конституцию и свободы». 8 апреля 1909 г.: «Свергнутый султан Гамид содержится в заточении. Никого к нему не пускают». 10 апреля 1909 г.: «Константинополь. Столкновение младотурок и либералов. Младотурок поддерживает Россия». 26 апреля 1909 г.: «г. Константинополь. Беспорядки в европейской части города. Возмутители спокойствия сбежали в азиатскую часть». 2 мая 1909 г.: «Турция. Беспорядки. Курды избивают армян, турок. Турки притесняют христиан в горящей Кирикии».

Известный русский писатель С. Елпатьевский в 1910 г. очень живо описывал события тех лет в статье «Константинопольская контрреволюция» (Сборник «За границей»). Особенно его поразил громадный митинг в мечети Ай-София по случаю празднования дня рождения пророка. Французские газеты писали: «В ближайшем будущем Турция делается излюбленным местом для путешествия русских, так как Турция очень доступна — сутки с небольшим от Севастополя». Так и случилось в начале XXI века.

Вот в такую сложную обстановку попал стипендиат русского института Махаев со своей молодой женой. Бабушка вспоминала, что многие новости узнавали из французских газет. Особенно Елизавета Сергеевна любила совершать прогулки по Галате — удивительной части между Перой и Стамбулом, населенной греками, потомками итальянцев, славян. Даже сохранилось несколько старин-

ных фотографий, особенно крепости Галата. Вспоминали мои родные и незабываемый мост через Босфор, морское побережье, куда часто заходили русские корабли «Николай II» и «Олег».

Русский археологический институт, созданный в 1896 г., должен был заниматься изучением христианских древностей на территории Османской империи, так преследовалась вполне определенная цель — здесь должна присутствовать русская культура. Ведь Византия — это «око веры Христа, но и предмет желаний многих политиков». Русские ученые открыли ряд христианских храмов, базилик на территории Турции, а также Болгарии.

Здание института находилось в частном доме на улице Сагиз-Агач недалеко от русского посольства и располагалось на двух этажах. Внизу была библиотека и музейные коллекции, фотографические и чертежные мастерские, читальный зал, одна зала для приема гостей. На втором этаже находились квартиры директора, ученого секретаря, комнаты для стипендиатов и прислуги. В Стамбуле был Оттоманский музей, где была сосредоточена вся археологическая работа в империи. Поэтому изыскания, связанные с историей Византии вызывали у властей сильное раздражение. Директор Русского института Ф. И. Успенский писал: «Россия выступает теперь с научными задачами в специальной области. На открытую историческую арену в первый раз появляясь со своим научным учреждением на таком бойком месте, которое находилось под зорким наблюдением наших политических конкурентов на Ближнем Востоке». Ученые пытались найти корни духовной жизни и разгадки судеб России, вглядываясь в прошлое Византии. Церковная история сотрудничала с научными организациями, часто в своих исследованиях опережая университетских коллег» [2].

Важной функцией института была педагогическая деятельность. Начиная с 1903 г. духовные академии начали посылать своих профессорских стипендиатов. Они занимались греческими литургическими рукописями, историей канонического права. В уникальной книге Е. Ю. Басаргиной «Русский археологический институт в Константинополе» найдены такие сведения: Стипендиатами РАИК были доцент Казанской духовной академии А. Ф. Преображенский (1907 г.), стипендиат МДА Н. К. Махаев (1908 г.), стипендиат Петербургской академии Степанов (1911 г.), стипендиат Киевской духовной академии А. Д. Дмитриев (1913 г.). Стипендиаты в основном изучали книги и рукописные собрания Востока, готовили работы на общеисторические темы» [2].

Русский институт внес свой вклад в подготовку ученых, работавших в области образования, археологии и музейного дела. За 20 лет было прикомандировано 18 отечественных и 4 иностранных исследователя. В частности, в 1908 г. были ученые из Парижа, Болгарии, о которых вспоминал Н. Махаев. Тогда и его жена, Елизавета Сергеевна, принимала участие в интересных беседах, так как хорошо знала французский язык.

Научным центром института был музей. Здесь находились древнегреческие, римские, византийские монеты, керамика и главное — рукописи греческие, славянские, латинские, восточные. Коллекция византийских рукописей была лучшей в мире, сейчас хранится в Эрмитаже. В Российскую национальную библиотеку передан текст Священного Писания VI века в уникальном пурпурном пергаменте, писан серебром и золотом.

Н. Махаев увлеченно работал в Русском археологическом институте, собирая материалы для своей магистерской работы. Он владел несколькими языками, читал сво-

бодно на латинском и греческом языках, отличался усердием и трудолюбием. В это время на страницах журнала «Церковная истина» много писали о просветительской деятельности Православного палестинского общества. И, как вспоминал Николай Константинович, ему было приятно читать эти материалы, зная, что в работе общества принимает участие и его старший брат Сергей. Еще запомнилось, как Н. Махаев рассказывал, что на страницах местных изданий активно обсуждалась идея соединения христианской и англиканской церкви. Доказывали, что на Востоке корень дерева общехристианской церкви, а в Риме лишь ее стволы. Многие считали, что надо бы поподробнее ознакомить наше духовенство с Востоком.

Ученым секретарем института в те годы был Ф. И. Шмит, специалист по византийскому искусству, он изучал бывшие центры Византийской империи. Его эрудиция, великолепная память помогали молодому стипендиату Махаеву ориентироваться в тонкостях изучении памятников христианства. В последние годы жизни дедушка вспоминал о нем с большой теплотой. Но он ничего не знал о дальнейшей судьбе этого яркого человека. Из книги Басаргиной я узнала, что уже в 1925 г. Ф. Шмит, сотрудник Государственного института материальной культуры (г. Ленинград) возобновил свои византийские занятия под новым углом, в плане изучения степени усвоения византийской культуры народами СССР и посвятил свою работу средневековому Крыму. В 1930—1933 гг. он руководил раскопками в пещерном городе Эски-Кермен. Была организована Советско-американская крымская экспедиция, так как в ее составе входил представитель Филадельфийского университета; полученная валюта пошла в доход государства. По договору часть находок переходила в США.

Интересно, что в эти же годы Севастопольский музей краеведения, в работе которого принимал участие Валерий Махаев (мой отец), часто посещал средневековые монастыри Крыма. К счастью, в 1932 г. в. Махаев уже поступил в университет. А судьба Ф. И. Шмита была трагична. В 1933 г. его арестовали, обвинив в преступной связи с немцами (он переписывался с немецким ученым), сослали в Казахстан, а в 1937 г. расстреляли. Ученый был реабилитирован в 50-е годы XX века.

Свое пребывание в Константинополе чета молодых Махаевых всегда вспоминала как удивительное время. Сохранились даже три открытки, посланные родным из-за границы.

В июне 1909 г. Н. Махаев, кандидат богословских наук, подавал прошение в Совет Московской духовной академии: «Принося глубокую благодарность Совету МДА, давшему мне командировку для занятий при Русском археологическом институте, позволяю себе обратиться с просьбой, не найдет ли возможности Совет МДА ходатайствовать пред Учебным Комитете при Святом Синоде о предоставлении мне в одной из семинарий (если возможно южных) кафедры по одному из тех предметов, в области которых были сосредоточены мои занятия последних двух лет, то есть литургики, церковной истории и греческому языку». Это прошение было связано с тем, что у его жены Елизаветы Сергеевны была плохая наследственность по туберкулезу. Хотя было вынесено положительное решение, но Учебный комитет Синода направил Н. Махаева в г. Витебск, где он получил место преподавателя русского языка в Витебской духовной семинарии, 100-летний юбилей которой отмечался в 1907 г. Интересно, что в 2000 г. в журнале «Церковные ведомости» за 1909 г. я нашла фамилию Махаев среди преподавателей

семинарии. Одновременно в сентябре 1909 г. распоряжением попечителя Виленского учебного округа Н. Махаев назначается преподавателем Алексеевской женской гимназии, а в октябре — Александровской мужской гимназии, где до 1918 г. молодой преподаватель ведет уроки русского языка, литературы, педагогики, психологии, философской пропедевтики. Жена Н. Махаева Елизавета Сергеевна вела домашнее хозяйство, растила сыновей (Юрия и Валерия), некоторое время работала учительницей русского языка в Витебской частной женской гимназии А. Варвариной. В 1914 г. Н. К. Махаев числится постоянным членом Епархиального училищного совета.

154

Витебск того времени — это губернский город, где большинство домов деревянные, изредка кирпичные, много православных церквей, два собора, три католических и один протестанский храм, несколько синагог и множество еврейских молитвенных домов. Здесь же железнодорожная станция, речная пристань, благодаря которым процветала торговля с границей. К этому надо добавить крупную льнопрядильную фабрику, наличие театра, семинарии, двух гимназий и большого числа учебных заведений разных ведомств.

Витебск широко раскинулся в долине реки Западная Двина. По ней ходили пароходы с колесами-лопастями с двух сторон, гнались длинные плоты. В Двину впадали две речки: Витьба и Лучеса. Особенно живописна Витьба с зелеными и местами обрывистыми берегами. Рядом с Суворовской улицей, где жили учителя Махаевы, на высоком берегу Двины выделялся сад с большим монументом — обелиском из красного полированного гранита в честь героев Отечественной войны 1812 г. На самой высокой части берега на Успенской горке стоял величественный белый собор. В центре Витебска находилась

площадь с самым большим собором. По городу ходили трамваи по Смоленской улице до большого красивого железнодорожного вокзала. На Смоленской были почта, телеграф, много магазинов, две фотографии, женская гимназия. Кинематограф «Рекорд» находился на Замковой улице, другой — «Кино-Арс», а ближе к Двине — «Иллюзион». Именно сюда ходили гимназисты, семинаристы. Влияние кинематографа на учащихся проанализировал педагог Махаев и свои выводы опубликовал в большой статье в двух номерах журнала «Русское слово» за 1910 г.

Яркие воспоминания о Витебске, который он называл «мой грустный и веселый город» оставил знаменитый художник Марк Шагал: «Родная земля уплывает из под ног. Успенская церковь вздымается на горе, купол стремится ввысь, Двина все дальше. Она (родина) парит на моих картинах, озаряет мой путь в искусстве». Детство и первые успехи в живописи Шагала принадлежат Витебску начала XX века. Здесь более 50% населения составляли евреи, именно поэтому с конца XVIII века Витебск стал одним из центров хасидизма — религиозно-мистического учения, которое говорило языком притч, понятных народу, придавая большое значение музыке, искусству. На этой благодатной почве возник талант Шагала с его радостным восприятием жизни, экспрессными образами, сплавом юмора и лиризма, со значительным влиянием религиозных традиций России. Благодаря Шагалу весь мир узнал о городе Витебск. Ведь в 1910 г. Шагал приехал в Париж и провозгласил: «Париж, ты мой второй Витебск». Об этом удивительном художнике мне много в детстве рассказывали дедушка с бабушкой, вспоминая свои первые впечатления от его картин.

155

Вспышка прошлого — старые фотографии, которые в детстве я любила рассматривать. Больше всего мне нра-

вилась молодая моя бабушка с юным одухотворенным лицом, с необычной пышной прической, стянутой лентой, в непривычном наряде, из которого больше всего привлекала тонкая красивая блузка под горло. Просила у бабушки сшить мне такую же. На обратной стороне долго рассматривала подписи необычным шрифтом: «Художественная фотография Я. Дижак, бывш. Брааца. Г. Витебск». Здесь же изображения золотой и большой серебряной медали.

На другом снимке молодой Николай Константинович с усами, выразительными живыми глазами в костюме, белой рубашке с галстуком и рядом его жена Елизавета Сергеевна с новой прической, в красивом платье с отложным воротничком, отделанным полосатой тканью. Между ними мальчик с пухлым округлым лицом, в белом костюмчике, в чулочках и ботиночках (возраст 2—3 года). На обратной стороне сообщается, что фото сделано в фотографии А. Гершевича (Замковая улица, собств. дом.) Этот снимок вызывал наибольший интерес. На мои вопросы о мальчике, не мой ли это папа, мне отвечали как-то уклончиво. Вот тогда и зародилось сомнение, все пыталась выяснить эту тайну. Значительно позже узнала, что этот мальчик — старший сын Махаевых. Значит, снимок сделан в 1912 г, так как младший сын родился в 1913 г. Фотографии раскрывались передо мной, понемногу втягивая меня в прошлое предков.

И только в 2000 г. в архиве у родственников я нашла фотографию мальчика в таком же белом костюмчике с подписью: «Юрка в 2, 5 года». На обратной стороне письма, написанное Елизаветой Сергеевной, следующего содержания: «Коля заметно поправляется. Доктор думает, что он пролечится не 6 недель, а 4, то есть выпишется в первых числах мая. Очень скучает. Думаю поехать к не-

му 24, если доктор продлит прием, а то всего от 2 до 4 часов. Мой отец собирался ехать к Коле, да я им написала, что опасности нет. Вчера по подписи на переводах узнала, что Юрка не совсем здоров, все папку спрашивает. Ваша Е. М. Пишите Коле». Эта открытка адресована в Москву Антонине Константиновне, сестре Николая.

Еще одна неизвестная мне ранее фотография Николая Константиновича с сыном Юрием в темном костюмчике, но постарше, года 4—5. На оборотной стороне знакомым почерком бабушки написано короткое сообщение Жене, племяннику: «Дорогой Женя! Поздравляю тебя с наступающим Новым годом. От души желаю всего наилучшего. Горячее спасибо за все твои письма и сообщения. По приезде из Усова сообщи о здоровье бабушки. По всему видно, что Москва еще не привыкла жить по-новому. У нас хотят общемирия. Кончают ранние уроки, а мы с самого начала обходимся без общемирия. Если нас не погонят, то мы продолжим находиться до июля. Твой К.»

В 2002 г. церковный историк С. А. Голубцов, который помогал в моих поисках родословной, подарил мне небольшую книгу Н. Махаева «Понятие о философии», изданную в 1913 г. в Витебске. На первой странице подпись таким знакомым почерком: «9 апреля 1914 г. Н Махаев». Эта небольшая книжка хранилась в семейном архиве известного историка И. А. Голубцова. В книге, предназначенной для учащихся, автор дает ясное общее представление о философии, о ее отношении к положительным наукам, к религии и религиозному мирозерцанию, о решении главнейших возражений против философии, способы ее научного изложения, понятие и главнейшие направления метафизики, ее гносеологическая, онтологическая, космологическая, этическая и религиозная стороны. Так передо мной открылась новая грань интересов

дедушки, который и в преклонном возрасте любил порассуждать о значении философии для науки, давал мне советы, когда готовилась к сдаче философии, занимаясь в аспирантуре.

В 1911—1914 гг. Н. Махаев часто бывал в Москве, где принимал участие в деятельности церковно-просветительского братства святого Петра Митрополита, которое издавало вероучительные книги, журналы с разъяснениями истин православия. Из статьи Б. Данилова я узнала, что Н. Махаев был заведующим Московской епархиальной библиотеки и составил Систематический каталог книг в 2-х томах и 4-х выпусках, экземпляр которого хранится в Российской государственной библиотеке (под номером Р 2488\2188) с автографом: «В библиотеку Румянцевского музея от составителя Н. Махаева».

Мирное течение жизни было нарушено Первой мировой войной, которая проходила совсем рядом. Жизнь превратилась в сплошное выживание. Октябрьский переворот 1917 г. в Витебске произошел довольно быстро, но последствия его были ужасными. Суть происходящего хорошо отражена в словах М. Шагала: «Ленин перевернул Россию вверх тормашками, как я все переворачиваю на своих картинах.... Почвой, в которой были корни моего искусства, был Витебск». Но город его детства был утерян, как утеряна вся Россия.

В 1918 г. Шагал получает у столичных властей мандат уполномоченного по делам искусств в Витебске и Витебской губернии, организует Народное художественное училище, куда в качестве учителей приглашает Добужинского, Пуни, Малевича. В это время он закончил картину «Над городом». Полет влюбленной пары — это такой образ, это полет энтузиазма самого художника. «В упоющем любовью состоянии Шагал встретил революцию

и как-то безумно с полным доверием к происходящему включился в ее работу. Этот отвлеченный, живущий в собственном мире человек вдруг оказался уполномоченным по делам искусств революционного правительства в Витебске. Мне нравится „Война дворцам“, где мужик в кровавого цвета рубашке швыряет в пропасть дворец с колоннами. Сознательно или нет одел Шагал этого революционера в рубашку палача?» — так эмоционально пишет о знаменитом художнике известный писатель Юрий Нагибин.

Ко дню Октябрьской годовщины общественные дома, заборы, фасады домов были расписаны разными фигурами и лозунгами. «Росписи на трамваях напоминали супрематические картины, изображающие различные геометрические фигуры. На заборах — обобщенные фигуры рабочих, размахивающих большим молотом, или фигуры художника с палитрой и кистями на фоне неба с фабричными трубами. Плакаты с символом просвещения — горящий факел на фоне раскрытой книги — были вывешены на многих домах». В подготовке к празднику революции принимал участие учитель Н. Махаев, назначенный общественным комиссаром. Помню, как бабушка, частенько вспоминая те времена, иронически говорила: «Да это было, когда дедушка комиссарил».

Война воплощается на полотнах Шагала в метафорических образах разносчика газет — вестника беды и бездомного странника — символа беженца XX века. Вот такими странниками стали и мои родные. В городе невозможно было прокормить семью, и поэтому Елизавета Махаева уезжает с детьми в деревню Любашевку, где работает библиотекарем. Н. Махаев отправляется на заработки в г. Херсон, где с сентября 1918 г. преподает русскую словесность в женской гимназии, позже преобразован-

ную в трудовую школу. С приходом белых в августе 1919 г. он вернулся к семье. О том в страшном времени Гражданской войны так написал Арсений Тарковский:

Вся Россия голодала,
Чуть жила на холоду,
Граммофоны, одеяла,
Стулья, шапки, что попало
На пшено и соль меняла
В девятнадцатом году.

Жизнь и в белорусской деревне становилась невыносимой, и семья Махаевых по предложению знакомых учителей решает отправиться в Крым, где только 23 ноября 1920 г. была установлена советская власть. В Севастополь Махаевы приехали в декабре 1920 г.

В то сложное время работа, жилье, пропитание — все — составляло огромную трудность. Но большинство служащих, интеллигенции занимались своим привычным делом, хотя кроме бытовых неурядиц существовали и другие проблемы. В 1921 г. с документа, подписанного Ф. Дзержинским, в Крыму начался красный террор, в результате которого погибло не менее 40 тысяч человек.

Н. Махаев поступил на службу в Севастопольский отдел народного образования в качестве секретаря дошкольного отдела, а позже заведующим отделом дошкольного воспитания и педагогической части детдомов и коммун. С ноября 1921 г. по совместительству стал преподавателем Военно-политических курсов политотдела Черноморского флота. Это было сложное и голодное время. Советская власть в Крыму, как и по всей стране, весной 1922 г. объявила об изъятии церковных ценностей, но ведь основная цель была — уничтожение лучших пред-

ставителей русской церкви. В Севастополе арестовали священников нескольких храмов. А в ноябре — декабре Верховный революционный трибунал судил крымское духовенство за якобы сокрытие ценностей, кражи и нелегальные собрания. Все это широко освещалось в газетах. В то время очень тревожно было в семье Махаевых, так как определенную опасность представляло наличие родственников — священнослужителей, что могли счесть за причастность к контрреволюционному заговору.

С ноября 1921 г. Н. Махаев по совместительству стал служить на Военно-политических курсах политотдела Черноморского флота, а с 1921 по 1924 г. он преподавал общеобразовательные предметы в Машинной школе Черноморского флота, откуда сохранилась такая характеристика: «К служебным обязанностям Махаев относился добросовестно, порученное ему дело выполнял энергично и аккуратно, проявлял инициативу по изысканию научных методов преподавания родного языка». В 1925 г. Махаев перешел на службу в Черноморский отдел просвещения. Высокая квалификация преподавателя, эрудиция, широта взглядов, спокойный уравновешенный характер, хорошие организаторские способности позволили ему руководить самообразовательной работой учителей города, быть долгие годы членом Севастопольского городского Совета народного образования. Н. Махаев был знающим, добрым и по делу строгим, очень ответственным человеком.

В 1930-е годы в Крыму проводилась технологическая реконструкция на Севастопольском морском заводе, для этого требовались квалифицированные кадры. При заводе были организованы курсы по подготовке в ВУЗы, где Николай Махаев преподавал русский язык и литературу.

Его жена Е. С. Махаева с сентября 1921 г. до мая 1931 г. служила учительницей начальных классов, также проводи-

ла занятия по русскому языку и обществоведению в обществе «Долой неграмотность» при культштабе Южной стороны Севастополя, являясь ударницей по ликбезу. В 1924 г. на библиотечных курсах Политуправления Черноморского флота и Политпросвета получила квалификацию библиотекаря. В семейном архиве сохранился любопытный документ той эпохи — грамота, которую получила Е. Махаева в 1925 г. после занятий на курсах по педагогической переподготовке при Севастопольском отделе народного образования за ударную работу на фронте культурной революции: «Итак, тов. МАХАЕВА Е. С. еще смелей, еще тверже на штурм борьбы с темнотой, невежеством и незнанием. Вперед, к новым победам за культурную революцию, социализм и красный советский мировой Октябрь!»

В 1930 г. семья Махаевых переезжает в г. Керчь из-за трагической судьбы старшего сына Юрия, о котором даже в последние годы своей жизни родители не рассказывали. Так его жизнь и осталась семейной тайной. Младший сын Валерий при аресте 1935 г. также не мог указать место пребывания старшего брата. Николай Константинович стал преподавать русскую словесность, был организатором и завучем фабрично-заводских курсов при Горно-металлургическом техникуме Керченского металлургического завода имени Войкова. На этом крупнейшем предприятии Крыма он работал на разных должностях до 1937 г., неоднократно был премирован за хорошую работу. В 1933 г. его отметили поездкой в Москву, где он смог повидаться с родными, посетить могилы родителей в селе Усово. Особенно его беспокоила судьба старшего брата, который недавно потерял жену, был очень одинок.

Николай Махаев, обладая высокой квалификацией учителя русской словесности, способностями к просветительской деятельности, имел большой авторитет среди преподавателей

давателей города. По совместительству он вел занятия на курсах по подготовке в ВУЗ при отделе кадров Горкома ВКПб, а также руководящего персонала металлургического завода.

Это было время страха, как вспоминала бабушка. Страх, что тебя или близких арестуют, страх доноса.

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках.

(Анна Ахматова)

Люди боялись громко обсуждать бытовые проблемы, даже в своей квартире надо было быть начеку. И не болтать лишнего. Тем более из Москвы в 1937 г. Н. Махаев получил сведения об аресте братьев Александра и Сергея. Но он и не подозревал, что всевидящее око ЧК знает о его местонахождении. Это стало известно из следственного дела братьев Махаевых — Сергея и Александра. Видимо, случайно Н. Махаев в 1937 г. перешел преподавать русский язык в Керченский рабочий факультет МосрыбВТУЗа, где и работал до его ликвидации в 1941 г.

Е. С. Махаева работала учительницей русского языка в Горно-металлургическом техникуме при заводе им. Войкова, на курсах мастеров этого завода, библиотекарем металлургического рабочего факультета до мая 1940 г., когда вынуждена была уйти с работы, чтобы растить внучку Татьяну. Ее родители — геологи — отправились в экспедицию в Сибирь.

В июне 1941 г. одновременно с известием о начале Второй мировой войны семья Махаевых получила страшное из-

вестие о трагической гибели в Сибири своего младшего сына Валерия. Теперь внучка осталась у них надолго.

Летом 1941 г. Махаевы пытались уехать на теплоходе, пришли на пристань, но вблизи берега он был уничтожен при налете немецкой авиации. Идти под землю, в катакомбы, как поступали некоторые жители, бабушка категорически отказалась. Так и остались в городе, где проживали на небольшой улице на склонах горы Митридат, которую часто обстреливали. В маленьком дворике было обустроено укрытие, или «щель», как его называли, куда и прятались жители.

Трагедия Керчи состояла в том, что немцы заняли город первый раз осенью 1941 г., но в феврале 1942 г. были выбиты нашими войсками. Правда, удержаться советским солдатам удалось до мая, когда снова город заняли оккупанты.

В городе немцами был установлен новый порядок. Все взрослые должны были зарегистрироваться на бирже труда. Ведь право на хлебную карточку получал прежде всего работающий человек. Теперь от его поведения в данной ситуации зависело оставаться подневольным, но честным, или избрать путь мученика, или сломаться, превратившись в пособника фашистов.

Все школьные помещения были отведены воинским частям, все имущество пошло на топливо. Немцы методично обыскивали каждый двор, отбирая продовольствие, вещи, а главное, пытались найти русских раненых воинов. Как рассказывала бабушка, к сожалению, находились предатели, которые указывали дома, часто весьма удаленные от центра, где скрывались наши солдаты.

Предварительная регистрация учителей и учащихся проходила в январе 1942 г., о чем сообщала газета «Голос Крыма», которая выходила под контролем оккупацион-

ного штаба пропаганды и военного командования. Немцы придерживались принципа «разделяй и властвуй», поэтому были открыты украинская, греческая, татарская школы. С интеллигенцией города обошлись как и свойственно оккупантам. Учителя, врачи, инженеры были вызваны биржей труда и направлены на работы по разборке завалов на улицах. Затем власти столкнулись с проблемой подбора учительских кадров. В донесении Штаба пропаганды в мае 1943 г. сообщается: «Учителя в большей части — это старые и больные люди, лишённые энергии. Значительная часть учителей считается с возможностью возвращения красных. Причина заключается в зимнем наступлении советских войск. Директора школ удостоверяют, что поведение учителей изменилось, они имели секретные беседы с учениками» (из Центрального архива Крыма. Ф. 156. Оп. 1). Очевидно, что идеологическая обработка немцев не достигает цели. Школьников широко используют на сельхозработах. По сообщениям газеты «Голос Крыма»: «Учащиеся старших классов, освобождённые от поездки в Германию, должны посещать школу до конца учебного года, в противном случае они не получают установленных аттестатов». То, что называется поездкой в Германию, на деле является насильственным вывозом на работы. От них освобождали только больных или людей, работающих на предприятиях города.

Н. Махаеву пришлось тоже идти на свою привычную работу учителя в среднюю школу — ведь надо было кормить семью. В полиции следовало зарегистрировать паспорта и метрические свидетельства. Комендатура издавала указы о сдаче излишков продуктов, которых давно у населения не было. В то время моя бабушка ходила по соседним селам, меняя фамильное серебро, посуду, одежду на хлеб, крупы, подсолнечное масло, чтобы как-

то поддержать больную внучку. Сначала меня положили в больницу, но видя, как оттуда каждый день выносят погибших детей, бабушка забрала меня. Чудом своего спасения я обязана врачу-греку, который жил по соседству. Мне требовалось хорошее питание. Конечно, бабушка очень рисковала, так как немцы часто устраивали облавы на мирных жителей, расстреливая их в Багеровском рву около города. Позже выяснилось, что здесь расстреляли более 7 тысяч мирных людей. Пронзительные строки написал поэт Илья Сельвинский об этой трагедии, упомянутой и на Нюрнбергском процессе:

166

Можно не слушать народных сказаний,
не верить газетным столбцам,
Но я это видел.

...

Из этого рва подымается горе.
Горе без берегов.

26 декабря 1941 г. советским командованием был организован знаменитый Керченско-Феодосийский десант и Керчь освободили, но ненадолго. В мае 1942 г. наши войска ушли с большими потерями, город снова заполнили оккупанты. По воспоминаниям родных, местные жители также страдали от румын, которые были весьма склонны к воровству. Часть наших войск, оказавшись в тылу у врага, ушла для продолжения борьбы в Аджимушкайские каменоломни. Подземный гарнизон сражался до конца октября. Бойцов и мирных жителей травили газами, оглушали фугасными взрывами, лишали воды и продовольствия. Сила духа, мужество, подвиг воинов, их самопожертвование во имя свободы потрясли мир. Одним из

первых на месте трагедии оказался крымский поэт и воин Илья Сельвинский:

Кто всхлипывает тут?
Слеза мужская
Здесь может прозвучать
кошунством. Встать!
Страна велит нам почести
воздать
Великим мертвецам
Аджи-Мушкая.
Воспрянь же,
в мертвый погруженный сон
Подземной цитадели гарнизон!

167

В результате проведения Керченско-Эльтигенской операции в октябре 1943 г. был создан плацдарм для развертывания боевых действий по освобождению Крыма. На огненной земле Эльтигена мужественно сражались войска нашего фронта. В это время в наш дом попала бомба, да и большинство жителей города осталось без крова в результате ожесточенных боев. Семье Махаевых пришлось уехать в деревню Владиславовку. И вот 11 апреля 1944 г. Керчь была освобождена, и победное знамя взвилось над горой Митридат и городом в сплошных развалинах.

В мае 1944 г. Н. Махаев с семьей прибыл в г. Симферополь. Н. Махаеву оказалось трудно устроиться на работу, так как он был в оккупации и работал в школе. Его вызывали в КГБ, но благодаря заступничеству своих учеников удалось избежать ареста. Ученики единодушно подтвердили, что их учитель Н. К. Махаев помогал многим избежать отправки на работы в Германию. Дедушка рассказывал, что приходилось, используя старые знакомства на

предприятиях устраивать туда ребят. А также помогали врачи, давая справки о болезнях учащихся. Думаю, что в архивах КГБ (Главное управление Службы Безопасности Украины в Крыму — таково современное название) г. Симферополя также содержится следственное дело с допросами Н. Махаева, о которых мне в 1990-е годы сообщили московские родственники. Но об этих событиях дедушка мне не рассказывал.

Ведь известно, что лица, проживавшие на оккупированной территории в СССР на долгие годы стали гражданами второго сорта, хотя в приказах прокуратуры от 15 мая 1942 г. предписывалось не допускать огульного привлечения граждан по подозрению в помощи врагу. Не должны были подвергаться преследованию те, кто просто вынужден был работать на оккупантов. Но на деле в стране, где всюду искали врагов, линия поведения карательных органов отличалась неоправданной жестокостью. Город Керчь наиболее пострадал от «ежовых рукавиц». Всех, кто остался в оккупации, объединяло одно — желание выжить. Люди не виновны в том, что власть бросила их на произвол судьбы. Но режим не допускал, что все как один не могут подняться на борьбу. Одни в силу возраста, другие из-за физических возможностей, третьи по причине страха за жизнь близких — жестокость оккупационного режима известна. Особенно много пострадавших было после первой оккупации. Постепенно власть поймет завышенность своих требований к тем, кто остался на оккупированной территории.

В педагогическом институте, куда я поступила в 1957 г., мне пришлось заполнять анкету, где был пункт «Были ли вы в оккупации?» Долго я возмущалась и просила дедушку объяснить смысл этого пункта, ведь мне было 2 года, когда началась война. Какой же вред я могла принести?

Риторический вопрос, но эти проблемы меня интересовали и в будущем, я много читала, пытаюсь понять логику действий власти. Ведь дедушка хорошо обучил меня основам логики.

Из детских воспоминаний хорошо помню нашу трудную жизнь в старом доме в Каябашном переулке, постоянные очереди за хлебом, крупой, в которых мы стояли в магазине на ул. Ефремова. Здесь выстаивали целый день, писали номер на ладошке. Остался в памяти парад в честь дня Победы, который проходил на старом стадионе между заводом «Сельхоздеталь» и кладбищем. Сейчас здесь новый стадион «Локомотив», где тренировался мой сын и получил в школе первый разряд по бегу с барьерами.

С трудом Н. Махаев был принят преподавателем русского языка и литературы в Автомобильный техникум, а затем заведующим учебной частью в ФЗУ при швейной фабрике, где проработал до 70 лет. Он вел очень активный образ жизни, читал много газет, из которых мы выписывали «Правду», «Учительскую газету», «Литературную газету», интересовался политикой, поэтому я рано знала географию, историю, могла сходу назвать руководителей ведущих стран. Много времени отнимало занятие домашним хозяйством. Ведь мы жили в старом татарском доме, постоянно требующим ремонта, а главное — заготовки дров на зиму. Любимым занятием Николая Константиновича было чаепитие, непременно в стакане с подстаканником, и чтение газет. В политике он разбирался досконально, меня тоже приучил следить за новостями. Живо интересовался моей школьной и институтской жизнью, любил, когда к нам приходили мои друзья и переживал, когда я уходила в многодневные походы.

В Симферополе судьба снова свела Н. Махаева с церковью. Старый друг нашей семьи Евгения Павловна Лейк-

фельд, которая тоже пострадала за годы оккупации, стала личным секретарем архиепископа Луки, профессора медицины в. Ф. Войно-Ясенецкого.

Евгения Павловна, дочь профессора Московского университета, получила блестящее образование. У нее был жених — офицер, который погиб в Гражданскую войну. Помню по рассказам бабушки, что познакомились давно, что отец Евгении Павловны в 1920-е годы преподавал психологию в Симферопольском университете. В войну она была в оккупации в Севастополе, а мы — в Керчи. После освобождения Крыма Евгению Павловну вызывали в КГБ, так как она в Севастополе работала переводчицей, ей грозил арест, но все обошлось. Она стала работать секретарем у владыки, а жили мы в соседних переулках старого Симферополя. У Евгении Павловны была небольшая комнатка, заставленная мебелью. Старинный шкаф и стол были завалены книгами, газетами, журналами. В кресле уютилось множество кошек. Бабушка часто посылала меня к Е. П., когда та долго не приходила, передавала ей еду, лекарства, а она много рассказывала о домочадцах владыки, показывала мне богословские книги в тисненых переплетах, давала посмотреть старые издания Евангелия.

Мой путь в школу проходил как раз мимо дома, где жил владыка на втором этаже двухэтажного здания на улице Госпитальная. Со стороны другой улицы, Пролетарской, была пристроена домовая церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Далее я шла мимо кафедрального Свято-Троицкого собора, где служил святитель Лука. Много раз я видела этого необыкновенного человека. И каждый день около дома находились люди, желающие попасть на прием к известному хирургу. Ведь он помогал очень многим, об этом говорили в городе. Но, по

словам Евгении Павловны, ему препятствовали даже некоторые медицинские деятели. А ведь как профессор-хирург, лауреат Сталинской премии за книгу «Этюды гнойной хирургии» Войно-Ясенецкий пользовался должным авторитетом. На съезде врачей Крыма в 1947 г. он сделал доклад по хирургии, ему вынесли благодарность. Он консультировал врачей, больных, провел несколько операций. Но вот из бывших секретных документов становится известно, что Обком партии дал указание не допускать лекций по медицине в духовной одежде. На очередной лекции владыки для врачей, часть их демонстративно покинула зал. Святитель Лука отреагировал: «Опять помешала моя ряса».

Пожилая, интеллигентная, с острой, быстрой реакцией, Евгения Павловна по духу своему была ближе всех к Луке, почти член семьи. «Это большая удача, что учительница литературы с университетским образованием стала преданным человеком владыки. Ее тонким великолепным почерком написаны сотни писем и проповедей, записаны и неоднократно перебелены „Мемуары“ Луки. Она глаза, уши и руки владыки. Ее рабочий день и трудовые безграничны. За всю службу она 4 раза прочитала всю Библию, несчетное число газет и журналов, богословских трактатов» — так пишет в своей книге М. Поповский [24]. Эту книгу я прочитала еще в журнальном варианте, была потрясена необыкновенной судьбой владыки. Когда ему запретили заниматься медицинской деятельностью, Лука переключился на проповедническую деятельность, читал проповеди в соборе ежедневно. Евгения Павловна рассказывала, что уже записали два тома крымских проповедей, что Лука любит говорить проповеди.

Евгения Павловна часто приходила к нам в дом, а на все церковные праздники обязательно. Она была фана-

тично предана Луке, рассказывала о трудностях в его религиозной деятельности. «Быть сейчас архиереем тяжело. Приходится нести очень тяжелый крест» — так говорил Лука. Но главное, что я запомнила — это искренняя боль за великого человека, которому не дают работать разные чиновники, особенно уполномоченный по церкви. Только недавно почитала опубликованные прежде секретные доклады, после чего стало понятным, под каким секретным надзором партийных органов находился архиепископ крымский Лука.

В отчетах уполномоченного нашла сведения, что архиепископ написал большой богословский труд «О душе, душе и теле», который патриархия согласна напечатать, но советская власть не дала согласия. В 1952 г. уполномоченный сообщает, что Лука приступил к написанию большой научной медицинской книги «О регионарной анестезии», написал две статьи для журнала «Московская патриархия». Евгения Павловна часто приносила дедушке машинописные листы для правки. Занятая своей учебой, я не особенно интересовалась этими материалами. Только однажды взглянула, но мало что поняла из рассуждений о разуме и душе человека. И только много позже я догадалась, что это была рукопись книги в. Войно-Ясенецкого «Дух, душа, тело». Основные мысли этой книги Лука излагал в Свято-Троицком кафедральном соборе ежедневно на ранних обеднях. Но скоро последовал запрет от патриархии.

Его проповеди в храме собирали сотни людей, его речи отличались цельностью, ясностью мысли и хорошим контактом со слушателями. Тексты проповедей также бывали у нас дома, я часто заставляла дедушку за их чтением. С Евгенией Павловной они обсуждали возможность издания этих проповедей, так как архиепископ

считал совершенно невероятным, чтобы при его жизни удалось опубликовать его труды. Слушать проповеди Луки было опасно. Так, знакомый нашей семьи археолог профессор П. Н. Шульц с женой приходил послушать речь Луки о взаимоотношениях религии и науки, за что его подвергли допросам и угрозам.

Помню 1957 год, когда в свой день рождения архиепископ служил в соборе 5 часов, храм не вмещал всех желающих послушать своего проповедника.

Анализируя прошлое, могу сказать, что, конечно, я не вникала во все проблемы, о которых рассказывала Евгения Павловна, это был фон моей детской жизни. Но я знала о всех религиозных праздниках, так как Е. П. приходила к нам и рассказывала о службе. Теперь, прочитав секретные документы, память вспомнила многие события, о которых так часто говорила Евгения Павловна, но я не понимала сущности происходящего.

Навсегда остались мне памятни 6 января — сочельник — и день ангела Евгении, ведь так звали и мою маму. Да еще мой день рождения (он в июле) всегда отмечали в Татьянин день. Так для меня до сих пор более значим именно этот день — 25 января. Еще в детстве я поняла, как безгранично Евгения Павловна была предана владыке, ему была посвящена ее жизнь. Поэтому я с радостью откликнулась на просьбу пресс-секретаря Крымской епархии Л. Ясельской написать краткие воспоминания об этой замечательной женщине, без которой, возможно, до нас не дошли бы многие из удивительных проповедей Святителя. Так и появилась моя небольшая статья в газете «Таврида Православная» за 2003 г., № 23.

Н. Махаев в последние годы много размышлял о причинах антирелигиозных настроений молодежи. Видимо, сильнее слов действовал практический опыт, которые

молодые извлекали из атмосферы своей эпохи. При правлении Н. С. Хрущева последовал очередной виток похода на церковь. Тогда дедушка познакомил меня с текстом проповеди Луки «Не бойся, малое стадо», откуда надолго запомнила слова, что «подлинное стадо Христово неуязвимо ни для какой пропаганды». Недаром и много лет спустя жители города помнили эту проповедь, сказанную в день Покрова Пресвятой Богородицы, праздник, особо любимый дедушкой. Ведь он напоминал о его молодости, учебе в Сергиевом Посаде.

После войны бабушка возобновила переписку с семьей своего брата Александра, который жил в Сергиевом Посаде. С внучкой Александра Сергеевича я дружу с весны 1961 г., когда мы с ней встретились у колонн Большого театра. Татьяна мне рассказала занимательную историю знакомства Александра Махаева со своей будущей женой. В святки Александр шел по улице Штатно-Садовой (он жил на соседней улице). В это время в доме зажиточной семьи Озеровых (они держали швейную мастерскую, где девушки вышивали золотом церковные облачения) гадали.. Дочь Озеровых Катерина бросила на улицу сапожок, который и подобрал Александр. Так они познакомились и поженились в начале 1917 г. Здесь родились их дочери, затем внуки. В этом доме меня трогательно встречали Александр и его жена Екатерина, мы долго беседовали о нашей жизни, ведь судьба давно развела детей Пикунных.

Чаще всех получали письма от Виктора (он был крестником бабушки) из поселка Дибунь под Ленинградом, где он смог поселиться после ссылки. Человек талантливейший, он смог поступить в театральную студию, где учился вместе с Марецкой, Мордвиновым, Р. Пляттом. В феврале 1978 г. он писал, что «встречался летом со своим товари-

щем по учебе Р. Пляттом. Когда они приезжают сюда, то смотрим их постановки. Ю. Завадский умер в прошлом году, вот каковы остатки моих театральных дел». До войны Виктор снимался на «Ленфильме», рассказал какой-то анекдот, получил срок. В 1960—1970-е годы снимался в фильме «Снегурочка», где играл одного из Берендеев. Как реабилитированный получил в конце 1970-х годов квартиру в Ленинграде (до этого имел право жить только в поселке Дибунь). Будучи в командировке, приходила к нему, но не застала, так как он был на даче. А мне так хотелось его расспросить поподробнее о Пикунных. Позже Виктор написал мне краткую историю семьи. В частности, вспомнил, что у их отца был брат Семен Никитич, служивший на корабле «Потемкин», откуда он сбежал, одно время скрывался у Сергиевом Посаде, затем уехал на север, как он говорил, «на родину». Виктор каждый год, пока позволяло здоровье, бывал в Москве и Загорске, где «обходил весь приход», а потом отчитывался бабушке о жизни всех. Брат Александр вспоминает: «Я помню, давным-давно, ты (Лиза) подарила мне рубль. Это было богатство, я тут же купил паровоз, разобрал, чтобы посмотреть, что находится внутри, за что был бит нещадно. С возрастом больше ощущаешь потребность в общении родных, наверное потому, что сейчас живешь прошлым».

Бабушка узнала от младшего брата Алексея о судьбе своей любимой сестры Анны. Сохранился один старый листок фронтового письма, датированный 28 августа 1943 г. Он отправлен из Орла брату Александру в Сергиев Посад: «Пишу вам с того свету. Я было похоронила Ваню и вдруг получаю сейчас от него письмо. Живу в деревне, где последнюю зиму была учительницей при немцах. Я развалина, с трудом таскаю ноги. Через нас прошел фронт. Почти все село угнали немцы, все сожгли. Мы

с Леной (дочка) 6 суток были в лесах и спаслись. Ходим в лохмотьях и босиком, работаем в колхозе. Пишите мне и шлите деньги на адрес моей подруги в Орле».

Написал нам и брат Владимир из Москвы, именно он приезжал к сестре в Витебск. Он занимался наукой. Писал о своих сыновьях, один из которых похож на Юрия Махаева. Старший сын, доктор математических наук, профессор преподавал в Институте стали и сплавов.

Николай Константинович тоже все чаще вспоминал своих родных. «В сущности говоря, судьба раскидала и разъединила нас. Я живу своей семьей, ты — своей, ордынские Махаевы тоже отдельно» — так он пишет своей племяннице в 1963 г. и подписывается: Старейший Махаев.

Радостным событием в эти годы был приезд из Киева моего старшего брата Валерия с двухлетним сыном Алексеем. Правнук проводил много времени с прадедом. «Мы виделись с ним ежедневно. Он очень самостоятелен, настойчив и ласков со мной. Таков мой правнук, будущий продолжатель нашего рода» — это письмо нашла недавно у московских родственников. Но судьба отпустила дедушке немного времени. Он много болел, скончался 31 мая 1966 г., похоронен в Симферополе.

Смотрят на меня родные лица
С фотографий забытых лет.
И когда ночами мне не спится,
Вместе мы встречаем свой рассвет.

Валерий Николаевич Махаев (1913—1941) и его потомки

И некуда бежать от века-властелина.

Осип Мандельштам

В. Н. Махаев прожил очень короткую, но яркую жизнь. Он вырос в семье учителей, образованных, интеллигентных людей. Отец — Николай Константинович, окончив Московскую духовную академию, работал преподавателем русского языка, литературы, философии, логики в гимназиях и школах Витебска, Севастополя, Керчи и Симферополя. Это был очень добрый, разносторонне образованный человек. Мать Валерия — Елизавета Сергеевна Пикунова, дочь священника из Сергиева Посада, необыкновенно сильная по духу, незаурядного ума и воли женщина вместе с мужем пережила страшные годы революции, Гражданской и Отечественной войн. Валерий Махаев родился 9 марта 1913 г. в г. Витебске. В школу Валерий пошел в г. Севастополе, куда семья переехала в 1920 г. Учился хорошо, у него была феноменальная память и способность к быстрому чтению. Очень рано ув-

лекся историей, археологией, собрал обширную коллекцию бабочек, с интересом изучал эсперанто. В старших классах отец принимал участие в работе краеведческого кружка г. Севастополя. Сохранилось несколько групповых фотографий членов этого кружка, которые мне довелось увидеть на первом краеведческом съезде Крыма в сентябре 1990 г. на отдельном стенде, озаглавленном «Они были первыми участниками краеведческого музея г. Севастополя». В настоящее время материалы и фотографии участников первого музея хранятся в общешкольном краеведческом музее при Центре юношеского и детского туризма города Севастополя.

178

Началось все с образованием кружка при общеобразовательном техникуме им. Ломоносова, руководителями которого были преподаватель истории Павел Бабенчиков, преподаватель литературы Владимир Бабенчиков, а также учитель физиологии Юрий Твердохлебов. Официальной датой образования учебного музея считается 7 сентября 1923 г. Археолог и историк Е. В. Веймарн (музеист первого призыва, как он себя называл) вспоминает, что музей помещался в бывшей женской частной гимназии, которая находилась на Соборной площади к северу от Владимирского собора. Здание было разрушено во время крымского землетрясения в 1927 г. Уникальность этого музея в том, что он был одновременно музеем — с коллекциями, фондами, экспозицией и даже филиалом в с. Чоргунь, — и научно-исследовательским учреждением (который проводил раскопки, разведки, составление и защиту научных работ). А самое главное — все это было с элементами игры: имелись собственные герб, устав и гимн.

В музее было три зала: историко-археологический, этнографический, биологический. Валерий Махаев полу-

чил звание сотрудника за интересный доклад об археологических раскопках в древнем городе Херсонесе.

Большинство ребят летом работали экскурсоводами Севастопольской базы Общества пролетарского туризма и экскурсий. Отец с особым увлечением водил экскурсии по Херсонесу, пропадая там целыми днями.

Многие члены школьного музея стали известными учеными: Е. В. Веймарн, кандидат исторических наук, Б. В. Веймарн — академик Академии художеств СССР, С. Н. Бернштам — профессор, археолог, С. Ф. Стржелецкий, кандидат исторических наук, был заместителем директора Херсонесского музея, Е. Воронцов, директор Ялтинского музея краеведения.

179

Сохранились юношеские стихи Валерия Махаева, проникнутые любовью к своему дому, беззаботному детству, когда «было безразлично число упрямого календаря, и мы крали цветы и шумели в аллеях, мерялись силой, ходили на старую крепость, Малахов курган и с сторожем дрались за старые круглые пули, бродили в степях Херсонеса, бежали из школы, искали золото древних греков, собирали разноцветные камни». Валерий писал и рассказы, в основном с романтическими сюжетами. Вот отрывок из записной книжки: «Я часто сидел на берегу моря. Пена вылизывала прибрежные камни. Волны с шумом ударили о берег. Мои пальцы выбирали синие и белые камушки, отточенные волнами. Казалось, синь камней впитала в себя синь волн. Белые камни, как сгустки пены лежали на синих и зеленых камушках».

Старший брат Юрий Махаев, очень способный и талантливый человек, пропал без вести в начале 1930-х годов, судьба его неизвестна, до последних дней своей жизни моя бабушка ничего о нем не рассказывала. Об этой семейной трагедии я узнала от родственников.

Закончив успешно школу, Валерий поступил в Ленинградский университет на геолого-почвенный факультет, увлекся геоморфологией и палеонтологией. Интересные воспоминания оставил однокурсни́к отца академик Б. С. Соколов: «Курс палеонтологии мы проходили у профессора М. Янишевского, в экспедициях участвовал и Валерий Махаев, который проявил задатки ученого, прекрасно писал стихи, брал уроки у А. Ахматовой. Впоследствии он был убит». в. Махаев познакомился с Львом Гумилевым, который недавно вернулся из крымской экспедиции. В записной книжке Валерия есть запись: «Кажется сбилась с пути, моя звезда путевая!». Эти строки отражают тревожное состояние души, когда в октябре 1935 г. его арестовали вместе с Н. Пуниным, Л. Гумилевым и еще тремя студентами. Об этом факте биографии отца рассказывала мама, но подробностей она не знала, как и ее родители, которые всегда хранили молчание. Только в 2003 г. опубликованы документы из архива ВЧК-ОГПУ-УНКВД СССР по Ленинградской области — следственное дело № 3764 по обвинению Н. Н. Пунина, Л. Н. Гумилева и студентов в. Н. Махаева, в. Н. Борина, И. В. Полякова.. Но листы дела в. Н. Махаева авторам статьи не выдали, так как не было разрешения родственников (дела хранятся 70 лет). Н. Пунин на допросах говорил, что «у него дома неоднократно читались контрреволюционные произведения против Сталина. В этих разговорах участвовали Махаев Валерий, Борин. В смысле необходимости смены Советской власти наиболее активно поддерживали Гумилева Махаев, Заленский. Махаев лично в беседе со мной утверждал, что без свободной инициативы хозяйство не может расти и развиваться. Л. Гумилев на допросах говорил, что все были приняты у нас в семье, знакомы с моей матерью и Н. Пуниным, здесь читались стихи О. Мандельштама».

После следствия постановили: «Гр. Пунина привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58—10 и 58—11 по групповому делу». После гибели Кирова это была страшная расстрельная статья [15].

Как известно, А. Ахматова и Б. Пастернак обратились с письмами лично к Сталину за помощью. Арестованных освободили, причем всех.

В мае 2007 г. мне и сыну удалось посмотреть материалы этого следственного дела. Сколько горя, переживаний и тайн содержится в этих пожелтевших страницах. в. Махаев привлекался также по ст. 58—10 и ст. 58—11 в качестве участника контрреволюционной группы. При обыске изъяты документы, кошелек, два карандаша, кашне, два ключа (отец жил в студенческом общежитии на Мытнинской набережной), чистая тетрадь, блокноты. Арестованный доставлен в Дом предварительного заключения на ул. Войнова, 25. Мне сейчас даже трудно представить, каково было молодому человеку пережить арест, заключение в камеру. О чем он думал в те тревожные дни? Предполагаю, что о родителях, их происхождении из духовенства, о родственниках, которые служили в Москве. На допросах в. Махаев не подтвердил утверждения о существовании группы, которая с Гумилевым разрабатывала план борьбы против советской власти. Также отказался от участия в обсуждении вопросов контрреволюционного характера, которые происходили у Гумилева на квартире [48].

Но обвинительное дело с сохранившимися стихами О. Мандельштама «Мы живем под собою не чуя страны...», переписанное Л. Гумилевым, фигурировало в дальнейшем при аресте Л. Гумилева в 1937 г. и повторно в 1940 г. Но это обстоятельство Л. Гумилев узнал только при освобождении, он не считал арест 1935 г. серьезным.

В университете в. Махаев встретил Евгению Львову, которая стала его женой в 1936 г. Они полюбили Ленинград, где прошли их студенческие и первые счастливые годы семейной жизни. Валерий экстерном окончил университет в мае 1936 г., отлично защитил диплом по специальности «Палеонтология», работал над диссертацией, опубликовал три научных статьи.

И только после прочтения статей Эммы Герштейн мне стал понятным внезапный отъезд отца в геологическую экспедицию в Сибирь, хотя он работал над диссертацией. Что же случилось? Э. Герштейн впервые опубликовала письмо А. Ахматовой о спасении своего сына, которое она отправила в 1954 г. К. Е. Ворошилову. В ответном письме Генерального прокурора СССР Руденко от 6 июля 1954 г. написано следующее: «На следствии 1949—1950 гг. Л. Гумилев показал, что антисоветские взгляды у него возникли еще в 1933 г. под влиянием антисоветски настроенных поэта МАНДЕЛЬШТАМА и отца Гумилева — ПУНИНА. Он и ПУНИН сгруппировали вокруг себя единомышленников в лице студентов БОРИНА, ПОЛЯКОВА, МАХАЕВА и к 1934 г. сложилась антисоветская группа. Практически они на его ГУМИЛЕВА квартире высказывали различные клеветнические измышления в отношении Партии и Правительства, охивали условия жизни в СССР, обсуждали методы борьбы против советской власти и вопрос о возможности террора против Советского Правительства, читали стихи контрреволюционного содержания. ГУМИЛЕВ читал сочиненный им в связи с убийством С. М. Кирова такого же характера пасквиль «Экабатава», в котором возводил гнусную клевету на Сталина и Кирова. Он же высказывался за необходимость установления в СССР монархических порядков» [5].

Но уже в 1956 г. после известного Постановления XX съезда партии прокуратура СССР в лице того же Руденко признала, что Л. Гумилев был осужден необоснованно и дело на него за отсутствием состава преступления прекращено, он вернулся в Ленинград. Так фактически была сломлена жизнь талантливого ученого, историка, географа.

Возможно, опасаясь дальнейших репрессий, отец неожиданно отправляется с мамой в Сибирь в Нельканскую контору треста «Золоторазведка» (г. Москва) весной 1937г. Добирались долго поездом, затем машинами к Аллах-Юньскому золотоносному району с центром в Нелькане (Дальний Восток). Отец проводил экспедиционные работы, а мама вскоре вернулась, так как в октябре родился мой старший брат Валерий в г. Ростове-на-Дону, где жили родители матери. В записной книжке отца тех лет читаем отрывок из рассказа: «И пришли к нам русские купцы, стали забирать белку, стали возить спирт. Снова русский идет в тайгу. Ищет он желтый камень в речках, камень павших листьев цвет. Золото ищет русский».

Отец продолжил работу в тресте «Золоторазведка» в 1938 г., но уже в Салаирской экспедиции (Западная Сибирь), где был начальником поискового отряда. О знакомстве с В. Н. Махаевым весной 1938 г. пишет в своих записных книжках известный украинский геолог С. Т. Борисенко (из семейного архива): «Личность Махаева мне представлялась в экспедиции наиболее значительной. Он был достаточно высокий, стройный, гибкий, несколько сухощавый, но сильный. Меня поразила его физическая выдержка: ходил он, как опытный сохатый, размашисто и неумоимо, что важно для таежных походов. При очень длительном маршруте с постоянным подъемом, с рюкзаком за спиной мои ноги начинали неметь,

а В. Н. продолжал торить таежную тропу, хотя нас никто не подгонял. Он мог часами колотить глыбы известняков в поисках фауны. Русые волосы и светло-русая чеховская борода удивительно гармонировали с образом средневекового сеньора, часто ироничного, быстрого и твердо в решениях. Сходство подчеркивала кожаная охотничья сумка невиданной формы. Серо-голубые глаза были внимательны, пронзительны. С руководством экспедиции в. Н. вел себя уверенно, сражая противников мягкой иронией и логичностью доводов. Он и внутренне отличался от своего окружения, на голову выше был других по сумме знаний, опыту, интеллекту. Любил и часто цитировал стихи А. Блока, А. Ахматовой, Н. Гумилева».

После составления отчета о золотоносности Салаирского кряжа, отец несколько раз приезжал к семье в Ростов-на-Дону, навещал отца и мать в Керчи. В июле 1939 г. родилась дочь Татьяна, которую он видел в последний раз в марте 1940 г., когда с няней отправил ее к своим родителям.

Из писем и рассказов родных чувствуется, что отец очень любил своих детей. В октябре 1939 г. он пишет родителям из Ленинграда: «Но я так устал от кочевой жизни, так хочу увидеть Валика, Танечку и помочь вам смотреть за ними. Озабочен тем, что многих продолжают брать в армию и весьма вероятно, что по приезде возьмут меня. Мне надо сделать ряд дел, дабы обеспечить вас всем необходимым на это время. Ведь положение в стране напряженное и я, как гражданин Союза, должен буду выполнить свой долг наравне с другими, то есть отбывать учебный сбор или защищать свою страну. Послал деньги, посылки с вещами для детей».

Отец продолжал писать рассказы: «Ночью звезды стояли над каждым деревом в тайге. Что делают сейчас его

друзья? Вдруг он услышал звон трамвая. Ему снился далекий город, шум трамваев, они с женой идут по набережной... Нет, это льдина ударилась о льдину. Уже льды крепко сковали берега. Вечером лениво подувал холодный ветер. Из-за дальних сопok видны рыжие пятна заката. Лезвия хвоинок и елей были облеплены крупными хлопьями снега. Он хотел ни о чем не думать, он хотел ехать долго, долго, чтобы получить заветные письма, как он ждал эти желтые, голубые конверты. Теперь эти письма завернуты в сохатиную кожу. Надо только добраться до зимовки до первого снега».

В мае 1940 г. Валерий Махаев с женой и маленьким сыном отправились из Москвы в Восточную Сибирь в составе Жуинской геологической экспедиции. Они прибыли 28 мая в г. Усть-Кут (на левом берегу реки Лены), а затем на грузовиках по таежному тракту, на теплоходе по реке Витим до города Бодайбо — центра Ленского золотоносного района. Далее их путь лежал в поселок Перевоз на берегу реки Жуи при впадении в нее реки Хомолхо. Геологов поразил чужеземный облик домиков, построенных в стиле английских одноэтажных коттеджей. Они были возведены иностранной концессией «Ленаголдфилс», которая действовала на Патомском нагорье с 1908 г. по 1934 г. Сотрудники экспедиции поселились в этих домах, расположенных на правом берегу реки в две линии и разделенных широкой улицей. В тайгу в бассейн реки Хомолхо, где впервые была найдена богатейшая россыпь золота, отправились четыре отряда, один из которых возглавлял Валерий Николаевич Махаев. Осенью для спасения пропавшего геолога был сформирован отряд, инициатором и руководителем которого был отец. Через несколько дней трудных поисков группа вернулась на базу, так как начались сильные морозы, и перевалы из-за сильных

снегопадов стали непроходимы. Приезжали следователи, но причины гибели замечательной женщины — геолога Киры Орловой так и остались неизвестны. Эта трагедия в экспедиции была не последней...

Отец в своих последних письмах, написанных осенью 1940 г. и бережно сохраненных его родителями, беспокоится: «Если мы останемся на третий год, то осенью Женя приедет за Танюшкой. Вы наверно устали. В теоретическом отношении летняя работа принесла много нового и интересного. Буду писать статьи. В общем можно написать 10 диссертаций. Мама, прочитав это, скажет: Написал бы одну. Напишу. И самое трагичное: о городе не скажу и хочу остаться в тайге навечно». Эта фраза отца оказалась страшно провидческой...

В другом письме Валерий Махаев сообщает, что «много будет работы сейчас, так как назначен временно начальником экспедиции и приходится входить в курс административных дел. Никакая тайга не убьет желания двигаться вперед. Не думайте, что моя карьера на университете закончилась».

Весной, после вскрытия рек, отряды один за другим выезжали на полевые работы в район Патомского нагорья. в. Махаев также отправился с местным проводником в маршрут по реке Чаре ниже озера Нитчатка на небольшом плотике. От него долго не было известий. Начались поиски. Только через неделю в одном из затоков реки обнаружили тело отца с раной на голове. Спутник его исчез. Следствие проводили поверхностно, так как в июне как раз началась война. Однако в архиве г. Иркутска хранится где-то следственное дело отца. Выдвигалось много предположений о насильственной гибели отца, тем более что в это же время стреляли в других геологов. В этой истории остается многое загадочным и непонятным.

В бассейне реки Чары в 1960—1970 гг. нашли очень красивый фиолетовый поделочный камень — чароит, образец которого мне привезли из Сибири знакомые геологи. Теперь он стоит на книжной полке рядом с фотографией отца, напоминая о его геологическом прошлом.

А ночью в небе древнем и высоком
я вижу записи судеб моих, —

эти строки Н. Гумилева отражают трагическую летопись нашего века, жестокого, немилосердного.

В. Н. Махаева похоронили на окраине поселка Перевоз в молодом сосновом лесу. Установили обелиск из удлиненной глыбы зеленоватой местной породы. «Я не сомневаюсь, — пишет С. Борисенко — что по объему знаний, быстроте усвояемости научных материалов и по складу интеллекта Валерий Махаев сейчас был бы блистательным академиком».

Его научные достижения были оценены уже после войны. В апреле 1968 г. в газете «Ленский шахтер» была напечатана статья М. Гапеевой «Ценой жизни» (эту газету прислали геологи из Сибири). Среди энтузиастов, погибших при исполнении служебных обязанностей, автор отмечает в. Н. Махаева, А. А. Демина, А. Р. Бурачека, значение которых в расшифровке геологических особенностей Ленского золотоносного района было настолько велико, что их имена должны быть известны. Работы в. Махаева легли в основу стратиграфического разреза Ленского золотоносного района, послужили базисом для составления государственных геологических карт. Эти карты были изданы в 1947 г., впервые отразив структуры Байкало-Витимо-Патомского нагорья, которые служат объектом изучения до настоящего времени.

В любви, в судьбе — событий связь:
Мне вербы машут ветками.
И строчек трепетная вязь
Оставлена мне предками.

Жена в. Махаева и мать его двоих детей **ЛЬВОВА ЕВГЕНИИ ВАСИЛЬЕВНА** после гибели мужа работала в тресте «Якутзолото», вела курс геоморфологии и общей геологии в Алданском горном техникуме. Она вышла замуж за друга отца С. Борисенко, в 1943 г. родился мой младший брат Леонид. В 1945 г. вернулась в Крым, тогда я впервые познакомилась с моей мамой. Она снова занялась разведкой месторождений. Но тут ее постигло личное несчастье, предательство близкого человека. Снова она осталась одна с детьми. На мама, как правило, при всяких потрясениях морального характера мобилизовалась и смело шла навстречу опасности. И всегда это помогало сохранить достоинство. Мама вела геологическую съемку на месте будущего Северо-Крымского канала. В Крымском филиале АН СССР закончила аспирантуру, успешно защитила кандидатскую диссертацию. В Киеве исследовала гидротехнические сооружения на Днепре. Но ее тянуло в Крым, тем более старший сын женился, родился первый внук. Теперь их жизнь тесно связана с Киевом.

В Институте минеральных ресурсов в г. Симферополе мама погрузилась в проблемы карста, гидрогеологии, впервые подняла проблемы охраны окружающей среды, выступив против строительства атомной станции в Крыму. «Мужество быть первой» — так писали о ней в газете. Сама она придерживалась девиза, что в науке главное — это истина. Евгения Васильевна как магнит притягивала к себе ярких незаурядных людей. У нее было много друзей геологов, археологов, проектировщиков, художников.

Ее обожали внуки и писали трогательные стихи «Как бабушка за охрану природы билась, к кирпичу приравняв перо». Все ее многочисленные научные работы, отчеты, фотографии, рукописи, документы, папку, в которой хранится переписка об атомной станции, я отдала в фонды Крымского краеведческого музея.

ВАЛЕРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАХАЕВ (1938—2008) родился в г. Ростов-на-Дону, затем с родителями был в Сибири, после освобождения Крыма с мамой и младшим братом Леонидом вернулся в Симферополь, где проживали его дедушка Николай Константинович и бабушка Елизавета Сергеевна, сестра Таня. Наша мама Евгения Васильевна работала в геологической экспедиции, ей дали квартиру, где с ней проживали сыновья. Таня осталась у бабушки с бабушкой. Валерий часто ездил с мамой на полевые работы, где она изучала гидрогеологию окрестностей Севастополя.

После окончания школы он уехал с мамой в г. Киев. После службы в морском флоте на Черном море Валерий поступил в Инженерно-гидромелиоративный институт, затем проводил испытания на гидрологических объектах Кременчугского, Каховского водохранилищ, Северо-Крымского канала. Но эта работа не пришлась ему по душе, ему больше нравилось самому собирать приборы для исследований, которые так нужны были ученым Института теплофизики АН Украины, они очень ценили «золотые руки» в. Махаева. Валерий с детства увлекался чтением книг, особенно философских, любил прогулки по лесу, где он собирал стволы, корни деревьев и мастерил различные поделки. У него были проблемы со здоровьем, справляться с ними успешно помогала его жена Роза Андреевна (1936—2009). Ее уважали и любили на кафедре ме-

ханики в Киевском университете за высокую квалификацию, работоспособность, веселый и спокойный нрав. Это была удивительно добрая, отзывчивая женщина, очень религиозная. Их сына Алексея, своего правнука, успел повидать Николай Константинович Махаев.

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАХАЕВ, 1961 года рождения, закончил геофизический факультет Киевского университета и с женой Еленой Александровной получил назначение в Благовещенское геологическое управление. Проезжая мимо железнодорожной станции Большой Невер Алексей долго стоял у окна, представляя, как много лет назад его дедушка Валерий Николаевич вместе с молодой женой именно на этой станции пересаживались, чтобы отправиться на север. В таежных маршрутах Алексей приобрел первые азы геологической науки, здесь родился сын Илья.

В Киев семья вернулась в год страшной Чернобыльской трагедии, поэтому Илья был долгое время у нас в Крыму. В годы Перестройки Алексей ездил вахтовым методом на нефтепромыслы Западной Сибири (Уренгой, Воркута), где требовались геофизики. Затем он заочно получил экономическое образование, сейчас работает начальником управления информационных технологий в крупной финансовой структуре. Его энергичная жена Елена Александровна хорошо изучила английский язык, защитила кандидатскую диссертацию по экономическим проблемам, служит в Национальном банке Украины.

У них растет дочь-школьница Катерина и старший сын —

ИЛЬЯ АЛЕКСЕЕВИЧ МАХАЕВ, 1984 года рождения, который является продолжателем рода Махаевых по мужской

линии. Он закончил механико-математический факультет Национального университета Украины, получил хороший опыт программиста и теперь работает в одной из фирм г. Киева.

Он интересуется своей родословной, все свои материалы посылаю будущему наследнику династии Махаевых. Ведь это последняя тонкая веточка родословного древа Махаевых по мужской линии.

МАХАЕВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА, 1939 года рождения, автор настоящей публикации. С детства увлекалась геологией, историей, географией. Закончила естественно-географический факультет Крымского педагогического института. В сельской школе учила детей географии, ботанике, зоологии, анатомии, водила их в походы. Но меня тянуло заниматься наукой, поступила в аспирантуру Симферопольского университета по специальности «Геоморфология», которую очень ценил отец. Изучала морские берега Западного Крыма, где и встретила своего мужа Владимира Ивановича Радионова, с которым идем по жизни уже много лет, деля радости и горести. В 1966 г. родился сын Дмитрий, которого три месяца только мог покатасть в коляске мой дедушка. А вот бабушка, несмотря на преклонные годы, выхаживала внука до детского сада и первых лет школы.

После аспирантуры работала в Институте минеральных ресурсов Министерства геологии Украины, пройдя путь от инженера до старшего научного сотрудника. Более 30 лет отдано любимой работе — геологии. Ведь геологи — это особенные люди, увлеченные своими идеями. Любимая работа заполонила всю жизнь, часто отнимая время у родных. Летом в экспедиции часто брала с собой сына, даже муж с удовольствием участвовал в наших по-

исках. Мы составляли карты размещения полезных ископаемых Крыма, изучали распространение и минералогию бокситов. Но больше всего отдано сил исследованию белых глин — вторичных каолинов, месторождения которых широко распространены на Украине. Это были счастливые годы, насыщенные творческими поисками. Стараниями геологов нашего института появились первые крупномасштабные карты месторождений каолинов, детально был изучен вещественный состав минерального сырья. Но главное, мне очень пригодились знания по геоморфологии речных долин. «Надо присмотреться, вдуматься в каждый камень, и он сам расскажет о своем прошлом. Ты только к нему присмотришься любовно и вдумчиво» — эти слова А. Ферсмана я хорошо запомнила. Так рождаются интересные идеи, они созревают в долгой упорной подготовительной работе. Нам удалось найти определенные закономерности в размещении каолинов, что позволило геологическим экспедициям обнаружить новые месторождения ценного глинистого сырья.

После Чернобыльской катастрофы мы изучали возможность применения адсорбентов (цеолиты, бентониты) для вывода радионуклеидов из почвы. Для консультации со специалистами часто приезжала в Москву в геологический институт, расположенный в Замоскворечье.

Всегда любила читать. В институте была потрясающая библиотека научных и художественных произведений. Поэзия, проза, философия — в этом было интеллектуальное отдохновение и отвлечение от повседневной жизни.

Мне представляется, что работа геолога и историка во многом сходны. Как геолог с помощью самых современных методов раскрывает секреты жизни камней, так и историк, изучая архивы, встречаясь с интересными людьми, восстанавливает по крупицам жизнь человека.

Все работы в институте тесно переплетались с увлечениями по истории, краеведению Крыма.

РАДИОНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, родился в 1966 г. в г. Симферополе. Учился на лечебном факультете Симферопольского медицинского института, где его сразу привлекли лекции по хирургии. Для получения практических навыков, работал медбратом в больницах. По семейным обстоятельствам перевелся на последний курс во 2-й медицинский институт г. Москвы, успешно закончил интернатуру.

С 1989 г. работает хирургом в 62-й онкологической больнице г. Москвы. По мнению Сократа, «Самое сложное искусство жизни — искусство учить, искусство лечить и искусство судить людей». Искусство врачевания очень трудное, мудрое и гуманное, полно сострадания. Для хирурга должен быть главным только живой страдающий человек, которому врач старается облегчить его состояние. Каждый день приемы больных, операции, часто по несколько часов, перевязки. Но при этом врач, заходя в палаты, улыбается, шутит с больными, ободряет, внушает оптимизм. Пациенты всегда безошибочно узнают истинного врача, оберегающего их душу и тело. Сын говорит, что очень много в исходе лечения зависит от душевного настроения больных, их уверенности в силах врача. Вера в себя, возможность победить болезнь очень помогает врачу, облегчает помощь, которую он оказывает. Ведь вера часто творит чудеса. Пожилые пациенты часто спрашивали молодого врача, крещен ли он, боялись ему довериться.

Нравственному становлению Д. Радионова помог архимандрит отец Павел (Фокин Павел Семенович), который много сил отдал на восстановление Ипатьевско-

го монастыря в Костроме. Здесь Дмитрий познакомился с отцом Павлом, проводил с ним долгие душевные беседы, узнал об историческом значении монастыря как сосредоточенности духовной жизни на Руси, о трудностях возобновления службы в этом святом месте. Долго они говорили. С тех пор Дмитрий с друзьями часто приезжали в Кострому, где продолжались содержательные разговоры.

В 2000 г. отец Павел крестил Дмитрия в храме Святого Апостола Иоанна Богослова, где богослужения с 1992 г. совершаются духовенством Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря. Затем отец Павел крестил жену Дмитрия и новорожденную дочку. В 2002 г. по благословению Патриарха отец Павел находился в командировке на Святой Земле в Иерусалиме, с 2003 г. был настоятелем Свято-Николаевского собора в Сан-Франциско. В настоящее время архимандрит Павел является настоятелем русского православного храма Святителя Николая в Риме.

Общение с моим сыном продолжается во время кратковременных приездов архимандрита Павла в Москву и через интернет.

Сейчас Дмитрий Радионов — кандидат медицинских наук, хирург-онколог высшей категории. На его рабочем столе лежит книга «Очерки о гнойной хирургии» профессора в. Ф. Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки. Это последнее, пятое издание, где также напечатана статья владыки «Наука и религия», воспоминание академика в. А. Лисичкина- внучатого племянника владыки, доктора экономических наук. Здесь же можно почитать предисловия ко всем изданиям книги, предисловие к 4-му изданию написал заведующий госпитальной хирургии, доктор медицинских наук Симферопольского мединститута Н. Волобуев. Именно у него проходил свое первое обучение основам хирургии Дмитрий Радионов. И каждый

день операции, приемы страждущих от страшной болезни века. Сыну помогают и облегчают жизнь, создавая дома теплую, уютную обстановку его жена Анастасия и любимая дочка Даша семи лет, творчески одаренная, сейчас она увлечена гимнастикой и рисованием. Старший сын Михаил (1990 г.) успешно учится на третьем курсе факультета вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета.

Происхождение фамилии. Преемственность рода

Фамилия — элемент родословной и путеводная нить при ее изучении. Исследование родословий приводит к вопросу о происхождении фамилии. Не менее важна судьба фамилии, ее связь с определенными социальными слоями, ее географическое распространение.

Что же такое фамилия? В Институте этнографии АН СССР было принято следующее определение. «Фамилия — наследованное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях». В Толковом словаре под редакцией профессора Д. Н. Ушакова фамилия определяется как «наследствованное семейное именование».

Обратилась в 2007 г. в исследовательский центр «История фамилии», который предоставили данные о происхождении нашей фамилии.

Фамилия МАХАЕВ происходит из центральных областей древнерусского государства и входит в число старинных русских фамилий, появление которых относится к XVII—XVIII вв. Конечно, в настоящее время представители этой фамилии могут жить и в других исторических областях.

Основной путь возникновения и становления фамилий происходил от изменения функций существую-

щих отчеств, прозвищ, что было характерно в России до XVI века. Большинство русских фамилий принадлежали к патронимической системе, то есть выражающей связь с предками. Если раньше писали в документах «Петрушка Иванов сын», то после реформы Петра I слово «сын» отбросили и его заменил формат притяжательного прилагательного -ов, -ев — чей сын? Так появились наследственные фамилии. Фамилия Махаев принадлежит к древнему типу фамилий, образованных от мирского имени родоначальника. В старину на Руси каждый человек имел два имени. К имени, полученному ребенком при крещении добавлялось второе, называемое мирским или нецерковным. Наличие второго имени — дань древней славянской традиции двуименности, требовавшей сокрытия основного, главного имени. В роли мирских имен нередко выступали и личные прозвища, подчеркивающие качества конкретного человека. Существовавшие в русских говорах глаголы «махать» и «махаться» имели значения «резать, скакать, прыгать, бить, колотить, бросать, качаться, драться, биться». Поэтому прозвище МАХАЙ в старину могло иметь значение «беспокойный, задиристый, шумный, непоседливый человек». Любопытное объяснение слова МАХАЙ от греческого слова *μασπαίγα* — меч, нож — нашла в словаре иностранных слов. Почему-то сразу вспомнилось из биологии название саблезубого тигра — махайродус, — вымершее хищное млекопитающее семейства кошачьих с огромными верхними клыками.

Прозвища существовали до конца XVII века и даже выступали в качестве вполне официальных именовании. В книге известного ученого Б. И. Веселовского [3] нашла, что в древней грамоте 1627 г. упоминается Тимофей МАХАЙ, крестьянин, г. Белев. За многие века существования

на Руси православия христианские обряды и обычаи стали основой духовной жизни славян. Одним из таких памятников фольклора и древних традиций является фамилия МАХАЕВ.

В русской живописи наиболее известен Махаев Михаил Иванович (1718—1770), российский гравёр и рисовальщик, его гравюры с видами Петербурга есть у меня в исторической книге К. Валишевского «Дочь Петра Великого»/ В списках кавалеров ордена Святого Георгия в XIX — начале XX века «упоминается Махаев Петр Павлович, капитан 70-го пехотного Рязского полка за 1916 г. Этой награды удостоивался „единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием“».

О былой популярности имени-прозвища МАХАЙ сегодня напоминает такой факт, что только в Москве проживают более 90 семей Махаевых. В адресных книгах Москвы фамилия Махаев встречается с 1826 г., причем большинство из них были священнослужителями — в храмах в Большом и Малом Харитоньевском переулках [1896], на Поварской [1889], на Страстном бульваре, Знаменке, Большой Молчановке. Обнаружила удивительное и пока неразгаданное совпадение о том, что в 1826 г. домовладение на Пречистенке, 15 числится за Махаевой, а дом Хрущева, которому в то время принадлежало село Усово, находится рядом в доме 19 — это известное здание Музея А. С. Пушкина.

Дедушка рассказывал, что в Московской духовной семинарии в начале XX века с тремя братьями из села Усово учились также Махаев Владимир, отец которого Дмитрий Алексеевич был псаломщиком Неопалимовской церкви близ Девичьего поля. Отец другого Махаева, Ге-

оргия, был священником села Дубровки Дмитриевского района. Так что часто на занятиях происходила некоторая путаница. Случайно выяснила, что и в селе Большие Вяземы живут Махаевы.

Недавно узнала, что в Ярославской области в городе Мышкине издавна известны были купцы Махаевы. Один из потомков Г. И. Махаев, общественный сотрудник Мышкинского народного музея в настоящее время организовал книжную лавку, где крупными буквами написано: Мышкинский 2-й гильдии купец Иван Капитонович Махаевъ. КНИЖНАЯ торговля», а также написал исторический очерк о купечестве города Мышкина. Об этом я узнала от коллеги геолога, которая привезла мне книги и проспекты. В свою очередь выслала свои материалы, журналы и книги. Летом 2010 г. местный краеведческий музей собирал потомков Махаевых. Пригласили и меня, но не удалось приехать, о чем весьма сожалею.

В Ярославской области в Некоузском районе вблизи Мышкина есть село Махаево, а в Свердловской области село Махаевка. Известно, что многие села в старину получали названия по имени их владельца или основателя.

В памятных книгах Варшавской, Новгородской, Пермской губерний за 1913—1915 гг. есть сведения о Махаевых. В Тверской области в Холмском уезде жил фельдшер П. Ф. Махаев в 1905 г.

Связь потомков с предками глубже простой преемственности происхождения, в нее входят и преемственные свойства, то есть наследование умственных задатков и нравственных качеств. «Предки являются как бы духами — покровителями потомков, силой заслуг создавая последним привилегированное положение» — писал известный филолог К. А. Труш в статье «Культ предков» в 1917 г. П. Флоренский подчеркивал, что генетика

влияет на характер, внешний облик человека.. Об этом же стихотворение М. Кузьмина «Мои предки», написанное в мае 1907г.:

...все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, как живые,
во мне последнем, бедном
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас,
и вот все вы
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляйтесь мною,
за ваше молчаливое благословение.

Семейная привязанность друг к другу Константина Георгиевича и Анны Ивановны, их душевная доброта, отзывчивость в сочетании с почти пуританской строгостью и выдержанностью, трудолюбие передалось и детям. Сыновья продолжили деятельность отца. Они и внешне были похожи: выразительные карие глаза, довольно крупный нос, четко очерченные выпуклые губы. Роста были среднего, худощавого телосложения.

Твердый, энергичный и волевой характер отца передался в основном его сыну Сергею да внуку Валерию, что и показала вся их дальнейшая жизнь. Все сыновья имели хорошие музыкальные способности, любили петь в хоре (Константин и Сергей — баритон, Егор — бас, Николай, Алексей — тенор). Александр особенно любил петь в церкви, поэтому и служил псаломщиком в храмах Мос-

квы. Он мастерила отцу священнические головные уборы, любил природу, особенно бродить в лесах своего родного села, совершенно не интересовался политикой. Зато старший сын Сергей церковную службу сочетал с активной общественной жизнью.

Николай с добрым, мягким характером, чрезвычайной деликатностью, что унаследовал от матери, всю жизнь отдал преподаванию любимой специальности — русской словесности в разных семинариях, гимназиях, техникумах. Именно здесь проявился его дар проповедника, усвоенный от отца.

От Константина Георгиевича Махаева потомкам передавалась трепетная любовь к книгам, интерес к естественным и гуманитарным наукам, а также к истории родного края. В нашем роду, особенно с 4-го поколения, есть биологи, геологии, геофизики, медики и учителя русского языка и литературы в школе.

Мой прадед провел интересные исследования об истории села Усово в XIX — начале XX в., память об этом сохранили старые газеты. Только жаль, что богатый семейный архив был уничтожен после смерти священника, когда для нового строительства правительственных дач снесли дом, выгнав оттуда младшего сына с семьей. Стремление к сочинительству продолжил Сергей Махаев, издав в 1914 г. две книги о подвиге русских сестер милосердия, продемонстрировав при этом научную основательность и огромную эрудицию. Эти книги, выпущенные Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, уже выдержали три издания в начале XX в. В газетах и журналах напечатано много статей священника, еще ждущих обнародования.

Николай Константинович по окончании Московской духовной академии написал очень интересную бого-

словскую работу, на которую до сих пор ссылаются специалисты. Его перу принадлежит ряд статей о влиянии кинематографа на формирование нравственного облика учащихся. Он составил также научно-популярную книгу «Понятие о философии»: «Каждый человек начинает самостоятельно продумывать вопросы миропонимания, эту способность человеческого духа критически разобраться в окружающем мире и называют философствованием, результаты же этого стремления философией в широком смысле слова. В этом смысле каждый человек — философ, и философия есть необходимое обнаружение человеческого духа».

202

Его сын Валерий Николаевич благодаря складу интеллекта, объему знаний, блестящему знанию геологии стал высококвалифицированным специалистом, труды которого легли в основу составления государственных геологических карт Ленского золотоносного района. В записных книжках семейного архива остались его рассказы и стихи, ждущие своего опубликования.

Е. Львова опубликовала научно-популярную книгу «Равнины Крыма», оставила детям рукопись воспоминаний «Записки женщины-геолога». Мой младший брат Леонид Борисенко, кандидат геолого-минералогических наук, известный специалист по тектонике, сейсмичности Крыма. Именно он был в составе Правительственной комиссии, когда после Чернобыльской катастрофы, закрыли в 1989 г. Крымскую АЭС. В Москве он успешно применяет свои оригинальные методики для поисков полезных ископаемых. Сейчас он подготовил книгу по геологии Крыма «Геология, люди, жизнь», в которую полностью включил рукопись нашей мамы. Книгу планируют к публикации в конце 2011 г. в Симферополе. Его дочь Александра, кандидат филологических наук, отлично знает

иностранные языки, успешно преподает теорию перевода в МГУ. Всегда с интересом читаю ее статьи в журнале «Иностранная литература». Ее сын Леонид с увлечением учится на биологическом факультета МГУ.

Желание заняться научной работой проявила и дочь Валерия Махаева Татьяна. Сначала увлеклась краеведением Крыма, изучением происхождения названий Крыма, затем написала научно-популярную книгу «Западный Крым. Приглашение к путешествию по окрестностям села Песчаное».

Научные исследования начинала с исследования геоморфологии Крыма, затем много лет посвятила особенностям размещения вторичных каолинов Украинского щита, детально изучала их минеральный состав. Опубликовала много научных работ. Так сложилась судьба, что моя последняя научная статья посвящена золотонности каолинов, представленная на Международном совещании в Москве в 1995 г. Вот такая получилась переключка с интересами отца, о трагической жизни которого сейчас заканчиваю книгу.

203

Я думаю, что прадед может гордиться своими потомками.

Послесловие

Жизнь одного рода Махаевых в конце XIX — начале XXI веков прошла перед вами, она тесно вплетена в живую ткань общей истории нашей страны. Моя внучка семи лет с удивлением увидит за собой семь поколений — вереницу людей, чьи гены, характеры, упорство, способности, чью жажду жизнь она унаследовала.

Я признаю, что память, воплощенная в семейных хрониках, — это жизнь, жизнь семьи, жизнь рода. Люди уходят в область мироздания, но их воспоминания, память о них остаются с нами.

Хочу присоединиться к писателю в. Колодяжному из Санкт-Петербурга, который в «Литературной газете» обратился к читателям с предложением создавать семейные архивы, чтобы не прерывалась связь времен, чтобы наши внуки и правнуки знали подлинную историю.

Былое надо мной имеет власть
Мистическую, если присмотреться.
И чтобы мне в отчаянье не впасть,
Я, как в архив, сдаю былое в сердце.

(А. Дементьев)

В заключение хочу привести слова литературоведа Льва Аннинского, объясняющего причины составления своей подробной родословной: «Зачем я оставил дочерям жизнеописание их деда и бабу? Зачем я силюсь не отдать смертельному забвению этот мой видимый мне, обреченный со мной на исчезновение микроскопический отсвет жизни?»

Может оттого, что это мой ответ смерти, реальной, осязаемой, порожденной загадочным бытием. Или оттого, что это мой ответ бессмертию, нереальному, неосязаемому, порожденному тем же загадочным бытием».

В записях священника Александра Ельчанинова, который учился в одной гимназии г. Тифлиса с Павлом Флоренским, поразила такая метафора: «Уходя от нас, они (близкие) из ткани нашей души протягивают за собой длинный провод, и мы уже не можем жить только этим миром: в наш теплый, уютный дом поставлен аппарат в бесконечность».

Наши материалы свидетельствуют о том, что память народная долго хранит добрые дела. Так хочется надеяться, что великолепное здание Спасской церкви будет восстановлено и откроется дорога к храму...

Вновь ожил храм! Опять в нем песнопенья,
Любовь и жизнь, и свет и Божество!

Так заканчивалась моя первая статья об истории Спасской церкви в 2003 г. А в 2005-м мне выпало счастье увидеть на территории государственной резиденции новый возрожденный храм, где недавно была проведена реконструкция, восстановлены купол и колокольня со шпилем. Я постояла внутри, вспомнив своего прадеда. Стены пока были без росписи, только несколько икон. Пораз-

ил красивый мозаичный пол. Оставила в церкви журнал со своей статьей в надежде, что ее почитают прихожане в церковь. Затем обошла здание храма вокруг, запоминая его новый облик, сорвала веточку с туи, что растет почти у порога, на память. Проезжая каждый раз по Ильинскому шоссе, вблизи остановки села Петрово-Дальнее всегда вглядываюсь в хорошо видный шпиль Спасского храма.

Все изменилось в 2009 г., когда в журнале «Московские епархиальные ведомости» прочитала, что 30 мая в селе Усово Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил чин закладки храма во имя Нерукотворного образа Всемилового Спаса. Председатель Правительства РФ в. В. Путин, зная о желании местной православной общины построить новый храм, с 2008 г. принимает участие в сооружении храмового комплекса прихода Спасской церкви села Усово. Строительство проводилось силами и средствами ОАО «НК «Роснефть». По окончании чина закладки Патриарх Кирилл сказал: «Храмы Божии создаются по всей нашей стране в ответ на живую веру народа», поблагодарил в. Путина за служение отечеству, отметив что «во многом от того как Вы вспахивали поле народной жизни, зависела возможность прорастания семени веры».

Об этом радостном событии, а главное, что в храме будет придел священномученика Сергия Махаева мне сообщил протоирей Алексей Бабурин, который как настоятель Спасской церкви принимал активное участие в организации строительства храмового комплекса, который включает церковь, дом причта и православно-просветительский центр. Эта новость потрясла меня, заставив поверить, что мечты и надежды иногда сбываются.

Храмовый комплекс построен на Рублевском шоссе рядом с поворотом на село Усово по проекту архитектора Вячеслава Ижикова, который опирался на традиционную

русскую храмовую архитектуру XI—XVI вв. Для разработки концепции внутреннего убранства, написания икон и составления программы росписи внутренних стен храма был привлечен Архимандрит Зинон (Теодор), который работает в древневизантийском стиле.

5 июля 2010 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил чин великого освящения и Божественную литургию в новом храме Нерукотворного Образа Христа Спасителя в Усове. Мой сын и внук удостоились чести быть на таком торжественном событии.

Премьер-министр Российской Федерации в. В. Путин в дар храму подарил икону Спаса Нерукотворного, отметив что «это не просто храм — это целый комплекс, где люди смогут преклонить колена, попросить Господа о помощи и прощении. Это место, куда люди будут приходить для того, чтобы порадоваться и воздать должное Господу за благоприятно сложившиеся обстоятельства, радости, новые свершения, новые победы».

Настоятель нового храма — архимандрит Нестор (Жилев), благочинный Одинцовского благочиния Московского патриархата.

Храмовый комплекс включает церковь, дом причта, православный культурно-просветительский центр.

Церковь имеет 4 придела. Верхний придел освящен в честь Нерукотворного Образа Спасителя. Три нижних придела освящены в честь икон Божия Матерь Державная, преподобомученицы великой княгини Елисаветы (Романовой) и священномученика Сергия (Махаева).

Удивительный по красоте храм преображается, в нем кипит жизнь, слышны детские голоса, ведется большая просветительская и благотворительная деятельность, продолжающая культуру благоговения великой княгини Елизаветы Федоровны.

В ноябре состоялось торжественное открытие воскресной школы, где будут работать развивающие кружки: физкультурно-оздоровительный, основы русского боя, музыкально-театральный, хорового и вокального пения, игры на гитаре, керамической лепки. Имеются учебные аудитории с современным оборудованием, библиотека с читальным залом, театр, два спортзала. В феврале состоялась паломническая поездка детей с родителями в Савино-Сторожевский монастырь. В светлый день Пасхи состоится днем крестный ход детей.

В православном духовно-просветительском центре «Усово-Спасское» по воскресеньям проводятся беседы, лекции, тематические вечера, посвященные православным праздникам: «Возвращение к истокам: о жизни свяennemучеников - преподобной мученицы Елизавете (Романовой) и свяennemученике Сергии (Махаеве)». Рассказывают об истории христианского подвига, о древних подвижниках благочестия, об иконах и иконописи, о фресках Дионисия, об особенностях церковного пения. Большой интерес вызвали беседы о чудотворных крестах России, о встрече Ветхого и Нового Завета, о страдании и воскресении Иисуса Христа. Здесь выступают известные историки, философы, искусствоведы, художники, православные писатели и богословы, священники.

Часто эти беседы заканчиваются выступлениями юных артистов, в частности, фольклорных ансамблей, воспитанников балетной школы Илзе Лиепы, юных музыкантов — лауреатов международного фонда Спивакова, а также камерный Московский синодальный хор.

Хочется пожелать руководителям воскресной школы и Православного просветительского центра новых успехов в их благородной деятельности.

Моя искренняя благодарность Анне Витальевне Громовой, благодаря ее энергии, настойчивости, заботе и вниманию появилась эта книга. Сердечно благодарю протоирея Иверского храма на Большой Полянке Геннадия Егорова за многолетнюю работу по составлению жития Сергия Махаева, его творческое участие в сборе материалов по истории рода Махаевых.

По методическим вопросам краеведения мне часто давал ценные советы заведующий кафедрой исторического краеведения Историко-архивного института, председатель Союза краеведов России Владимир Фотиевич Козлов. Организуемые им «Встречи на Никольской» весьма расширили мой кругозор.

За постоянную помощь и советы по компьютерной обработке материалов для книги, оформлению фотографий очень признательна своему сыну, внуку и брату, а за добросовестную корректуру текста — Г. Я. Борисенко.

Священнослужители Спасской церкви села Усово

- 210
- 1627 Поп Прокофей Тимофеев.
1630 Поп Иван.
1664 Поп Иван Денисов.
Дьячок Алексей Никифоров.
1704 Поп Григорий.
Дьячок Иван Федоров.
1705 Поп Иван Максимов.
1709 Священник Иосиф Федоров.
Дьячок Федор Александров.
1733 Священник Василий Семенов.

С 1760 г. причт становится трехчленным (священник, дьячок и пономарь) и место священническое становится родовым для Махаева Константина Георгиевича.

- 1791 Священник [имя на церковнославянском языке].
Дьяк Алексей Иванов.
Пономарь Петр Матвеев.
1812 Харлампий Лосев.
1822 Иванов Харлампий.

- 1826 Священник Стефан Стефанов.
Дьякон Иван Никифоров.
Дьячок Алексей Федоров.
Пономарь Афанасий Михайлов.
1841 Пономарь А. Иванов.
1844 Священник Иван Андреев.
Дьячок А. Невский.
1857 Священник Иоан Андреев Смирнов.
Дьячок Стефан Васильев Касаткин.
Пономарь Илья Иоанов Крылов.
1892 Священник Константин Егорович Махаев.
Псаломщик Лихачев Сергей Николаевич.
1905 Священник Константин Георгиевич Махаев. 211
Псаломщик Розов.

До своей смерти в 1932 г. настоятелем церкви был

МАХАЕВ Константин Георгиевич.

Список составлен автором по исторической сводке Холмогоровых, материалам из Центрального исторического архива г. Москвы.

Литература

212

Опубликованная

1. *Аверьянов К. А.* Село Усово // Одинцовская земля. [Сб.] — М., 1994. С. 20—24. (Энциклопедия сел и деревень Подмосковья)
2. *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. 244 с.
3. *Веселовский Б. И.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М.: Наука, 1974.
4. *Архимандрит Макарий (Веретенников).* Окозрительный устав архиепископа Новгородского Геннадия // Альфа и Омега. 1999. № 4, С. 1—4.
5. *Герштейн Э. Г.* Мемуары. — СПб.: Инапресс. С. 346—358.
6. *Голубцов С. А.* Московская Духовная Академия в революционную эпоху. — М., 1999. С. 31—50.
7. *Греч А. Н.* Село Усово. Венок усадьбам // Памятники Отечества. 1995. Вып. 32. С. 13—15.
8. *Дубинский А. Ю.* Московская, Вифанская духовные семинарии. Алфавитные списки выпускников. — М.: Прометей, 1998, 1999.
9. *Егоров Геннадий (протоирей).* Великая княгиня Елисавета Федоровна — почетная попечительница Иверской об-

щины сестер милосердия. — М.: Паломнический центр, 2005.

10. *Иванова Л. В.* Вывоз из усадеб художественных ценностей (по архивным материалам). — М.: Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 28—34.
11. *Кавелин Л.* Кунцево и древний Сетунский стан. Исторические воспоминания. — М., 1873. С. 10—25.
12. *Калинина Н. Г.* Летопись родного края. — М., 2003. С. 222.
13. *Калинина Н. Г.* Великая княгиня Елисавета Федоровна в усадьбе Ильинское // Подмосковный летописец. 2008. № 4. С. 55—70.
14. *Козлов в. Ф.* Храм Святых Петра и Павла на Якиманке // Москва Православная. — М.: Инто, 1999. Т. 6. С. 154—155.
15. *Козырев А. Н.* Как это было. Материалы следственного дела Л. Н. Гумилева и Н. Н. Пунина 1935 г. и комментарии к нему // Вспоминая Л. Гумилева. — СПб.: Росток, 2003. С. 257—331.
16. *Кучмаева И. К.* Когда жизнь истинствует. Культура благотворения Великой Княгини Елисаветы Федоровны. М.: Индрик, 2008.
17. *Мария Павловна.* Мемуары. — М.: Захаров, 2003.
18. *Махаев К. Г.* История села Усово в XIX веке // Московские церковные ведомости. 1889. № 24. С. 317—319.
19. *Махаев К. Г.* Корреспонденция из с. Усово Звенигородского уезда // Московские церковные ведомости. 1889. № 38. С. 499.
20. *Махаев С. К.* Сестры милосердия. М.: Православный Свято-Тихоновский институт, 2003 (переиздание книги 1914 г.)
21. *Махаева Т. В., протоирей А. Бабурин.* Спасская церковь села Усово // Московский исторический журнал. 2003. № 7. С. 37—39.
22. *Махаева Т. В.* Страницы истории села Усово // Историко-краеведческий альманах «Красногорье». 2004. № 9. С. 6—15.

213

23. *Нащокина М. В.* Русская усадьба Серебряного века. — М.: Улей, 2007. С. 200—208.
24. *Поповский М. А.* Жизнь и житие святителя Луки, Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга. — СПб.: Сатисъ, Держава, 2004. С. 403—475.
25. Приложения № 19—20 за 1908—1909 гг. Императорского Православного Палестинского общества. Члены общества и должностные лица. — М., 1909. С. 28—30.
26. *Радионова Т. В.* (ур. *Махаева*). Священник Спасской церкви села Усово Константин Махаев и его потомки. // Вестник архивиста. 2005. № 3. С. 282—290; № 4. С. 244—262.
27. *Рудомино А. В.* Легендарная Барвиха. М.: Издат. Дом Тончу, при участии журнала «Наше наследие», 2009.
28. *Слюнькова И.* Усово. // Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. М.: Жираф, 2000.
29. *Степанов И. Н.* Село Ильинское. Исторический очерк. СПб., 1900.
30. *Флоренский П.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Завещание. М.: Московский рабочий, 1992.
31. *Холмогоров в. В., Холмогоров Г. И.* Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII ст. Вып. № 3. М. С. 276—280.
32. *Ярицев А.* Подмосковные прогулки. М., 1892. № 214.

Фондовая

1. ЦИАМ. Ф. 608. Оп. 2. Т. 1. Д. 37, 356, 361, 366, 891, 1000, 1051, 1844, 2053.
2. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 209. Д. 717.
3. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 752. Д. 101.
4. ЦИАМ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 1717.
5. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 746. Д. 955.
6. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2504.

7. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 762. Д. 361.
8. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 235, 240, 255, 281.
9. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Д. 76.
10. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 55. Д. 18.
11. ЦИАМ. Ф. 11766. Оп. 1. Д. 100.
12. ЦМММ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 58, 81.
13. ЦМММ. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 7.
14. ГАРФ. Ф. 10035. Д. П-61005, П-71646, П-74887.
15. ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2326.
16. Архив НКВД Ленинградской области. Следственное дело № 3764. 1935 г.

